

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Том 15, № 3, 2024

Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого
2024

TERRA LINGUISTICA

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Чернявская В.Е., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия.

Редакционная коллегия:

Беляева Л.Н., д-р филол. наук, профессор, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия;

Бернер Э., д-р филос. наук, профессор, Потсдамский университет, Потсдам, Германия;

Ван Цзясин, д-р филол. наук, профессор, Нанкинский университет, Нанкин, КНР;

Гаспарян Г.Р., д-р филол. наук, профессор, Ереванский Государственный Университет им. В.Я. Брюсова, Ереван, Республика Армения;

Жаркынбекова Ш.К., д-р филол. наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Нур-Султан, Казахстан;

Зенош-Айата Дж., д-р филос. наук, профессор, Стамбульский университет, Стамбул, Турция;

Иванова С.В., д-р филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия;

Иссерс О.С., д-р филол. наук, профессор, Омский государственный университет, Омск, Россия;

Клочкова Е.С., канд. филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ», Россия;

Куликова Л.В., д-р филол. наук, профессор, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия;

Мавродиева И.Т., д-р филос. наук, профессор, Софийский университет имени Св. Климента Охридского, София, Болгария;

Рацибурская Л.В., д-р филол. наук, профессор, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия;

Тарева Е.Г., д-р пед. наук, профессор, Московский городской педагогический университет, Москва, Россия;

Шестакова Л.Л., д-р филол. наук, профессор, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия;

Яковлева А.Ф., канд. полит. наук, ведущий научный сотрудник, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Сетевое издание публикует научно-исследовательские статьи и рецензии на русском и английском языках в области лингвистических исследований.

С 2002 года входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Сетевое издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-77377 от 25 декабря 2019 г.

Сведения о публикациях представлены в Реферативном журнале ВИНТИ РАН, в международной справочной системе «Ulrich`s Periodical Directory», в Российской государственной библиотеке. В базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, КиберЛенинка.

Учредитель и издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация.

Редакция журнала

д-р филол. наук, профессор В.Е. Чернявская – главный редактор;

Г.А. Пышкина – ответственный секретарь, выпускающий редактор; Ф.К.С. Бастиан – редактор;

А.А. Кононова – компьютерная вёрстка; И.Е. Лебедева – перевод на английский язык.

Адрес редакции: Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29.

Тел. редакции: +7 (812) 552-62-16, e-mail редакции: ntv-human@spbstu.ru

Дата выхода: 03.10.2024

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024

THE MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

ISSN 2782-5450

Terra Linguistica

Vol. 15, No. 3, 2024

Peter the Great St. Petersburg
Polytechnic University
2024

TERRA LINGUISTICA

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief

Valeriya E. Chernyavskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Russian Federation.

Members:

Larisa N. Belyaeva, Dr.Sc. (philol.), prof., Herzen State Pedagogical University of Russia, Russian Federation;

Elizabeth Berner, Dr.Sc. (philos.), prof., University of Potsdam, Germany;

Wang Jiaying, Dr.Sc. (philol.), prof., Nanjing University, China;

Gayane R. Gasparyan, Dr.Sc. (philol.), prof., Yerevan State University after V. Brusov, Yerevan, Republic of Armenia;

Sholpan K. Zharkynbekova, Dr.Sc. (philol.), prof., L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Kazakhstan;

Canan Şenöz-Ayata, Dr.Sc. (philos.), prof., Istanbul University, Turkey;

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sc. (philol.), prof., St. Petersburg State University, Russian Federation;

Oxana S. Issers, Dr.Sc. (philol.), prof., Omsk State University, Russian Federation;

Yelena S. Klochkova, Ph.D (philol.), St. Petersburg Electrotechnical University, Russian Federation;

Lyudmila V. Kulikova, Dr.Sc. (philol.), prof., Siberian Federal University, Russian Federation;

Ivanka T. Mavrodieva, Dr.Sc. (philos.), prof., Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Bulgaria;

Larisa V. Ratsiburskaya, Dr.Sc. (philol.), prof., National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russian Federation;

Elena G. Tareva, Dr.Sc. (ped.), prof., Moscow Pedagogical University, Russian Federation;

Larisa L. Shestakova, Dr.Sc. (philol.), prof., Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Russian Federation;

Aleksandra F. Yakovleva, (political), leading researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Moscow, Russian Federation.

The open access journal publishes research papers and reviews on theoretical orientations, and methodological approaches that have a central focus on language in the perspective of theoretical and applied linguistics, linguistic pragmatics, sociolinguistics, linguistic anthropology, discourse analysis, translation studies.

The journal is included in the List of Leading PeerReviewed Scientific Journals and other editions to publish major findings of PhD theses for the research degrees of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences.

The journal is indexed by Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, CNKI, ProQuest, Index Copernicus, VINITI RAS Abstract Journal (Referativnyi Zhurnal), VINITI RAS Scientific and Technical Literature Collection, Russian Science Citation Index (RSCI) database Scientific Electronic Library.

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (ROSKOMNADZOR). Certificate ЭЛ No. ФC77-77377 issued 25.12.2019.

Editorial office

Dr. Sc., Professor V.E. Chernyavskaya – Editor-in-Chief;

G.A. Pyshkina – editorial manager; Ph.Ch.S. Bastian – editor.

A.A. Kononova – computer layout; I.E. Lebedeva – English translation.

Address: 195251 Polytekhnicheskaya Str. 29, St. Petersburg, Russia.

+7 (812) 552-62-16, e-mail: ntv-human@spbstu.ru

Release date: 03.10.2024

© Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 2024

Содержание

Бурмакина Н.Г. <i>Дигитальная симплификация текстов в сфере инклюзивной социальной адресации</i>	7
Буторина Е.П. <i>Значение категории одушевлённости для некоторых композитов в деловом медиадискурсе</i>	15
Васильев К.Ф. <i>Лингвопрагматический анализ глаголов становления цвета (на основе технологий Национального корпуса русского языка)</i>	28
Гребенников А.О., Иванова Е.П., Корышев М.В., Соловьева М.В. <i>Компьютерные технологии при анализе переводческих сопоставлений</i>	35
Декатова К.И. <i>Контекстуальное взаимодействие фразеологизмов и стилистических приемов как сложное стилистическое явление</i>	47
Пантелеенко О.А. <i>Отношение к языку в полилингвальном коммуникативном пространстве: ключ к идентичности жителей итальянского приграничья</i>	60
Северская О.И., Туркина Е.В. <i>Искусственный интеллект в современном медиадискурсе: сильный, слабый, персональный</i>	74
Шацкая М.Ф., Черницына Т.В. <i>Комическая провокация и провокация комизмом: две стороны одного коммуникативно-прагматического явления</i>	81
Шрамко Л.И. <i>Стратегии и тактики создания имиджа политика в современных медиа (на примере англоязычной качественной прессы)</i>	99
Babina O.I., Zinoveva A.Yu., Nerucheva E.D. <i>Dataset preprocessing effects on Bi-LSTM-based concept tagging of text tokens</i>	109

Contents

Burmakina N.G. <i>Automated text simplification in the field of inclusive social addressing</i>	7
Butorina E.P. <i>Grammatical feature of animacy in some Russian compounds in media</i>	15
Vasilev K.F. <i>Verbs denoting changes of colour: linguopragmatic analysis based on Russian National Corpus</i>	28
Grebennikov A.O., Ivanova E.P., Koryshev M.V., Solovieva M.V. <i>Computer technologies in comparative analysis of translation</i>	35
Dekatova K.I. <i>The contextual interaction of phraseological units and stylistic devices as a complex stylistic phenomenon</i>	47
Panteleenko A.A. <i>Attitudes towards language in a polylingual communicative space: a key to the identity of Italian borderland residents</i>	60
Severskaya O.I., Turkina E.I. <i>Artificial intelligence in modern media discourse: strong, weak, personal</i>	74
Shatskaya M.F., Chernitsyna T.V. <i>Comic provocation and provocation by comedianism: two sides of one communicative and pragmatic phenomenon</i>	81
Shramko L.I. <i>Strategies and tactics of creating a politician's image in the modern media (on the example of English-speaking quality press)</i>	99
Babina O.I., Zinoveva A.Yu., Nerucheva E.D. <i>Dataset preprocessing effects on Bi-LSTM-based concept tagging of text tokens</i>	109

Научная статья

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15301>

ДИГИТАЛЬНАЯ СИМПЛИФИКАЦИЯ ТЕКСТОВ В СФЕРЕ ИНКЛЮЗИВНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ АДРЕСАЦИИ

Н.Г. Бурмакина ✉

Сибирский федеральный университет,
г. Красноярск, Российская Федерация

✉ nburmakina@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблемам повышения эффективности письменной коммуникации с людьми, которые в силу возраста, когнитивных дефицитов или иных причин не обладают в достаточной мере компетенцией чтения на стандартном русском языке. Ставится задача рассмотреть возможности существующих на сегодняшний день инструментов автоматической симплификации письменных текстов институционального взаимодействия для решения задач клинической лингвистики. Анализируются результаты дигитального упрощения текста посредством ресурсов ChatGPT и НейроТекстер. Используются методы дискурсивного анализа текста, сравнительно-сопоставительный метод, метод количественной оценки лингвистических показателей. Рассматриваются количественные аспекты читабельности, сложность синтаксических структур, графическое оформление текста и искажения на уровне содержания. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что уровень дигитальной симплификации письменных текстов названными ресурсами недостаточен для целей клинического контекста. Адаптированные тексты включают сложные синтаксические структуры, имеют место необоснованные лексические замены, количественные характеристики читабельности сгенерированных текстовых материалов не соответствуют требованиям, предъявляемым к письменным материалам на «ясном языке».

Ключевые слова: «ясный язык», симплификация текста, социальная инклюзия, читабельность, адаптация текста.

Для цитирования: Бурмакина Н.Г. Дигитальная симплификация текстов в сфере инклюзивной социальной адресации // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 7–14. DOI: 10.18721/JHSS.15301

AUTOMATED TEXT SIMPLIFICATION IN THE FIELD OF INCLUSIVE SOCIAL ADDRESSING

N.G. Burmakina ✉

Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russian Federation

✉ nburmakina@mail.ru

Abstract. The article substantiates the relevance of simplifying texts to improve the effectiveness of written communication with people with mental deficits. The task is to consider the possibilities of automatic text simplification tools. The results of automatic text simplification via ChatGPT and neuro-texter.ru are analyzed. The methods of discursive analysis of the text, the comparative method, the method of quantitative assessment of linguistic indicators are used. Quantitative indicators of adapted texts, the complexity of syntactic structures, graphic design and distortions of the content are considered. Conclusions are drawn about the insufficiency of automatic simplification of written texts for the clinical context. Adapted texts contain complex syntactic structures and unreasonable lexical substitutions. The quantitative characteristics of the adapted texts do not meet the requirements of easy language.

Keywords: easy language, text simplification, social inclusion, readability, text adaptation.

Citation: Burmakina N.G., Automated text simplification in the field of inclusive social addressing, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 7–14. DOI: 10.18721/JHSS.15301

Введение

Проблематика преодоления информационных барьеров, возникающих в процессе коммуникации у людей с врожденными или приобретенными интеллектуальными дефицитами, является актуальной задачей для современного общества. Цель исследования – рассмотреть возможности существующих на сегодняшний день инструментов автоматической симплификации письменных текстов институционального взаимодействия для решения задач клинической лингвистики. Используются методы дискурсивного анализа текста, сравнительно-сопоставительный метод, метод количественной оценки лингвистических показателей.

Согласно данным ВОЗ¹ в 2019 году в мире проживало 55,2 миллиона человек с деменцией. Прогнозируется, что к 2030 году эта цифра составит 78 миллионов. В этом контексте актуальной видится цель создания инклюзивной информационной среды для людей, испытывающих когнитивные ограничения. Право людей с инвалидностью на доступность информации декларировано Конвенцией о правах инвалидов, определяющей социальную политику государства [1]. Целям создания информационно-коммуникационного пространства, основанного на принципах Конвенции о правах инвалидов и категориях Международной классификации функционирования, ограничений жизнедеятельности и здоровья, призвана служить идея о разработке текстовых материалов на «ясном языке».

Концепция «ясного языка» предполагает целенаправленное создание адаптированной упрощенной формы лингвистической информации, доступной для понимания максимально широкому кругу адресатов, в том числе лицам с ментальными нарушениями, детям, пожилым людям, испытывающим признаки когнитивного снижения, иностранцам, использующим неродной язык в повседневной коммуникации. «Ясный язык» призван стать инструментом социальной

¹ Доклад о состоянии мер общественного здравоохранения по борьбе с деменцией в мире: резюме. Женева: Всемирная организация здравоохранения, 2021. Лицензия: CC BY-NC-SA 3.0 IGO.

инклюзии, средством создания безбарьерной коммуникативной среды для различных категорий населения, которым в силу некоторых причин недоступно чтение и понимание письменных текстов на стандартном русском языке. При преобразовании информации в текст на «ясном языке» исключаются сложные и заимствованные термины и понятия, упрощается структура высказывания, конкретизируется и сокращается текст, слова располагаются в определенной последовательности и т.д. [2].

Методология исследования

Рассмотрим следующий пример, позаимствованный из информационного проспекта, размещенного на информационном стенде в одном из социальных учреждений Красноярска:

При осуществлении проезда на всех видах городского пассажирского транспорта общего пользования (кроме такси) на территориях муниципальных образований Красноярского края, в которых введены СОЦИАЛЬНЫЕ КАРТЫ, держатель СОЦИАЛЬНОЙ КАРТЫ предъявляет кондуктору только продленную/пополненную СОЦИАЛЬНУЮ КАРТУ (карту с активированным транспортным приложением). Иных документов для проезда в городском сообщении не требуется.

Фрагмент включает два предложения продолжительностью 39 и 9 слов (всего 38 значимых слов). 28,95% использованных лексем являются многосложными, т.е. состоят из более чем четырех слогов. Графическое оформление текста содержит множество элементов, усложняющих восприятие содержания, – скобки, косую черту, выделения шрифтом. В большом количестве представлены полисемичные лексемы – «карта», «образование», «приложение», «сообщение». Явление многозначности требует от читающего дополнительных ментальных усилий, чтобы актуализировать значение, адекватное в данном контексте. Многократно используются обратимые конструкции – «держатель предъявляет кондуктору» (возможен вариант «кондуктор предъявляет держателю»), «держатель карты» (возможен вариант «карта держателя»), «транспортное приложение» (возможны варианты «приложение к транспорту», «транспорт в приложении» и т.д.), «иных документов» (возможен вариант «документов иных [лиц]»). Под обратимостью принято понимать языковое явление, заключающееся в том, что при изменении грамматических форм лексем или порядка слов, входящих в данное словосочетание, можно построить новое словосочетание с противоположным или отличным значением. Обратимость является значительным препятствием в интерпретации логико-грамматических конструкций в клиническом контексте [3, 4]. В анализируемом тексте присутствуют повторы, выраженные синонимами: предъявить необходимо «продленную/пополненную» карту «с активированным транспортным приложением». Прагматика такой избыточности заключается, вероятно, в стремлении привлечь внимание к данному факту, выразить максимально точно идею необходимости пополнять карту. Однако реализуется эта задача за счет усложнения синтаксической организации предложения и увеличения его длины. Трижды в одном предложении используется прием ограничения изложенной ранее информации: «на всех видах... транспорта (кроме такси)», «на территориях муниципальных образований Красноярского края, в которых введены СОЦИАЛЬНЫЕ КАРТЫ», «предъявляет кондуктору только продленную/пополненную СОЦИАЛЬНУЮ КАРТУ». Уровень сложности для восприятия данного фрагмента согласно онлайн-программе определения читабельности текста «Простой русский язык»² оценивается в 20,89 балла, или «очень сложно читать». Данный инструмент определяет аудиторию, способную справиться с пониманием содержания этого отрывка, как «аспирантура, второе высшее образование, PhD».

Настоящий текст является фрагментом информационного проспекта, адресованного людям, получающим социальные льготы от регионального правительства, т.е. это граждане, которые в силу их возраста и состояния здоровья нуждаются в дополнительной поддержке и заботе. Приведенный анализ позволяет заключить, что чтение и понимание представленного текста затруднительно

² Простой русский язык. URL: <http://plainrussian.ru> (дата обращения: 10.07.2024).

для реципиентов, которым он адресован. Требуется его симплификация, переформулирование в более доступном лингвистическом исполнении. Решению подобных задач призван служить перевод на «ясный язык».

Требования к текстам на «ясном языке» сформулированы в рекомендациях «„Ясный язык“: как сделать информацию доступной для чтения и понимания». Они распространяются на следующие аспекты:

1) требования к лексике — избегание длинных многосложных слов; отказ от использования малочастотных слов, сокращений, терминов, неологизмов, полисемичных лексем, числительных, частицы «не»;

2) синтаксическое оформление — избегание сложных синтаксических конструкций, сложно-подчиненных и сложносочиненных предложений, деепричастных и причастных оборотов;

3) использование стилистических фигур — отказ от метафор, фразеологизмов, иронии и т.д.;

4) графическое оформление текста — отказ от вычурных типографских шрифтов, от комбинирования различных шрифтов или цветовых выделений в одном тексте; неиспользование фоновых изображений; начало каждого предложения с новой строки; добавление интервалов между абзацами и др. [5].

«Сбербанк» в 2023 году выпустил рекомендации³ по созданию текстов на «ясном языке», которые включают следующие правила:

- используйте часто употребляемые слова;
- не используйте слова с двойным смыслом;
- обойдитесь без сокращений и аббревиатур;
- не бойтесь повторов;
- реже используйте числа и даты.

Систематизация и обобщение теоретического материала, посвященного специфике визуального и смыслового восприятия текста и нарушениям данного процесса у людей с локальными поражениями мозга и с когнитивными нарушениями, вызванными болезнью Альцгеймера, позволили выделить языковые и экстралингвистические элементы, вызывающие наибольшие затруднения в процессе чтения:

- использование низкочастотных номинаций;
- большой процент длинных многосложных слов;
- явления аббревиации;
- полисемичные единицы;
- обратимые конструкции;
- союзы и предлоги, выражающие временные, пространственные и причинные отношения;
- сравнительные конструкции;
- громоздкие распространенные предложения со сложным комплексом сочинительных или подчинительных связей;
- высказывания, содержащие косвенно выраженные смыслы;
- числительные;
- креативное графическое оформление текста [6].

Имея в виду перечисленные выше требования к письменным материалам, необходимым для создания безбарьерной коммуникативной среды для различных категорий людей, включая лиц с ментальными трудностями, кажется очевидной идея использовать возможности искусственного интеллекта для задач цифровой симплификации текстов инклюзивной социальной адресации. Рассмотрим шаги, которые были сделаны в этом направлении.

На сегодняшний день в целом решенной можно считать задачу автоматической оценки сложности текстов для восприятия. Разработаны различные способы расчета индексов читабельности

³ Доступные языки и инклюзивная коммуникация. URL: https://www.sberbank.com/promo/plain_language_guide/ (дата обращения: 10.07.2024).

письменных текстов. Онлайн-ресурс «Простой русский язык» рассчитывает удобочитаемость текста по нескольким формулам, адаптированным для русского языка. Среди них:

- 1) вычисление корреляции средней длины предложения и средней длины используемых слов – формула Флеша–Кинкейда (Flesch–Kincaid formula);
- 2) определение соотношения количества предложений на 100 слов и количества слов на 100 букв в тексте – индекс Колман–Лиану (Coleman–Liau index);
- 3) оценка пропорции символов (букв и цифр) в тексте и количества слов, а также количества слов и предложений в тексте – автоматический индекс удобочитаемости (the automatic readability index (ARI));
- 4) сопоставление числа слов, состоящих из более чем трех слогов, и количества предложений в тексте – SMOG grade;
- 5) вычисление соотношения наиболее употребительных слов с числом слов в тексте и общего числа слов с числом предложений в тексте – формула удобочитаемости Дейла–Челла (Dale–Chall readability formula).

Проделана значительная статистическая лексикографическая работа по установлению частотности использования слов [7, 8]. Поиски решений задачи автоматической симплификации текстов или автоматического интралингвального перевода ведутся на протяжении многих лет [9, 10]. В частности, ресурс ChatGPT предлагает функцию упрощения текста. Рассмотрим, как он справляется с задачей симплификации приведенного выше фрагмента:

Для поездки на городском общественном транспорте в Красноярском крае с использованием социальной карты нужно показать проводнику только активированную карту. Другие документы для проезда не нужны.

С точки зрения количественной оценки читабельности индекс сложности данного текста значительно понизился, до 8,89 пунктов, и оценивается программой как «достаточно легко читать», «доступен для чтения ученикам 7–9 классов». В результате симплификации текст стал короче на 48%, или на 22 слова. Была элиминирована избыточность, выраженная содержательным повтором. Принципиально сократилось число лексем, длина которых составляет более четырех слогов (с 13 до 2). Исчезло отвлекающее внимание графическое выделение. Тем не менее, если рассмотреть полученный результат в контексте задач клинической лингвистики, можно констатировать недостаточную глубину симплификации. Итоговый вариант текста составляет два предложения, первое из которых состоит из 19 слов. Сохранились обратимые конструкции: «с использованием социальной карты» (возможен вариант «с картой использования»), «активированную карту» (возможен вариант «карту активирования»). Вопросы вызывает замена слова «кондуктор» на «проводник»:

- длина, слоговая структура данных существительных совпадает;
- частотность употребления согласно данным Национального корпуса русского языка является сопоставимой;
- семантика этих слов частично пересекается;
- выбор одного из двух вариантов актуализирует сценарий «поездка на поезде», другого – «поездка в автобусе или трамвае».

В итоге произведенная замена не представляется адекватной.

Еще один пример предлагаемого решения цифровой адаптации предлагает ресурс НейроТекстер⁴. Запрос в разделе «Перефразирование» был сформулирован как «Переписать текст простым языком». Результат представлен ниже:

Для поездок на общественном транспорте в городах Красноярского края, где действуют СОЦИАЛЬНЫЕ КАРТЫ, нужно показать кондуктору активированную СОЦИАЛЬНУЮ КАРТУ. Другие документы не нужны.

⁴ НейроТекстер. URL: <https://neuro-texter.ru/> (дата обращения: 10.07.2024).

Количественные показатели симплификации сопоставимы с результатами ресурса ChatGPT. Уровень читабельности составляет 8,89 пунктов, «достаточно легко читать». Продолжительность отрывка в словах сократилась на 54%. Количество многосложных лексем понизилось в три раза. Сопоставление симплифицированного варианта с требованиями ясного языка демонстрирует, однако, ряд несоответствий. Слишком длинная продолжительность первого из двух предложений – 22 слова. 18% слов имеют сложную слоговую структуру. Текст содержит графическое выделение. Синтаксическая структура предложения включает вложенное придаточное. Схожие результаты продемонстрировало исследование возможностей ресурса ChatGPT для перевода административных текстов на «ясный язык», выполненное в Германии. Авторы исследования отмечают, что сгенерированные симплифицированные тексты проще, чем исходные варианты на стандартном языке, но они не соответствуют правилам «ясного языка». Кроме того, содержание текстов не всегда передается корректно [11].

Выводы

В исследовании ставилась цель рассмотреть возможности существующих на сегодняшний день инструментов автоматической симплификации письменных текстов институционального взаимодействия для решения задач клинической лингвистики. Выполненный анализ позволяет констатировать, что в сфере цифровой симплификации текстов с применением возможностей искусственного интеллекта достигнут достаточный прогресс. Однако существующие на сегодняшний день технологии не отвечают в полной мере задачам адаптации письменных материалов в контексте социальной инклюзии. Симплифицированные посредством ресурсов ChatGPT и НейроТекстер фрагменты включают сложные синтаксические структуры, имеют место необоснованные лексические замены, количественные характеристики читабельности сгенерированных текстов не соответствуют требованиям «ясного языка».

Заключение

Практика адаптации сложного текстового содержания очень обширна и имеет давнюю традицию. Можно упомянуть изложение научных концепций в образовательном дискурсе, трактование юридических и медицинских текстов для непрофессионалов, подготовку дидактических материалов для изучающих иностранные языки и т.д. [12–16]. Тема обеспечения равного доступа к текстовой информации всем членам общества, включая людей с ментальными дефицитами, широко обсуждается в научной литературе и является актуальной и востребованной, в том числе в бизнес-сообществе. Примеры обращения к практике применения «ясного языка» для повышения качества предоставляемых услуг демонстрируют «Сбербанк» и «Почта России». На теоретическом уровне подходы к симплификации текстов на русском языке разработаны и апробированы. Можно говорить о том, что в обществе складывается консенсус о необходимости формулировать информацию на «ясном языке». «Лингвистическая вариативность считается выражением языковой идеологии... эффекты от использования вариативных форм языка становятся значимыми в связи с возрастной, гендерной, этнической, социально-статусной спецификой коммуникантов» [17]. На пути решения задач автоматической трансформации текстов, созданных на стандартном русском языке, в тексты на «ясном языке» проделан значительный путь. Однако необходимо продолжить усилия в этом направлении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Владимирова О.Н., Чистякова Н.П., Мирошниченко О.А. Вопросы информационной доступности для людей с инвалидностью, имеющих ментальные нарушения, включая РАС // Аутизм и нарушения развития. 2023. Т. 21, № 1. С. 49–58. DOI: 10.17759/autdd.2023210106

2. **Нечаева Н.В., Хельмле К.С., Каирова Э.М.** Перевод на ясный и простой языки: зарубежный опыт и перспективы в России // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2020, № 3. С. 8–24. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.3.1
3. **Лурия А.Р.** Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1979. 320 с.
4. **Ахутина Т.В., Корнеев А.А., Матвеева Е.Ю.** Возрастная динамика понимания логико-грамматических конструкций у младших школьников и ее мозговые механизмы // Специальное образование. 2017. № 3 (47). С. 15–31.
5. «Ясный язык»: как сделать информацию доступной для чтения и понимания. Методические рекомендации / под ред. Е.Г. Титовой. Минск: Белорусская ассоциация помощи детям-инвалидам и молодым инвалидам, 2018. 42 с.
6. **Бурмакина Н.Г., Куликова Л.В., Попова Я.В., Артемьева А.И.** Формат текста как инклюзивная практика современного социума // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 3. С. 607–626. DOI: 10.21638/spbu09.2022.313
7. **Хохлова М.В.** Статистические методы в лексикографических исследованиях: представление частотной лексики // Terra Linguistica. 2023. Т. 14, № 3. С. 80–93. DOI: 10.18721/JHSS.14307
8. **Долинский В.А.** Квантитативная лингвистика и новые информационные технологии. М.: Московский государственный лингвистический университет, 2022. 352 с.
9. **Shardlow M.** A survey of automated text simplification // International Journal of Advanced Computer Science and Applications. 2014. Vol. 4 (1). P. 58–70. DOI: 10.14569/SpecialIssue.2014.040109
10. **Fröhlich W., Candussi K.** Easy Language in Austria // Handbook of Easy Languages in Europe / ed. by C. Lindholm, U. Vanhatalo. Berlin: Frank & Timme. Verlag für wissenschaftliche Literatur, 2021. P. 27–52.
11. **Deilen S., Hernández Garrido S., Lapshinova-Koltunski E., Maaß Ch.** Using ChatGPT as a CAT tool in Easy Language translation. DOI: 10.48550/arXiv.2308.11563
12. **Белов С.А.** Роль языка в обеспечении понятности и определенности нормативных правовых актов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2022. Т. 13, № 2. С. 293–308. DOI: 10.21638/spbu14.2022.201
13. **Магировская О.В., Влодарчик Е.А.** Репрезентация научного знания в дискурсе экспертных блогов врачей (на материале английского и русского языков) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2021. № 1 (40). С. 117–123. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.64.26.018
14. **Первухина С.В.** Механизмы адаптации текста в учебно-педагогическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (139). С. 43–46.
15. **Первухина С.В.** Характеристики медицинского адаптированного текста // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7–2 (49). С. 133–137.
16. **Первухина С.В.** Структурно-семантические и дискурсивно-прагматические характеристики адаптированного текста: монография. Ростов н/Д.: РГУПС, 2014. 202 с.
17. **Молодыхченко Е.Н., Чернявская В.Е.** Социальная репрезентация через язык: теория и практика социолингвистики и дискурсивного анализа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19, № 1. С. 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106

REFERENCES

- [1] **Vladimirova O.N., Chistyakova N.P., Miroshnichenko O.A.**, Information Accessibility for People with Mental Disabilities, Including Autism Spectrum Disorders, Autism and Developmental Disorders, 21 (1) (2023) 49–58. DOI: 10.17759/autdd.2023210106
- [2] **Nechayeva N.V., Khelmle K.S., Kairova E.M.**, Translating into Easy and Plain Languages: International Practice and Prospects for Russia, PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin, 3 (2020) 8–24. DOI: 10.15593/2224-9389/2020.3.1
- [3] **Luriya A.R.**, Yazyk i soznaniye [Language and consciousness], Moscow University Press, Moscow, 1979. 320.
- [4] **Akhutina T.V., Korneyev A.A., Matveyeva Ye.Yu.**, Age-related Dynamics of Comprehension of Logico-grammatical Constructions in Junior Schoolchildren and Its Brain Mechanisms, Special Education, 3 (47) (2017) 15–31.

[5] “Yasnyy yazyk”: kak sdelat informatsiyu dostupnoy dlya chteniya i ponimaniya. Metodicheskie rekomendatsii [Easy Language: how to make information available for reading and understanding. Methodical Recommendations], ed. by Ye.G. Titova, Belarusian Association for Assistance to Disabled Children and Young People with Disabilities, Minsk, 2018.

[6] **Burmakina N.G., Kulikova L.V., Popova Ya.V., Artemyeva A.I.**, The format of the text as an inclusive practice in modern society, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 19 (3) (2022) 607–626. DOI: 10.21638/spbu09.2022.313

[7] **Khokhlova M.V.**, Statistical methods in lexicographic research: representing frequency vocabulary, Terra Linguistica, 14 (3) (2023) 80–93. DOI: 10.18721/JHSS.14307

[8] **Dolinskiy V.A.**, Kvantitativnaya lingvistika i novyye informatsionnyye tekhnologii [Quantitative linguistics and new information technologies], Moscow State Linguistic University, Moscow, 2022.

[9] **Shardlow M.**, A survey of automated text simplification, International Journal of Advanced Computer Science and Applications, 4 (1) (2014) 58–70. DOI: 10.14569/SpecialIssue.2014.040109

[10] **Fröhlich W., Candussi K.**, Easy Language in Austria, Handbook of Easy Languages in Europe, ed. C. Lindholm, U. Vanhatalo, Frank & Timme. Verlag für wissenschaftliche Literatur, Berlin, 2021, pp. 27–52.

[11] **Deilen S., Hernández Garrido S., Lapshinova-Koltunski E., Maaß Ch.**, Using ChatGPT as a CAT tool in Easy Language translation, 2023. DOI: 10.48550/arXiv.2308.11563

[12] **Belov S.A.**, The role of language in providing intelligibility and certainty of normative legal acts, Vestnik of Saint Petersburg University. Law, 13 (2) (2022) 293–308. DOI: doi.org/10.21638/spbu14.2022.201

[13] **Magirovskaya O.V., Vloddarchik Ye.A.**, Scientific Knowledge Representation in the Discourse of Medical Expert Blogs (the Case of English and Russian-language Blogs), Actual Issues of Modern Philology and Journalism, 1 (40) (2021) 117–123. DOI: 10.36622/AQMPJ.2021.64.26.018.

[14] **Pervukhina S.V.**, Mekhanizmy adaptatsii teksta v uchebno-pedagogicheskom diskurse [Mechanisms of text adaptation in educational discourse], Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University, 6 (139) (2019) 43–46.

[15] **Pervukhina S.V.**, Kharakteristiki meditsinskogo adaptirovannogo teksta [Characteristics of a medical adapted text], Philology. Theory & Practice, 7–2 (49) (2015) 133–137.

[16] **Pervukhina S.V.**, Strukturno-semanticheskiye i diskursivno-pragmaticheskiye kharakteristiki adaptirovannogo teksta [Structural-semantic and discursive-pragmatic characteristics of the adapted text], monograph, RGUPS, Rostov-on-Don, 2014.

[17] **Molodychenko Ye.N., Chernyavskaya V.Ye.**, Representing the social through language: Theory and practice of sociolinguistics and discourse analysis, Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature, 19 (1) (2022) 103–124. DOI: 10.21638/spbu09.2022.106

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Бурмакина Наталья Геннадьевна
Natalia G. Burmakina
E-mail: nburmakina@mail.ru

Поступила: 28.05.2024; Одобрена: 24.06.2024; Принята: 09.07.2024.
Submitted: 28.05.2024; Approved: 24.06.2024; Accepted: 09.07.2024.

Научная статья

УДК 81'38

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15302>

ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ ОДУШЕВЛЁННОСТИ ДЛЯ НЕКОТОРЫХ КОМПОЗИТОВ В ДЕЛОВОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Е.П. Буторина ✉

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

✉ elenabutorina@yandex.ru

Аннотация. В статье обсуждается значение грамматической категории одушевлённости некоторых композитов делового медиадискурса, включающих первый и второй компоненты с разными исходными характеристиками одушевлённости: *государство-ответчик, страна – экспортёр наркотиков* и др. Цель представленного в статье исследования состоит в выявлении наличия или отсутствия различий в предпочтениях выбора значения категории одушевлённости, осуществляемого в деловом медиадискурсе для разных видов композитов: составных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение. Основой методологии исследования выступает когнитивно-дискурсивный подход. В работе используются методы моделирования, классификации, контекстного анализа, качественного и количественного сопоставления, опроса носителей языка. Для проверки гипотез применяется критерий согласия Пирсона, вычисления соответствующих коэффициентов выполняются при помощи функции КОРРЕЛ Microsoft Excel. В качестве материала привлекались контексты, представленные в основном корпусе и газетном подкорпусе НКРЯ, и результаты выдачи поисковой системы Yandex. В результате исследования установлено, что особенно много случаев экспансии неодушевлённости зафиксировано при употреблении форм множественного числа. Отмечена связь между концептуализацией означаемого композита, находящей проявление в его грамматическом оформлении, и дискурсивными условиями употребления составной единицы номинации. Статистически значимых различий в употреблении показателей одушевлённости для сложносоставных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение, не выявлено.

Ключевые слова: одушевлённость, композит, деловой дискурс, медиакommunikации, русский язык.

Для цитирования: Буторина Е.П. Значение категории одушевлённости для некоторых композитов в деловом медиадискурсе // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 15–27. DOI: 10.18721/JHSS.15302

GRAMMATICAL FEATURE OF ANIMACY IN SOME RUSSIAN COMPOUNDS IN MEDIA

E.P. Butorina ✉

Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russian Federation

✉ elenabutorina@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the grammatical feature of animacy in business discourse compounds whose first and second components differ in animacy: *gosudarstvo-otvetchik* (respondent State), *strana – eksportyor narkotikov* (drug-exporting country), etc. on the basis of the contexts represented in the main body and newspaper subcorpus of The Russian National Corpus and the results of the Yandex search engine. The purpose of the research is to identify any differences in the preferences for choosing the meaning of the animacy category in business media discourse for different types of composites: compound words and syntactic constructions including an apposition. The methods used in the study include modeling, classification, contextual analysis, qualitative and quantitative comparison, and surveying language speakers. To test hypotheses, Pearson's Chi-squared test is applied, and the corresponding coefficients are calculated using the CORREL function in Microsoft Excel. The cases of retention of the dictionary meaning of morphological animacy in syntactic structures are analyzed. Of particular interest are the situations of expansion of the animacy feature from one component of the compound to the whole compound. Grammatical and cognitive prerequisites for the assimilation of compound members in grammatical animacy are proposed. The possibility of agreement of adjectives, determinative pronouns, ordinal numerals and participles with such compounds are considered.

Keywords: animacy, compounds, business discourse, media, Russian.

Citation: Butorina E.P., Grammatical feature of animacy in some Russian compounds in media, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 15–27. DOI: 10.18721/JHSS.15302

Введение

Категория одушевлённости в русском языке проявляется на морфологическом и синтаксическом уровнях. Исследователи обращают внимание на наличие промежуточной зоны между словарём и грамматикой [1] и отмечают, что интерес к явлениям и единицам подобного множества в наибольшей степени оправдан в ряде случаев, в числе которых можно назвать описание ограничений на одушевлённость/неодушевлённость референта [2]. Особый интерес в этом плане представляют сложносоставные слова, включающие компоненты с разными значениями категории одушевлённости.

А.Н. Барулин, предлагая проект создания толково-комбинаторного словаря морфем, подчёркивал единство механизмов построения слов и синтаксических конструкций: «Сложные морфологические конструкции (т. е. конструкции, в которые входит более одного морфа) строятся из морфов приблизительно по тем же правилам, что и сложные лексические конструкции, т. е. на основе морфолого-синтаксических отношений между морфемами в словоформе по правилам отображения этих отношений в линейной структуре, хотя в построении морфологических конструкций есть и свои особенности» [3, с. 14], обращая особое внимание на характер связи между морфемами в слове: «Более того, в словоформе все морфемы, значение которых не является пустым (как это имеет место, например, в случае с тематическими морфемами), должны быть непрерывно связаны синтаксическими отношениями, а вся она представляет собой морфолого-синтаксическую конструкцию» [Там же, с. 21]. Значительная роль в построении этой модели принадлежит композитам как образованиям, описание закономерностей построения которых

может способствовать выявлению промежуточных областей между словарём и грамматикой: «Композиты строятся в два этапа: вначале конструируются основы композитной конструкции, затем с помощью оператора конкатенации, выражаемого коннектором, устраняется лексическая граница между основами...» [Там же, с. 24] В качестве результата работы А.Н. Барулина по выявлению и описанию особенностей построения композитов и правил выбора для таких сложных или составных образований общих грамматических характеристик можно рассматривать предложенный им список поверхностных морфолого-синтаксических отношений [Там же, с. 28]. В него вошли несколько основных классов: нексусно-актантные, юнктивно-актантные, атрибутивные, юнктивно-сирконстантные, однородные и параметрические. К сожалению, последний класс исследован наименее подробно, в то время как именно он представляет наибольший интерес с точки зрения описания явлений, связанных с нестандартными случаями функционирования некоторых составных композитов в узусе. Речь идёт об особенностях выбора грамматического значения категории одушевлённости таких образований, как *государство-ответчик*, *страны – участницы СНГ* и т.п. Стандартным случаем реализации категории одушевлённости мы считаем для слов, имеющих словарную помету «одушевлённое», совпадение во множественном числе форм падежных окончаний винительного падежа с формами окончаний родительного падежа, для слов с пометой «неодушевлённое» – совпадение падежных окончаний винительного падежа с формами именительного. У существительных мужского рода такая омонимия падежных форм наблюдается и в единственном числе.

Исследователи отмечают, что, поскольку сложносоставное слово состоит из двух или более самостоятельных слов, одной из наиболее часто встречающихся проблем его морфологии является определение порядка образования форм каждого из его компонентов [4, 5]. В сложносоставном образовании могут склоняться обе части (*организация-исполнитель*), только первая (*программа-максимум*) или только вторая часть (*генерал-майор*). Т. Ян полагает, что в случае изменения обеих частей сложносоставное слово сближается со словосочетанием, при ограничении склонения отдельных компонентов можно говорить скорее о сложном слове [5]. Ещё более значительный интерес могут представлять композиты с точки зрения категории одушевлённости, если части такого сложносоставного образования имеют разные значения этой категории. В этом случае закономерно возникает вопрос о связи грамматики с семантикой и прагматикой, то есть о том, каковы когнитивные механизмы выбора значения категории одушевлённости для сложносоставного слова в тех или иных дискурсивных практиках.

Цель исследования и предварительные наблюдения

Цель представленного в статье исследования состоит в выявлении наличия или отсутствия различий в предпочтениях выбора значения категории одушевлённости, осуществляемого в деловом медиадискурсе для разных видов композитов: составных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение.

Исследователи обсуждают различные причины периферийных явлений, связанных с проявлениями категории одушевлённости в узусе, обращая внимание как на семантику одушевлённости, так и на прагматические условия построения высказываний (например, [6]). В частности, их внимание привлекают сбои, связанные с непрототипическими единицами в этой сфере. Среди таких единиц отмечены и существительные, обозначающие организации, в которых могут формироваться постоянные или временные группы людей [Там же, с. 248].

В официальном и деловом дискурсах также можно встретить случаи употребления некоторых слов, постоянно характеризующихся в языке как одушевлённые, по отношению к неживым референтам (например, *ответчик*, *выгодоприобретатель*). Уточним, что для целей нашего исследования мы будем считать, что деловой дискурс служит для оптимизации управленческой, производственной, финансовой или коммерческой деятельности, а официальный функционирует в правовом поле. В общем случае они не совпадают, хотя часто пересекаются.

Необходимо отметить, что круг интересующих нас единиц в деловых, официальных и представляющих их в публичном дискурсе медиатекстах заметно шире, чем перечень обычно приводимых в справочниках слов с варьированием значения одушевлённости. Так, помимо упоминаемых в большинстве описаний известных случаев несоответствия грамматического значения одушевлённости в языке признакам биологически живого существа (*кукла*, *мертвец*, *валет* и ряд других) можно говорить и о классе ситуаций подобного расхождения уже в деловой речи, предполагающей, как принято считать, более рациональное устройство: в грамматическом словаре А.А. Зализняка¹ слова *импортёр* и *экспортёр* имеют помету одушевлённых существительных, при этом уточняется, что речь может идти в том числе об учреждении, государстве. Для некоторых слов, таких, например, как *производитель* или *отправитель*, указано, что они имеют постоянное значение морфологической одушевленности, если речь идёт в том числе об учреждении, а для других, которые тоже могут употребляться по отношению к таким сущностям, как учреждения, государства и страны, для обозначения их роли в деловом взаимодействии или статуса в правовом пространстве, например, *нарушитель*, *преемник*, *участник*, приводится постоянное значение одушевлённости без соответствующих уточнений.

Обратимся к примерам употребления таких слов в предложениях. Предварительное наблюдение показывает, что картина оформления грамматической одушевлённости будет не вполне однородной для всех случаев. Если отдельно стоящее слово, отмеченное в словаре как одушевлённое, даже при употреблении по отношению к неживому референту сохраняет признак грамматической одушевлённости, то в случае его вхождения в композит (в составном слове или при наличии приложения в синтаксической конструкции) ситуация заметно меняется:

(1) *Надо понимать, что, скажем, популярное в 2008–2009 годах объяснение резких колебаний цен влиянием трейдеров устроило всех: страны-экспортёры, импортёров, нефтяные компании* [Быков П., Кокшаров А. Весьма хладнокровный картель // Эксперт. 2014] (НКРЯ²).

В этом примере можно наблюдать рядом стоящие формы: слово *импортёров* (в. п. = род. п.) употреблено как одушевлённое по отношению к неживому референту, а композит *страны-экспортёры* выступает как неодушевлённое составное существительное (в. п. = им. п.). Если предположить, что в этом контексте речь идёт всё-таки об импортёрах-людях, которые почему-то упомянуты в одном ряду со странами и компаниями, то можно опереться и на другие примеры: номинации со значением грамматической одушевлённости по отношению к неживым референтам встречаются не столь редко, тем более что образование и употребление подобных форм не противоречат словарной информации о значении категории одушевлённости для этих слов:

(2) *В будущем правительство намерено превратить страну и в крупного экспортёра телекоммуникационного оборудования* [Чернов А.А. Становление глобального информационного общества. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2003. 232 с.] (НКРЯ);

(3) *Её устранение позволило объявить её преемника – общенародное государство* [Попов Г., Аджубей Н. Пять выборов Никиты Хрущева (журнальный вариант) // Наука и жизнь. 2008. № 10]. (НКРЯ).

Можно видеть, что отдельно стоящие слова в примерах (1) и (2) ведут себя в соответствии с их словарной характеристикой. В конструкциях с приложениями, в которых такие слова занимают позицию синтаксической вершины, насколько можно судить по приведённому примеру (3), наблюдается похожая картина. Возможны ли колебания в выборе характеристик одушевлённости для составных частей разных видов композитов? С чем могут быть связаны такие колебания?

Методология и методика исследования

В исследовании используется когнитивно-дискурсивный подход к анализу языкового материала.

¹ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2022. 800 с.

² Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 28.05.2024).

Когнитивный подход, одним из оснований которого является антропоцентричность, «позволяет проследить, как человек, концептуализируя и категоризируя поступающую к нему в ходе предметно-познавательной деятельности информацию, создает на основе уже оязыковленных концептов новые, которые получают репрезентацию за счет производных единиц, в том числе сложных слов» [7, с. 76].

В исследованиях, выполненных в русле когнитивного направления, выявляются механизмы вторичной концептуализации семантической категории лица [8], связанной с грамматической категорией одушевлённости. Различное значение одушевлённости в разных контекстах для сочетания *юридическое лицо* показано в [9]. Особенность грамматических категорий по сравнению с семантической категоризацией заключается в том, что говорящему необходимо выбрать грамматический показатель, в том числе и для непрототипических случаев номинации. Для категории одушевлённости это наименования организаций, в которых работают люди, то есть лица. Сама организация в целом при этом в ряде ситуаций также проявляет себя как субъект права. Проанализированные примеры свидетельствуют о том, что носителями языка могут быть приняты разные решения при употреблении сочетания *юридическое лицо*, которое является результатом метафтонимического переноса, обозначая при этом неживой объект действительности.

Говорить о нарушениях нормы одними говорящими и соблюдении их другими при выборе разных показателей одушевлённости в этом случае неправомерно, поскольку такая норма для номинации *юридическое лицо* не зафиксирована авторитетными словарями. Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что предпочтения в выборе того или иного показателя одушевлённости для этого сочетания связаны с особенностями представления знаний о мире и дискурсивными условиями его функционирования [9].

В настоящей работе изучается, в частности, то, какие знания о мире передают анализируемые композиты, определяется, за счет каких когнитивных моделей и механизмов в их семантике актуализируется или нейтрализуется семантика лица или предмета при определённых дискурсивных условиях. Выбор значения категории одушевлённости композита как единого целого при разных значениях этой категории для входящих в его состав компонентов рассматривается на материале медиатекстов, с учетом особенностей дискурса современных медиакommunikаций [10].

Таким образом, объектом исследования, представленного в статье, является функционирование композитов в деловых медиатекстах. Предмет исследования – механизмы концептуализации означаемого композита в идентифицирующей (субъектной) или квалифицирующей (предикатной) роли [11, 12]. Результаты такой концептуализации, в свою очередь, находят отражение в выборе значения категории одушевлённости.

В работе используются методы моделирования, классификации, контекстного анализа, качественного и количественного сопоставления, опроса носителей языка. Для проверки гипотез применяется критерий согласия Пирсона, вычисления соответствующих коэффициентов выполняются при помощи функции КОРРЕЛ Microsoft Excel.

Когнитивно-дискурсивный подход, реализуемый при помощи указанных методов, позволяет направить «вектор исследовательского внимания на те категориальные зоны грамматического значения, которые посредством их отражения в речи демонстрируют активную позицию говорящего, наделяющего своё высказывание такими смыслами, которые, с одной стороны, свидетельствуют о погружённости говорящего в речевой опыт, с другой стороны, передают такие смысловые системно-грамматические отношения, которые заложены в самом потенциале языка. По-видимому, этот потенциал ещё далёк от исчерпывающего описания» [13, с. 45].

Результаты исследования и обсуждение

Рассмотрим примеры употребления композитов, в состав которых входят морфологически неодушевлённые части *банк, государство, предприятие, страна, фирма* в сочетании с компонентами

импортёр, истец, нарушитель, ответчик, производитель, союзник, участник, экспортёр и др., характеризующимися в словаре³ как одушевлённые. Уточним, что под композитом мы понимаем единицу номинации, включающую два и более корня. Помимо сложносоставных слов, части которых соединены дефисом (например, *банк-преемник, государство-банкрот*), к таким единицам могут быть отнесены номинации, включающие слово и приложение к нему, между которыми стоит тире (например, *государства – участники СНГ, страна – импортер наркотиков*). Все они представляют собой эндоцентрические структуры, то есть их синтаксическая вершина находится внутри композита, который является гипонимом по отношению к ней [14]. Многие из этих сложносоставных слов имеют официальные дефиниции, которые зафиксированы в соответствующих документах, то есть являются единицами официального и делового стиля, представленными в медиадискурсе, например:

Государство-экспортёр – «договаривающееся государство, экспортирующее типовую конструкцию, её модификацию или изделие по условиям настоящего Соглашения. *Соглашение в форме обмена личными нотами о сертификации взаимно импортируемых гражданских воздушных судов и о признании сертификатов лётной годности (Рим, 30 ноября 1989 г.). 3. Термины и определения, п.з.*»⁴.

В Национальном корпусе русского языка⁵ удалось найти всего 63 примера употребления подобных образований в винительном падеже, поиск «Яндекса» позволил дополнить этот список ещё 11 случаями. В получившемся множестве примеров теоретически возможны несколько групп:

Группа 1: сохранение словарных значений одушевлённости/неодушевлённости обеими частями композита в единственном числе;

Группа 2: сохранение словарных значений одушевлённости/неодушевлённости обеими частями композита во множественном числе;

Группа 3: экспансия неодушевлённости в единственном числе;

Группа 4: экспансия неодушевлённости во множественном числе;

Группа 5: экспансия одушевлённости в единственном числе;

Группа 6: экспансия одушевлённости во множественном числе.

Примеры полученного массива было предложено оценить 50 носителям русского языка в возрасте от 18 до 67 лет как правильные, неправильные или возможные. Группа опрашиваемых формировалась с учётом сбалансированной представленности возрастных, гендерных, социальных и территориальных характеристик. Оценка примеров носителями языка представляется необходимым этапом исследования, поскольку многие композиты отсутствуют в словарях (источниках кодифицированной нормы), а примеры узуального употребления таких составных образований нередко немногочисленны или вообще единичны. В этом случае возникает закономерное сомнение в том, имеем ли мы дело с особыми дискурсивными условиями выбора одного из значений грамматической категории или это просто ошибки, которые подлежат изучению уже с другими целями и другими методами. Если выбор признан допустимым и обоснованным с точки зрения преобладающего числа участников опроса, сомнение разрешается в пользу первого предположения. Результаты анализа полученных ответов позволяют при отсутствии зафиксированной языковой нормы провести предварительную оценку узуса (речевой нормы) с учётом мнения определённой части носителей языка из общего числа представителей сформированной выборки (количественный подход). Содержательные комментарии опрашиваемых могут служить некоторым основанием для качественной оценки механизмов их выбора. Как уже было отмечено, классификация исследуемых языковых примеров на группы для дальнейшего изучения была выполнена на основании логического исчисления, но анализ ответов участников опроса позволил убедиться в правомерности некоторых предположений, связанных с таким разделением:

³ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2022. 800 с.

⁴ Большой толковый словарь официальных терминов / сост. Ю.И. Фединский. М.: Издательство Астрель; Издательство АСТ; Транзит-книга, 2004. С. 174.

⁵ Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения 28.05.2024).

в частности, среди респондентов не наблюдалось принципиальных различий в подходах к интерпретации составных слов и синтаксических конструкций, заметна связь между количеством единообразных оценок/комментариев и количеством примеров в группе и, как правило, случаи выбора форм, образующие малые группы (1 или 2 %), за исключением группы 2, в которой реализуются словарные значения грамматической категории, оценивались сравнительно большим числом респондентов как неправильные, а их интерпретации вызвали заметные затруднения.

Композитов, в которых обе части ведут себя в соответствии со словарной характеристикой одушевлённости, в получившемся небольшом корпусе примеров оказалось всего 8: 7 в единственном числе и 1 во множественном.

Группа 1 (9%)

Сохранение словарных значений одушевлённости/неодушевлённости обеими частями композита в единственном числе

Примеры:

(4) *Одно из возможных объяснений заключается в том, что сама угроза санкций может побудить государство-ответчика выполнить решение третейской группы (Апелляционного органа) (Yandex);*

(5) *Введение войск в Косово будет означать, что Сербия превратится для Европы в страну-изгоя и о вступлении в Евросоюз, к которому сейчас стремится сербское руководство, можно забыть [Дятликович В. Не говорить по-сербски // Русский репортер. 4–11 октября 2007. № 18 (18)] (НКРЯ);*

(6) *Особое внимание обратите на фирму-производителя устанавливаемого комплекта фурнитуры, что входит в комплект, как это отражается на цене готового изделия [Волкова Е. Если вы решили заказать окно... // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород). 11.03.2002] (НКРЯ).*

Во всех случаях грамматический род первого компонента, обозначающего правовой статус референта, отличался от грамматического рода второй части, обозначающей социально или юридически значимую роль, которую может выполнять в том числе и человек.

Группа 2 (1%)

Сохранение словарных значений одушевлённости/неодушевлённости обеими частями композита во множественном числе

Единственный пример:

(7) *Целями и задачами ШОС были названы укрепление стабильности и безопасности на широком пространстве, объединяющем государства-участников, борьба с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнёрства, научного и культурного взаимодействия [Альтернативы – нет: история и перспективы ОДКБ // EADaily. 25.11.2016] (НКРЯ).*

Во всех примерах группы 1 и группы 2 композит можно заменить его второй частью, получив высказывание, правильное грамматически и полноценное семантически: *побудить ответчика, превратится в изгоя, обратите внимание на изготовителя, объединяющем участников* и т.п.

Рассмотрим другое множество примеров, в которых вторая часть, входящая в систему русского языка как самостоятельное одушевлённое существительное, в составе композита уподобляется первой части и утрачивает грамматический признак одушевлённости, то есть даёт в единственном числе омонимию винительного и именительного падежей для слов мужского рода. В нашей выборке нашлось 6 таких примеров, составивших группу 3.

Группа 3 (8%)

Экспансия неодушевлённости в единственном числе

Примеры:

(8) *...оттоком части рабочей силы в страну – импортёр наркотиков, что всегда происходит при сценарии экспорта [Глушков Н. Экономика наркомании: выгоды реальные и мнимые // Независимая газета. 01.04.2003] (НКРЯ);*

(9) *Посоветовавшись, мы решили обратиться в управление зооцентра с просьбой послать запрос о тигрице в **страну-экспортёр** и собрать о ней сведения по торговым каналам* [Запашный В. Риск. Борьба. Любовь (1998–2004)] (НКРЯ);

(10) *Неисправный фотоаппарат высылается владельцем на **предприятие-изготовитель** ценной посылкой в полном комплекте, уложенном в тару, предохраняющую изделие от повреждений при транспортировании* [Руководство по эксплуатации фотоаппарата (1990)] (НКРЯ).

Все случаи этой группы представлены определёнными синтаксическими конструкциями, в которых не употребляются одушевлённые существительные, ср.: **отток в импортёра, *послать запрос в экспортёра, *позвонить на изготовителя, *высылается на изготовителя* и т.п. Во всех этих примерах композит заменим на его первую часть – неодушевлённое существительное, которое может быть уточнено определительным оборотом или предложением, включающим второй компонент (однокоренное к нему слово): *Отток рабочей силы в страну, ввозящую наркотики...; Позволив на предприятие, которое изготовило...* и т.п. Таким образом, экспансия грамматического значения неодушевлённости обнаруживает связь с местом соответствующего компонента в вершине композита или его подчинённым положением.

Сопоставим примеры из группы 1 и группы 3.

Пример из группы 1:

(11) *Особое внимание обратите на **фирму-производителя** устанавливаемого комплекта фурнитуры, что входит в комплект, как это отражается на цене готового изделия* [Волкова Е. Если вы решили заказать окно... // Биржа плюс свой дом (Н. Новгород). 11.03.2002] (НКРЯ).

Пример из группы 3:

(12) *В случае разрядки батарей или выхода их из строя блок питания также отправляется для замены или ремонта на **фирму-изготовитель*** [Германский специальный подводный пистолет Р-11 // Зарубежное военное обозрение. 29.11.2004] (НКРЯ).

Выбор грамматической формы одушевлённости получает таким образом вполне правдоподобное объяснение: в первом случае *обратить внимание на производителя* (= того, кто произвёл), во втором – *отправляется на фирму* (= туда, где находится тот, кто изготовил), то есть различие в предпочтении того или иного значения одушевлённости достаточно явно соотносится с узлом композита, обозначающего деятеля. В первом случае в фокусе внимания и в синтаксической вершине находится сам деятель, во втором – его местонахождение.

Группа 4 (79 %)

Экспансия неодушевлённости во множественном числе

Самую многочисленную группу составляют примеры, в которых интересующие нас композиты употребляются во множественном числе, причём винительный падеж второго компонента омонимичен именительному, хотя авторитетные словари⁶ не приводят для этого слова при его самостоятельном употреблении вариантов со значением неодушевлённости. Таких случаев 59, что составляет почти 80% от всех проанализированных примеров.

Контексты, включающие прилагательные (местоимения-прилагательные, числительные-прилагательные, причастия), согласование композита с которыми также характеризует значения категории одушевлённости, встречаются преимущественно в этой группе, видимо, потому, что говорящие избегают строить конструкцию с согласованием в тех случаях, когда характеристики слов в составе композита не совпадают (группы 1 и 2), случаи экспансии одушевлённости единичны и вызывают сомнения у носителей языка (группа 6), а группа 3 содержит сравнительно немного примеров, все из которых представлены только одной синтаксической конструкцией. Можно видеть, что в узусе возможны примеры как с препозицией прилагательного и других частей речи, в которых одушевлённость проявляется как согласовательная категория, так и с их постпозицией.

⁶ Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2022. 800 с.

(13) *В исследовании ДЭСВ 2014 г. было обследовано 193 страны, включая все государства – участники СНГ* [Хохлов Ю.Е. Электронное государственное управление в странах СНГ // Информационное общество. 2016] (НКРЯ);

(14) *Надо сказать, что у нас и при больших визитах в крупные страны-партнёры бизнес-сопровождение заметно малочисленнее* [Денисов А.И. Выступление в «Меркурий-клубе» // Дипломатический вестник. 29.06.2004] (НКРЯ);

(15) *В связи с этим Евросоюз призывает государства – участники МУС, ведущие переговоры по двусторонним соглашениям с США, действовать в соответствии с уставом МУС и его принципами* [Позиция «тройки» Евросоюза относительно международного уголовного суда // Зарубежное военное обозрение. 25.10.2004] (НКРЯ).

Ряд примеров из этой группы может быть проинтерпретирован так же, как и примеры из группы 3, то есть речь идёт о конструкциях, в которых одушевлённые существительные невозможны, в толковании они находятся не в синтаксической вершине. Всего таких примеров 5, что составляет 8% общего числа случаев группы 4.

(16) *Экспорт составил 10,9 млрд. долларов, в том числе в страны вне СНГ – 9,1 млрд. долларов, в государства – участники СНГ – 1,8 млрд. долларов* [Социально-экономическое положение России в 2003 году // Вопросы статистики. 26.02.2004] (НКРЯ).

Остальные случаи представлены контекстами, включающими композиты, которые, в отличие от примеров из группы 1 или 2, не во всех случаях так легко заменимы вторым компонентом, обозначающим роль. В некоторых предложениях такие композиты заключаются в кавычки, подчёркивающие функцию этого сложного образования как наименования класса.

(17) *Политически такое подключение возможно, поскольку концепция ПРО рассматривает в качестве потенциального источника угрозы не Россию и Китай, а «страны-изгои»* [Михеев В.В. Интеграционная мотивация проблемы формирования структуры безопасности через сораствление в Северо-Восточной Азии // Проблемы Дальнего Востока. 29.04.2002] (НКРЯ).

Представляется, что многочисленность примеров этой группы по сравнению с другими моделями оформления одушевлённости композитов в деловом тексте можно объяснить рядом факторов.

Прежде всего, это формальные соображения. Для слов женского и среднего рода, которые, как правило, стоят в начале композита (исключения в нашей выборке составили лишь немногочисленные примеры с компонентом *банк*), грамматическое значение одушевлённости проявляется во множественном числе, поэтому именно в формах множественного числа наблюдается экспансия значения неодушевлённости на второй компонент композита, тем более что это не противоречит обозначению неживого референта.

Вторым предположением, которое пока труднее обосновать в силу количественной и жанровой ограниченности источников языкового материала, представляется характер выражаемых такой номинацией знаний. В некоторых случаях опрашиваемые носители языка проявляли заметное единодушие (87% ответов), предлагая исправить тот или иной показатель грамматической одушевлённости, комментируя свои решения примерно так: «Здесь просто так называется, а здесь обозначаются права/обязанности/действия». Поэтому не исключено, что контексты предпочтения одушевлённости/неодушевлённости могут различаться с точки зрения представленности в них знания кода или пропозиционального знания. Знание кода понимается как владение значением той или иной номинации [15, с. 30]. Специфичные виды знания представляют собой знание об истинных пропозициях для описания тех или иных ситуаций и возможных в таких пропозициях терминах [Там же, с. 37].

Таким образом, в примере (17) речь идёт скорее о знании кода (дополнительным аргументом в пользу такого соображения является использование кавычек для этой номинации), а пример (4) актуализирует скорее специфичное знание. И те, и другие контексты могут быть отнесены к деловым, но только вторые – к официальным. Первый тип контекста допускает экспансию

неодушевлённости в композитах (особенно в формах множественного числа), в то время как второй более чувствителен к показателям одушевлённости/неодушевлённости, поскольку связан с заполнением пропозиции терминами, обозначающими роли в ситуации.

Колебания в выборе того или иного значения категории одушевлённости (особенно для слов, сравнительно недавно вошедших в узус или не так часто в нём встречаемых) в той или иной степени связано с попыткой говорящего квалифицировать референт номинации как живой или неживой. Исследователи неоднократно отмечали, что такая задача не является тривиальной для не-прототипических объектов (например, [6, 16]). Так, О.Е. Фролова на основании анализа устойчивых сравнений выделяет следующий перечень признаков живого: движение, эмоциональность, способность к общению, речь, интеллектуальные способности [16, с. 43]. Некоторые из этих признаков для рассматриваемых нами композитов в деловом медиадискурсе не являются значимыми: например, движение или эмоциональность. Наблюдаемая тенденция экспансии одушевлённости свидетельствует в пользу того, что признаками «живого» объекта действительности (а следовательно, выбора для его обозначения слова с показателем грамматической одушевлённости) будут скорее его субъектные социальные проявления: участие в коммуникации, реализация своих юридических прав, способность нести ответственность (ср. также семантику и прагматику обращений в инстанции, описанную в [17]). Похожую точку зрения высказывают О.Ю. Авдеева и В.В. Девяткина, говоря о механизмах персонализации в юридическом дискурсе: «Понятие *persona* (первоначальное значение — «театральная маска») обозначало в римском праве роль человека в том или ином правоотношении или в той или иной юридически значимой ситуации. Поэтому понятие личности не совпадало с понятием человека и было параметризовано в зависимости от степени участия человека в гражданском обороте (в частноправовых отношениях)» [8, с. 232].

Группа 5 (1%)

Экспансия одушевлённости в единственном числе

Зафиксирован только один пример:

(18) 2. Попытки получить города героя предпринимались неоднократно. Последний раз в 1975 году, когда к 30-летию победы «За мужество и героизм в годы Великой Отечественной войны и успехи в развитии народного хозяйства» город был награждён орденом Отечественной войны I степени [Воспоминания о Воронеже военных лет (форум). 2007] (НКРЯ) (орфография источника сохранена).

Это единственный пример в группе, и он, к сожалению, не является показательным, прежде всего потому, что, возможно, представляет собой просто сокращение конструкции *получить звание города-героя*, то есть содержит форму не винительного, а родительного падежа. Ср. примеры из НКРЯ: *Новосельнов давно знал, что двоюродный брат лейтенанта, молодой, полтора года назад защитившийся и уже успевший получить доцента философ Алексей Сеничкин проталкивает родича в аспирантуру на соседнюю историческую кафедру* [Корнилов В. Демобилизация (1969–1971)] или *Мой папенька мог даже дослужиться до генерала, но по воле судьбы они должны были получить генерала на Пасху, а умерли на страстной недель* [Лейкин Н. А. По чердакам и подвалам (1903)].

Группа 6 (2%)

Экспансия одушевлённости во множественном числе

В эту группу вошли случаи, отмеченные большинством опрошенных носителей языка (76%) как неправильные, реже — как возможные: например, *США объявили главных стран-нарушителей авторского права в 2022 году* (Yandex).

Таким образом, можно видеть, что экспансия значения одушевлённости второго компонента композита — явление достаточно редкое и вызывающее сомнения у носителей языка.

При подсчёте соотношения примеров со сложносоставными словами и примеров с приложениями в составе синтаксических конструкций в той или иной группе статистически значимых различий выявить не удалось. Исследование статистической корреляции между значением

признака «вид композита» (сложносоставное слово / синтаксическая конструкция) и признаком принадлежности к одной из групп (1, 3, 4) проводилось с использованием критерия согласия Пирсона, соответствующий коэффициент вычислялся при помощи функции КОРРЕЛ Microsoft Excel. Единичные примеры в группах 2 и 5 не могут рассматриваться в качестве показательных, а примеры группы 6 вызвали сомнения многих участников опроса. Следовательно, при выборе носителями языка показателей одушевлённости в узусе как композиты, представляющие собой сложносоставные слова, так и композиты – синтаксические конструкции грамматически оформляются сходным образом. Иными словами, нельзя исключить, что это происходит в результате действия одних и тех же механизмов и является проявлением одних и тех же закономерностей.

Кроме того, выполнена проверка дополнительной гипотезы о корреляции выбора значения грамматической категории с типом реализуемого в контексте знания. Связь, с одной стороны, между признаком «знание кода» и показателями грамматической неодушевлённости, а с другой – между признаком «специфичное знание» и показателями одушевлённости была также исследована на массиве изучаемых примеров при помощи критерия согласия Пирсона. На основании результатов качественного контекстного анализа составлена таблица соотносительных значений признаков, которая обработана с помощью функции КОРРЕЛ Microsoft Excel. Полученный результат позволяет говорить о высокой статистической корреляции между значениями этих признаков, которая исключает случайное совпадение, но установление функциональной связи между типом знания и значением грамматической категории одушевлённости требует более детальных исследований с применением не только количественных, но и качественных методов. Необходимость привлечения более широкого круга разнообразных методов касается и перспективы уточнения характера связи между видом композита и особенностями его оформления в разных дискурсивных практиках.

Заключение

В деловом и официальном медиадискурсах нередко используются одушевлённые существительные по отношению к неживым референтам для обозначения роли таких референтов в социальном или правовом взаимодействии. В самостоятельно употребляемых словах значение категории одушевлённости в этих случаях соответствует словарной морфологической информации.

Цель проведённого исследования заключалась в том, чтобы установить, существуют ли различия в предпочтениях выбора значения категории одушевлённости для разных видов композитов: составных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение.

Анализ языкового материала показал, что при образовании композитов (как сложносоставных слов, так и номинаций, включающих приложение) возможно как сохранение морфологических характеристик входящих в их состав частей, так и изменение показателей одушевлённости одной из них в результате экспансии характеристик другой части. Установлено, что особенно много случаев экспансии неодушевлённости зафиксировано при употреблении форм множественного числа, что можно объяснить, во-первых, тем, что на первом месте в таких композитах, как правило, стоит существительное женского или среднего рода, получающее выражение неодушевлённости именно во множественном числе, во-вторых, тем, что отсутствует противодействие такой экспансии при выражении знания кода в отличие от ситуаций представления специфичного знания. Последнее утверждение требует дополнительного более глубокого изучения с привлечением языкового материала других видов дискурса. Тем не менее совместная встречаемость этих признаков (вида знания и значения категории одушевлённости) в проанализированных контекстах деловых медиакommunikаций статистически значима, что позволяет говорить о наличии статистической связи между концептуализацией означаемого композита, находящей проявление в его грамматическом оформлении, и дискурсивными условиями употребления составной единицы номинации. Установление функциональной связи потребует дальнейших исследований с привлечением количественных и качественных методов.

По результатам проведённого исследования, выполненного пока на достаточно ограниченном языковом материале, можно предварительно утверждать, что взгляды А.Н. Барулина на построение составных морфолого-синтаксических конструкций и выбор их грамматических характеристик в соответствии с едиными принципами находят своё подтверждение: статистически значимых различий в употреблении показателей одушевлённости для сложносоставных слов и синтаксических конструкций, включающих приложение, не выявлено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Копотев М.В., Стексова Т.И.** Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре. М.: Языки славянских культур, 2016. 168 с.
2. **Циммерлинг А.В.** Одушевлённость. Русский язык // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2020. № 2 (24). С. 43–57. DOI: 10.31912/pvrl-2020.2.5
3. **Барулин А.Н.** Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. 2019. Вып. 11. С. 11–57.
4. **Черкасова А.А.** О некоторых грамматических признаках билексемы как особой единицы языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 3 (1). С. 347–350.
5. **Ян Т.** Грамматические и семантические признаки сложносоставного существительного как особенного сложного слова // Российский лингвистический бюллетень. 2022. № 8 (36). DOI: 10.18454/RULB.2022.36.17
6. **Русакова М.В.** Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.
7. **Бабина Л.В., Феденко А.Ю.** Антропоцентрический аспект изучения двухкомпонентных сложных существительных // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2016. № 1 (21). С. 75–79.
8. **Авдеевнина О.Ю., Девяткина В.В.** Персонализация и деперсонализация в юридической речи // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Вып. 13. М.: Книгодел, 2019. С. 228–244. DOI: 10.25688/2619-0656.2019.13.14
9. **Буторина Е.П.** Выбор значения категории одушевлённости для сочетания «юридическое лицо» в деловом медиадискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. Вып. 12. С. 3824–3829. DOI: 10.30853/phil20220639
10. **Добросклонская Т.Г., Смольская Н.Б.** Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. № 4. С. 118–135. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-8
11. **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
12. **Имамгаязова Д.И.** Фреймовая семантика киберпространства в русскоязычном медиадискурсе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 3. С. 86–93. DOI: 10.18137/RNU.V925X.22.03.P086
13. **Мкртычян С.В.** Грамматическая категория одушевлённости/неодушевлённости в прагматическом аспекте // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2021. № 2 (69). С. 45–51. DOI: 10.26456/vtfilol/2021.2.045
14. **Фёдорова Л.Л.** Русские сложные слова глазами итальянских лингвистов // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2020. № 6. С. 54–66.
15. **Йокояма О.Б.** Когнитивная модель дискурса и русский порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2005. 424 с.
16. **Фролова О.Е.** Живое и неживое в устойчивых сравнениях // Русская речь. 2014. № 6. С. 36–43.
17. **Буторина Е.П.** Особенности жанра жалобы на интернет-сайтах // Конфликт в языке и коммуникации: сборник статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Фёдорова. М.: РГГУ, 2011. С. 451–464.

REFERENCES

- [1] **Kopotev M.V., Steksova T.I.**, Isklyucheniye kak pravilo: perekhodnyye yedinitsty v grammatike i slovare [Exception as a rule: transitional units in grammar and vocabulary], Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2016.
- [2] **Zimmerling A.V.**, Animacy. Lessons from Russian, Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute, 2 (24) (2020) 43–57. DOI: 10.31912/pvrl-2020.2.5
- [3] **Barulin A.N.**, Explanatory combinatorial morpheme dictionary (project), Linguistics and Language Teaching, 11 (2019) 11–57.
- [4] **Cherkasova A.A.**, On Some Grammatical Features of the Bilexeme as a Special Language Unit, Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 3 (1) (2010) 347–350.
- [5] **Yang T.**, Grammatical and Semantic Features of a Compound Noun as a Special Complex Word, Russian Linguistic Bulletin, 8 (36) (2022). DOI: 10.18454/RULB.2022.36.17
- [6] **Rusakova M.V.**, Elementy antropotsentricheskoy grammatiki russkogo yazyka [Elements of anthropocentric grammar of the Russian language], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2013.
- [7] **Babina L.V. Fedenko A.Yu.**, Antropotsentricheskii aspekt izucheniya dvukhkomponentnykh slozhnykh sushchestvitelnykh [Anthropocentric aspect of the study of two-component compound nouns], Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics, 1 (21) (2016) 75–79.
- [8] **Avdevnina O.Yu., Devyatkina V.V.**, Personalizatsiya i depersonalizatsiya v yuridicheskoy rechi [Personalization and depersonalization in legal discourse], Rusistika i komparativistika: Sbornik nauchnykh trudov po filologii [Russian and comparative studies: Collection of scientific works on philology], Iss. 13, Knigodel, Moscow, 2019, pp. 228–244. DOI: <https://doi.org/10.25688/2619-0656.2019.13.14>
- [9] **Butorina E.P.**, Choosing the Meaning of the Animacy Category for the Collocation «юридическое лицо» in Business Media Discourse, Philology. Theory & Practice, 15 (12) (2022) 3824–3829. DOI: 10.30853/phil20220639
- [10] **Dobrosklonskaya T.G., Smolskaya N.B.**, Mediatextology: a systematic approach to the study of the modern media language format and genre diversity, Lomonosov Linguistics and Intercultural Communication Journal, 4 (2023) 118–135. DOI: 10.55959/MSU-2074-1588-19-26-4-8
- [11] **Arutyunova N.D.**, Yazyk i mir cheloveka [Language and the human world], Yazyki russkoy kultury, Moscow, 1999.
- [12] **Imamgayazova D.I.**, Frame Semantics of Cyberspace in the Russian-Language Media Discourse, Bulletin of the Russian New University. Series: Human in the modern world, 3 (2022) 86–93. DOI: <https://doi.org/10.18137/RNU.V925X.22.03.P086>
- [13] **Mkrtychyan S.V.**, The pragmatic aspect of animacy/non-animacy grammatical category, Herald of Tver State University. Series: Philology, 2 (69) (2021) 45–51. DOI: <https://doi.org/10.26456/vt-filol/2021.2.045>
- [14] **Fedorova L.L.**, Russkiye slozhnyye slova glazami italyanskikh lingvistov [Russian compounds in the description of Italian linguists], Lomonosov Philology Journal, 6 (2020) 54–66.
- [15] **Yokoyama O.B.**, Kognitivnaya model diskursa i russkiy poryadok slov [Cognitive model of discourse and Russian word order], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, 2005.
- [16] **Frolova O.E.**, Zhivoye i nezhivoye v ustoychivyykh sravneniyakh [Living and non-living in stable comparisons], Russian Speech, 6 (2014) 36–43.
- [17] **Butorina E.P.**, Osobennosti zhanra zhaloby na internet-saytakh [Some features of the complaint genre on Internet sites], Konflikt v yazyke i kommunikatsii: sbornik statey [Conflict in language and communications: collection of articles], comp. and resp. ed. L.L. Fedorova, RGGU, Moscow, 2011, pp. 451–464.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Буторина Елена Петровна
Elena E. Butorina
E-mail: elenabutorina@yandex.ru

Поступила: 01.06.2024; Одобрена: 16.07.2024; Принята: 24.09.2024.
Submitted: 01.06.2024; Approved: 16.07.2024; Accepted: 24.09.2024.

Научная статья

УДК 81-13

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15303>

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ГЛАГОЛОВ СТАНОВЛЕНИЯ ЦВЕТА (НА ОСНОВЕ ТЕХНОЛОГИЙ НАЦИОНАЛЬНОГО КОРПУСА РУССКОГО ЯЗЫКА)

К.Ф. Васильев

Московский городской педагогический университет,
Москва, Российская Федерация

✉ vasilevkv@mgpu.ru

Аннотация. Статья анализирует возможности поисковых и аналитических технологий Национального корпуса русского языка (НКРЯ). При рассмотрении лексической группы с устойчивыми семантико-грамматическими признаками исследователь не всегда обладает возможностью неограниченного поиска корпусного материала. Лексико-грамматический поиск НКРЯ не позволяет осуществить отбор глаголов по семантическому признаку «цвет», однако рассматриваемые в исследовании инструменты, например «Портрет слова», позволяют частично компенсировать этот пробел. Сервис может быть использован для отбора лексики, появляющейся в однородных контекстах, установления её семантической близости, определения семантико-грамматических признаков, которые могут лечь в основу усложнённого запроса в корпус. В результате исследования получена эмпирическая база для анализа глаголов становления цвета: определены ассоциативные поля для выбранных глаголов, их семантическая близость и сочетаемость на основе коллокатов, выделены грамматические и семантические признаки, по которым может корректироваться поиск единиц данной группы лексики в НКРЯ. Выявлено, что при разметке НКРЯ выделяется больше критериев, чем это доступно в лексико-грамматическом поиске, что позволяет наметить вектор дальнейшего развития корпуса.

Ключевые слова: глаголы становления цвета, корпусное исследование, семантика, токенизация, национальный корпус русского языка.

Для цитирования: Васильев К.Ф. Лингвопрагматический анализ глаголов становления цвета (на основе технологий Национального корпуса русского языка) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 28–34. DOI: 10.18721/JHSS.15303

VERBS DENOTING CHANGES OF COLOUR: LINGUOPRAGMATIC ANALYSIS BASED ON RUSSIAN NATIONAL CORPUS

K.F. Vasilev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

 vasilevkv@mgpu.ru

Abstract. The paper looks into the searching potential of Russian National Corpus (RNC). Investigating the lexical group with constant semantical and grammatical features, researchers are to rely on corpus search technologies, the corpus offering rather limited application. Lemmas and tags of RNC search don't include colour as a search tag for verbs so this function is passed to the instruments referred to in the research suggested, for example, 'Word at glance'. The service can be used to select lexical units featuring in homogeneous contexts, to establish their semantic proximity, and to determine semantical and grammatical characteristics applicable for the follow-up corpus inquiry. The study focuses on the verbs denoting changes of colour, their associative field, semantic proximity and combinability in collocations, grammatical and semantic features, suitable for regulating subsequent corpus queries. The findings clearly indicate that RNC is hardwired to recognize more criteria at the markup stage than those available for the lexical and grammatical search, and this outlines the perspectives for further corpus development.

Keywords: verbs denoting changes of colour, corpus study, semantics, tokenization, Russian National Corpus.

Citation: Vasilev K.F., Verbs denoting changes of colour: linguopragmatic analysis based on Russian National Corpus, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 28–34. DOI: 10.18721/JHSS.15303

Введение

Цвет и цветообозначения в качестве объекта лингвистического исследования находятся в сфере внимания отечественных и зарубежных учёных с 60-х годов XX века. Данная группа лексики исследовалась: в рамках различных подходов в русле лексикостатистики и лексикологии, что позволяет определить формальные критерии выделения цветообозначений [1]; в рамках сравнительно-исторического языкознания, когда исследовалось диахроническое развитие как отдельных цветообозначений, так и комплексное формирование этой группы лексики в русском языке [2, 3]; А. Вежицкая, С. В. Ионова предприняли концептуальный анализ цветообозначений, осмысляя их семантику [4, 5]. При этом при исследовании цветообозначений А. Вежицкая сделала попытку соотнести их с цветом эталонных для данной культуры объектов [6], используя остенсивный метод. Цвет как тема исследования превосходит по объёму посвящённых ему работ многие другие темы (см., например, обзоры в [7, 8]). Зарубежные исследования цвета появились на почве лингвистической антропологии и типологии в работах Б. Берлина и П. Кея [6], а современные зарубежные лингвистические исследования используют междисциплинарный комплексный подход к рассмотрению явления цвета. Так, например, в междисциплинарной перспективе рассматриваются восприятие, осмысление и интерпретация цвета сразу в нескольких областях знания, в том числе и в лингвистике [9]. Высокий интерес к теме цвета и цветообозначений обуславливает появление новых исследований с применением современных подходов, а именно цифровых методов.

Цифровые методы позволили разработать специальные, собственно-цифровые методы обработки языкового материала [10], которые также могут быть использованы при создании

эмпирической базы исследования [11, 12], при обработке больших объёмов данных в исследовательских целях [13], в том числе для исследования контекстов в социальных практиках, см. обзор в [14]. Это, собственно, и привело к формированию специального направления корпусных исследований. Главным представительным ресурсом в отечественной лингвистике по поиску языковых данных можно назвать Национальный корпус русского языка (НКРЯ)¹.

Основной корпус НКРЯ содержит 375 миллионов словоупотреблений, которые сопровождаются лингвистической разметкой вкупе с удобными инструментами поиска и анализа, что существенно облегчает работу исследователей. Помимо привычных инструментов, с 2023 года в корпусе представлен сервис «Портрет слова»², включающий новые модели автоматической разметки НейроКРЯ. Вместе с тем оснащённость корпуса не позволяет в полной мере реализовать все потребности современных исследователей. Продемонстрируем это на примере создания эмпирической базы корпусного лингвистического исследования, рассматривающего глаголы, содержащие сему *цвет*.

Находясь на периферии концепта *цвет*, глаголы с семой *цвет* привлекают тем не менее внимание исследователей: например, предметом исследования уже служила сочетаемость данных единиц [15], однако приходится признать, что не все особенности семантики данных глаголов получили исчерпывающее описание, а именно — интерпретация глаголов репрезентации цвета как глаголы бытийности и их коннотативные особенности.

Методика исследования

При проведении лингвистического исследования возникает необходимость привлечения большого массива лингвистических данных, содержащих искомые единицы.

Среди представленных средств поиска оптимальным при поиске лексических единиц по заданным параметрам является лексико-грамматический поиск в основного корпуса НКРЯ. В настоящее время в корпусе реализована возможность внести в условия поиска грамматический признак (глагол), однако поиск по семантическому признаку (цвет) среди глаголов не представлен. При этом в таксономии семантических признаков глагола существует критерий *свет*, который позволяет с помощью лексико-грамматического поиска отобрать все вхождения глаголов с семой *свет*. Вместе с тем в лингвистических исследованиях группы колоронимов с семами *цвет* и *свет* часто не разграничиваются. То есть условия поиска НКРЯ обуславливают разграничение этих лексических групп уже на этапе создания эмпирической базы исследования.

Итак, невозможно корпусными методами выделить глаголы с семой *цвет* на основе грамматико-семантических критериев поиска, запрос поиска необходимо сужать. Решению данной исследовательской задачи может способствовать инструмент «Портрет слова» с внедрёнными технологиями машинной обработки естественного языка НейроКРЯ.

Сервис «Портрет слова» позволяет запросить информацию о слове, вводимом в словарной форме, лемме. Информация о слове отображается при помощи встроенных в интерфейс корпуса приложений-виджетов, среди которых: «Скетчи» (коллокации со словами разных частей речи), «О слове» (грамматические, семантические и словообразовательные признаки слова), «Частотность слова», «Морфемный разбор», «Однокоренные слова» (в том числе генерируемые нейронной сетью), «Похожие слова» (ассоциаты, полностью генерируемые нейронной сетью), «Статистика текстов» (диаграмма, составленная согласно статистике по набору метаатрибутов, например полу автора или стилю), «Распределение по годам» и «Примеры». Рассмотрим, к примеру, результаты выдачи виджетов, полученные при введении леммы *белеть*.

Результаты

В рамках предпринятого исследования на основе коллокаций со словами разных частей речи в виджете «Скетчи» выделены глаголы, появляющиеся в однородных контекстах, например,

¹ Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 01.09.2023).

² Сервис НКРЯ «Портрет слова». URL: <https://ruscorpora.ru/word/main> (дата обращения: 04.10.2023).

Скетчи ?

белеть Глагол

	Косвенные дополнения		Предложные дополнения		Сочинные глаголы	
9,11	1. рубашка	9,64	1. темнота	7,57	1. чернеть	8,21
8,06	2. известь	8,74	2. зелень	7,56	2. желтеть	7,25
7,39	3. известка	8,22	3. сумрак	7,51	3. сереть	7,11
6,92	4. сруб	8,05	4. полумрак	7,43	4. синеть	6,98
6,83	5. парус	8,03	5. сумерки	7,02	5. зеленеть	6,95
6,67	6. палатка	7,89	6. луна	6,76	6. белеть	6,87
6,67	7. кость	7,85	7. полутьма	6,71	7. золотиться	6,77
6,65	8. барашек	7,84	8. фон	6,65	8. краснеть	6,71
6,59	9. брохо	7,82	9. мрак	6,59	9. пестрить	6,45
6,51	10. белизна	7,78	10. иной	6,2	10. мерцать	6,3

Рис. 1. Коллокации глагола белеть в сервисе «Портрет слова»
 Fig. 1. Collocations of the verb whiten in the service “Portrait of the word”

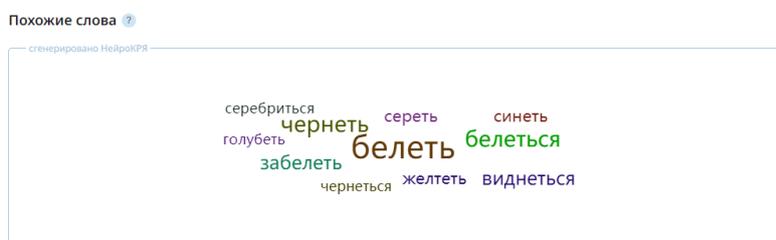

Рис. 2. Семантические ассоциаты к глаголу белеть в сервисе «Портрет слова»
 Fig. 2. Semantic associations to the verb whiten in the service “Portrait of the word”

чернеть, *желтеть*, что гипотетически позволило отобрать и другие глаголы данной группы. Однако среди глаголов, часто встречающихся в однотипных позициях, встречаются и такие, как *пестрить*, *мерцать* (рис. 1), что подчёркивает тесную связь глаголов с семантикой цвет и свет, но ограничивает данный метод как способ отбора единиц одной семантической группы.

Обращение к виджету «О слове» позволило получить характеристику глаголу *белеть* с точки зрения грамматики и семантики. Технология анализа языковых единиц выделяет грамматические (*глагол, непереходный, несовершенный*) и семантические (*изменение состояния или признака; некаузативные глаголы; отадъективные; цвет*) категории слова *белеть*. Технология поиска и разметки позволяет осуществить запрос в основной корпус по всем выделенным грамматическим категориям и лишь по двум семантическим (*изменение состояния или признака; некаузативные глаголы*).

Виджет «Похожие слова» предлагает 10 семантических ассоциатов к глаголу *белеть* (рис. 2). Схема имеет вид облака слов, в котором центральное место занимает искомая единица, а вокруг машинными методами выстраиваются слова, которые оказывались в наиболее схожих контекстах. Семантическая близость указывается в виде коэффициента при наведении мыши на слово и рассчитывается на основе моделей дистрибутивной семантики.

Сгенерированные ассоциаты позволяют эмпирически проверить близость исследуемых единиц. На примере глагола *белеть* благодаря данным виджета находим подтверждение дихотомии *белеть-чернеть*, противопоставление ахроматического *белеть* хроматическим *синеть*, *голубеть*, *желтеть*. Обнаруживаем, что в некоторых контекстах *белеть* обладает семантикой бытийности и приближен к глаголу *виднеться*.

Данный инструмент может использоваться при наборе материала методом сплошной выборки, однако из-за того, что выделение ассоциатов происходит полностью автоматически, в списках

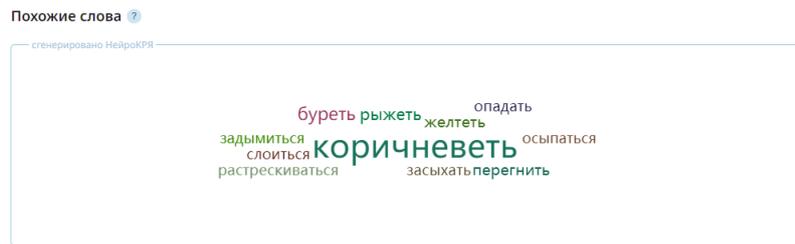

Рис. 3. Семантические ассоциаты к глаголу коричневеть в сервисе «Портрет слова»

Fig. 3. Semantic associations to the verb to brown in the service “Portrait of the word”

могут встречаться ошибки, например неправильно образованные слова, интуитивно не вполне понятные сопоставления слов (см. рис. 3).

Данные прочих виджетов сервиса «Портрет слова» в контексте данного исследования представляют меньшую значимость.

Встроенные технологии обработки естественного языка, отвечающие за анализ единиц в сервисе «Портрет слова», справляются с большим объёмом данных корпуса и выделяют множество характеристик слов, не привязанных к разметке корпуса, в то время как существующие в настоящее время инструменты поиска имеют ограниченный потенциал ввиду зависимости от разметки. Так, в предложенном примере приведена иллюстрация, как некоторые семантические характеристики слов типа цвет в группе глаголов выделяются технологиями анализа, но не внедряются в разметку корпуса, что требует дальнейшей оптимизации главного отечественного корпуса русского языка.

Выводы

Таким образом, исследование позволило создать эмпирическую базу для анализа глаголов становления цвета: выявлены ассоциативные поля для выбранных глаголов, определена их семантическая близость и сочетаемость на основе коллокатов, выделены грамматические и семантические признаки глаголов, по которым может корректироваться поиск единиц данной группы лексики в НКРЯ. Данный корпус как массивный исследовательский ресурс, позволяющий анализировать большие объёмы языковых данных с помощью высокотехнологичных инструментов поиска и подсчёта, в целом удовлетворяет запрос современных исследователей. Вместе с тем потенциал узкоспециализированных исследований ограничен технологией поиска, которой только предстоит реализовать многие возможности, например, расширить поиск по семантическим параметрам, что стало препятствием при создании эмпирической базы в данном исследовании. Так, в процессе токенизации, то есть присвоения определённых атрибутов языковым единицам в широком контексте, поисковые возможности не включают токен «цвет» в блоке критериев семантического поиска среди глаголов, что не позволяет отобрать все вхождения глаголов с семой *цвет* в корпус. Однако появление новых сервисов, например «Портрет слова», и внедрение нейросетевых технологий вносят значительный вклад в упрощение работы с корпусом, в том числе для узкоспециализированных исследований.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Москович В.А.** Статистика и семантика: Опыт статистического анализа семантического поля. М.: Наука. 1969. 304 с.
2. **Бахилина Н.Б.** История цветообозначений в русском языке. М.: Наука, 1975. 288 с.

3. **Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С.** Цвет и названия цвета в русском языке. М.: КомКнига, 2005. 216 с.
4. **Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание: пер. с англ. / отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
5. **Ионова С.В.** Аспекты исследования письменного текста как объекта лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2017. Т. 16, № 2. С. 28–38. DOI: 10.15688/jvolsu.2.2017.2.3
6. **Кошкарева Н.Б.** Сколько цветов в радуге? // Наука из первых рук. 2018. № 2–3 (78). С. 90–99.
7. **Сластникова Т.В., Черкашина Е.И.** Цвет и цветообозначение в лингвистических исследованиях. М.: Языки Народов Мира, 2021. 240 с.
8. **Большова А.В.** Понятие «цвет» в современной отечественной и зарубежной лингвистике // Наука в мегаполисе. 2022. № 5 (40).
9. *Anthropology of Color: Interdisciplinary multilevel modeling* / ed. by R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick. John Benjamins Publishing, 2007. 485 p. DOI: 10.1075/z.137
10. Прикладная и компьютерная лингвистика: коллективная монография / под ред. И.С. Николаева, О.В. Митрениной, Т.М. Ландо. М.: URSS, 2016. 320 с.
11. **Фролова Е.А.** Исследование современного состояния конструкции с расщепленным инфинитивом на базе корпусов английского языка // В многомерном пространстве современной лингвистики: сборник работ молодых ученых / отв. ред. О.А. Сулейманова; сост. К.С. Карданова-Бирюкова. Т. 2. М.: ПРИНТИКА, 2021. С. 245–248.
12. **Шестопалова А.М.** Работа с поисковыми цифровыми ресурсами при анализе синтаксических структур // Лингвистика, перевод, межкультурная коммуникация: материалы XXIII научно-практической конференции 22 ноября 2021 г. Екатеринбург: Универсальная типография «Альфа Принт», 2022. С. 243–250.
13. **Сулейманова О.А.** Семантический эксперимент: новые возможности в системе координат big data // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 427–432.
14. **Чернявская В.Е.** Текст и социальный контекст: Социолингвистический и дискурсивный анализ смыслопорождения. М.: URSS, 2021. 208 с.
15. **Аль-Хаснави А.Р.М.** К вопросу о сочетаемости глаголов становления и проявления цветного признака с разными лексико-семантическими группами имен существительных // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5–2 (71). С. 47–52.

REFERENCES

- [1] **Moskovich V.A.**, Statistika i semantika: Opyt statisticheskogo analiza semanticheskogo polya [Statistics and semantics: Experience in statistical analysis of the semantic field], Nauka, Moscow, 1969.
- [2] **Bakhilina N.B.**, Istoriya tsvetooboznacheniy v russkom yazyke [History of color terms in Russian], Nauka, Moscow, 1975.
- [3] **Vasilevich A.P., Kuznetsova S.N., Mishchenko S.S.**, Tsvet i nazvaniya tsveta v russkom yazyke [Color and color names in Russian], KomKniga, Moscow, 2005.
- [4] **Wierzbicka A.**, Semantics, Culture and Cognition: transl. from English], Resp. ed. M.A. Krongauz, Introd. by Ye.V. Paducheva, Russkiye slovari, Moscow, 1996.
- [5] **Ionova S.V.**, Aspects of Research Written Text as an Object of Forencis Linguistic Expertise, Science Journal of Volgograd State University. Linguistics, 16 (2) (2017) 28–38. DOI: 10.15688/jvolsu.2.2017.2.3
- [6] **Koshkareva N.B.**, Skolko tsvetov v raduge? [How many colors are there in a rainbow?], Science First Hand, 2–3 (78) (2018) 90–99.
- [7] **Slastnikova T.V., Cherkashina Ye.I.**, Tsvet i tsvetooboznacheniy v lingvisticheskikh issledovaniyakh [Color and color designation in linguistic research], Yazyki Narodov Mira, Moscow, 2021.
- [8] **Bolshova A.V.**, The concept of color in modern Russian and foreign linguistics, Science in a Megapolis, 5 (40) (2022).
- [9] *Anthropology of Color: Interdisciplinary multilevel modeling*, Ed. by R.E. MacLaury, G.V. Paramei, D. Dedrick, John Benjamins Publishing, 2007.
- [10] *Prikladnaya i kompyuternaya lingvistika: kollektivnaya monografiya* [Applied and computational linguistics: collective monograph], Ed. by I.S. Nikolayev, O.V. Mitrenina, T.M. Lando, URSS, Moscow, 2016.

[11] **Frolova Ye.A.**, Issledovaniye sovremennogo sostoyaniya konstruktssii s rasshcheplennym infinitivom na baze korpusov angliyskogo yazyka [Study of the current state of the construction with a split infinitive based on English corpora], V mnogomernom prostranstve sovremennoy lingvistiki: sbornik rabot molodykh uchenykh [In the multidimensional space of modern linguistics: a collection of works by young scientists], Resp. ed. O.A. Suleymanova, Comp. K.S. Kardanova-Biryukova, 2, PRINTIKA, Moscow, 2021.

[12] **Shestopalova A.M.**, Rabota s poiskovymi tsifrovymi resursami pri analize sintaksicheskikh struktur [Working with searchable digital resources when analyzing syntactic structures], Lingvistika, perevod, mezhkulturnaya kommunikatsiya: materialy XXIII nauchno-prakticheskoy konferentsii 22 noyabrya 2021 g. [Linguistics, translation, intercultural communication: materials of the 23d scientific and practical conference, November 22, 2021], Universalnaya tipografiya "Alfa Print", Yekaterinburg, 2022.

[13] **Suleymanova O.A.**, Semanticheskiy eksperiment: novyye vozmozhnosti v sisteme koordinat big data [Semantic experiment: new possibilities in the big data coordinate system], Cognitive Studies of Language, 36 (2019) 427–432.

[14] **Chernyavskaya V.E.**, Text and Its Social Context, URSS, Moscow, 2021.

[15] **Al-Hasnawi A.R.M.**, On Compatibility of the Verbs of Formation and Manifestation of Colour Feature with Different Lexico-Semantic Groups of Nouns, Philology. Theory & Practice, 5–2 (71) (2017) 47–52.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Васильев Кирилл Фирдовсиевич

Kirill F. Vasilev

E-mail: vasilevkv@mgpu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4033-4211>

Поступила: 29.05.2024; Одобрена: 17.09.2024; Принята: 02.10.2024.

Submitted: 29.05.2024; Approved: 17.09.2024; Accepted: 02.10.2024.

Научная статья

УДК 81.32; 81.33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15304>

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ ПРИ АНАЛИЗЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

А.О. Гребенников^{1,2} , Е.П. Иванова¹ ,

М.В. Корышев¹ , М.В. Соловьева¹

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация;

² Университет ИТМО, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ agrebennikov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена возможностям использования компьютерных технологий при проведении сопоставительного анализа оригинального и переводного текстов. Материалом исследования послужил многоязычный корпус, основанный на двух разножанровых текстах В.В. Набокова: фрагмент из лекций по зарубежной литературе, посвященный анализу романа «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера, как пример нехудожественной набоковской прозы и его переводы на русский, французский и немецкий языки; первый набоковский роман «Машенька», написанный на русском языке, его перевод на английский язык, выполненный под редакцией автора, и его последующие переводы на французский и немецкий языки. Таким образом, были сопоставлены результаты, полученные одним и тем же методом для текстов разной стилистической принадлежности и с различным авторством перевода (лекция / художественный текст раннего периода творчества, переведенный сторонними переводчиками с участием и без участия автора). Из верхней зоны полученных программными методами частотных распределений выделены лексемы, которые, по результатам литературоведческого анализа, наилучшим образом отражают основные темы произведений. При анализе переводческих соответствий рассмотрены статистики совпадений других лексем с анализируемой лексемой по парам языков (английский–русский, французский–русский, немецкий–русский) и их контекстуальных ассоциаций в тексте. Впервые на подобном материале математическими и компьютерными методами проанализированы способы достижения эквивалентности переводчиком при творческой интерпретации смысла исходного текста и создании собственных ассоциативных полей для раскрытия содержания тем автора.

Ключевые слова: Набоков; компьютерные технологии; эквивалентность, частотный словарь; переводоведение; русская литература.

Финансирование: Литературные тексты и их язык vs количественные, корпусные и компьютерные методы: взаимное тестирование (Набоков и сопоставительный материал), № 92565342

Для цитирования: Гребенников А.О., Иванова Е.П., Корышев М.В., Соловьева М.В. Компьютерные технологии при анализе переводческих сопоставлений // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 35–46. DOI: 10.18721/JHSS.15304

COMPUTER TECHNOLOGIES IN COMPARATIVE ANALYSIS OF TRANSLATION

A.O. Grebennikov^{1,2} , E.P. Ivanova¹ ,
M.V. Koryshev¹ , M.V. Solovieva¹

¹ St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation;

² ITMO University, St. Petersburg, Russian Federation

✉ agrebennikov@mail.ru

Abstract. The article concerns the resources of computer technologies in the comparative analysis of original and translated texts. The case study was a multilingual corpus based on two multi-genre texts by V.V. Nabokov, i.e. an excerpt from lectures on foreign literature devoted to the analysis of the novel “Madame Bovary” by Gustave Flaubert as an example of Nabokov’s non-fiction prose and its translations into Russian, French and German; Nabokov’s first novel “Mary” written in Russian, its translation into English, edited by the author himself, and the novel’s subsequent translations into French and German. The study involved a comparative analysis of the results obtained through the same method for texts stylistically different and with different authorship of the translation (a lecture / fiction text from the early period of the author’s creative work, translated by independent translators with and without the author’s participation). From the upper zone of the frequency distributions obtained by software methods, it was possible to select the lexemes that, according to the results of the literary analysis, best reflect the main themes of the works. In the analysis of translation equivalents, statistics of coincidences of other lexemes with the analyzed lexeme in pairs of languages (English–Russian, French–Russian, German–Russian) and their contextual associations in the text have been considered. This case study has been the first attempt to analyze with the help of the applied mathematical and computer methods the ways by which translators achieve equivalence when creatively interpreting the meaning of the source text and setting their own associational fields to reveal the content of the author’s themes.

Keywords: Nabokov; computer technologies; equivalence; frequency dictionary; translation studies; Russian literature.

Acknowledgements: Literary texts and their language vs quantitative, corpus and computer methods: mutual testing (Nabokov and comparative material), No 92565342

Citation: Grebennikov A.O., Ivanova E.P., Koryshev M.V., Solovieva M.V., Computer technologies in comparative analysis of translation, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 35–46. DOI: 10.18721/JHSS.15304

Постановка проблемы и цель анализа

За последние десятилетия методология лингвистических исследований претерпела кардинальные изменения, обязанные становлению и развитию новых методов анализа языка и приемов его описания, в частности использованию компьютерных технологий. В настоящий момент на смену прежней описательной лингвистике приходит новая научно-исследовательская парадигма доказательной лингвистики и формируется убежденность в необходимости применения объективных методов анализа и оценки достоверности получаемых результатов [1].

Так, методы автоматической обработки языка в его письменной и устной формах оказались востребованными в области корпусных и лексикографических исследований, в атрибуции текстов, в анализе художественного текста, в стилиметрии, в моделировании языковых процессов, в языковом прогнозировании и т.д. [2].

Иная ситуация наблюдается в области переводоведения, в которой применение компьютерных инструментов, в том числе информационных технологий обработки данных, направлено

главным образом на возможности и оптимизацию процесса перевода в профессиональной переводческой деятельности и обучения будущих переводчиков (использование систем переводческой памяти и машинного перевода) [3]. Таким образом, потенциальный ресурс компьютерных технологий, ограниченный конкретной прикладной задачей, остается вне фокуса внимания исследователей в их теоретическом осмыслении основополагающих понятий переводоведения (эквивалентность и адекватность).

Данное исследование имеет целью восполнить эту лакуну и установить, каким образом компьютерные технологии позволяют объективизировать процедуру сопоставительного анализа оригинального текста и текстов переводов. В рамках исследования мы использовали лицензированную версию компьютерной программы T-LAB [4], включающую набор лингвистических, статистических и графических инструментов для различных видов анализа текстов (контент-анализ, анализ тональности, семантический анализ, тематический анализ, интеллектуальный анализ текста, карта восприятия, анализ дискурса, сетевой анализ). Импортируемый в программу корпус может быть представлен как отдельным текстом, так и совокупностью текстов, при этом последняя опция представляется нам наиболее перспективной для проведения сопоставительного исследования многоязычных корпусов.

Начиная со второй половины прошлого столетия дискуссия об эквивалентности занимает центральное место в исследованиях по переводоведению. Исчерпывающий обзор различных подходов в трактовке понятия эквивалентности в западном переводоведении приводится в известной работе Э. Прунча [5, с. 31–101]. В отечественном переводоведении размышления о данной категории дополняются понятием адекватности, которая в большей степени отсылает к переводу как к готовому продукту, в отличие от эквивалентности, характеризующей перевод как процесс. [6; 7]. За полувековой период развития теории перевода понятийные рамки этих базовых категорий, их потенциал, условия формальной и функциональной взаимозаменяемости, соотношение с такими нормативно-оценочными параметрами, как «верность», «точность» и «равноценность», неоднократно трансформировались в рамках новых лингвистических подходов. При отсутствии единого общепринятого определения эквивалентности исследователи сходятся во мнении, что при изучении эквивалентности необходимо различать многослойность данного явления, будь то многоуровневые иерархические системы или континуальные фрагменты, ограниченные двумя полюсами (формальная соотносительность и динамическая эквивалентность). При этом последняя определяет степень соответствия коммуникативной ситуации и ожиданиям участников коммуникации. Возможность выбора одного из множества вариантов перевода, расположенных между двумя полюсами, оказалась особенно значимой в свете оценки качества перевода. Необходимо отметить, что в современном переводоведении понятия эквивалентности и параметризации перевода тесно связаны, поэтому вопрос, как можно измерить степень эквивалентности, привлекает все большее внимание исследователей. Однако известные нам работы в этой области ограничиваются, как правило, дидактическими целями и направлены на создание классификаций ошибок и шкал оценивания текстов по переводу документальных и учебных текстов. В то же время перевод художественных текстов в таком ракурсе ранее не исследовался.

Важный аспект изучения стилистических особенностей того или иного произведения – анализ его лексического своеобразия: именно лексика формирует то, что лингвисты называют языковой картиной мира. Частотный анализ слов оказался полезным для изучения языка в целом и корпусной лингвистики в частности [8]. Кроме того, этот вид анализа может быть полезен для выявления лексических особенностей, характерных для индивидуального стиля писателя [9]. Более того, было показано, что он позволяет выявить динамику в тематическом содержании исследуемых текстов [10–12].

Методология и результаты исследования

На первом этапе были созданы два разножанровых «набоковских подкорпуса: 1) фрагмент из лекций по зарубежной литературе [13], посвященный анализу романа «Госпожа Бовари» Гюстава Флобера, как пример нехудожественной набоковской прозы и его переводы на русский [14], французский [15] и немецкий языки [16]; 2) первый роман Набокова «Машенька», написанный на русском языке в 1926 году [17], его перевод на английский язык, выполненный под редакцией самого В.В. Набокова [18], и последующие переводы с этого англоязычного издания на немецкий [19] и французский языки [20]. Отобранные для анализа тексты были обработаны при помощи программы T-LAB. Программа открывает перед исследователем широкий диапазон возможностей для анализа на основании создаваемых ею частотных словарей исследуемых текстов.

На первом этапе при помощи программы были построены частотные словари анализируемых текстов:

- 1) лекция о романе «Госпожа Бовари»:
  - английский текст – 19 386 словоупотреблений, 3 969 лексем;
  - немецкий текст – 18 731 словоупотребление, 4 592 лексемы;
  - французский текст – 19 977 словоупотреблений, 3 934 лексемы;
  - русский текст – 14 558 словоупотреблений, 4 762 лексемы;
- 2) роман «Машенька»:
  - русский текст – 24 599 словоупотреблений, 6 084 лексемы;
  - английский текст – 33 156 словоупотреблений, 5 739 лексем;
  - французский текст – 37 338 словоупотреблений, 4 660 лексем;
  - немецкий текст – 35 821 словоупотребление, 7 849 лексем.

При построении словаря многозначные слова чаще всего рассматриваются в совокупности всех своих вариантов, что, разумеется, ведет к некоторым погрешностям, но является неизбежным следствием применения автоматических методов.

Далее, из верхней зоны полученных частотных словарей выделены лексемы, которые, по результатам литературоведческого анализа, наилучшим образом отражают основные темы произведений. На этом этапе мы опирались на определение темы в литературоведении, позаимствованное в Литературном энциклопедическом словаре, в котором под темой понимается предмет изображения, «круг событий, образующих жизненную основу эпических и драматических произведений и одновременно служащих для постановки философских, социальных, эпических и других идеологических проблем» [21, с. 347.]. Отметим, что в работах набоковедов используется также термин «мотив» в смысле, который вкладывается И.В. Силантьевым в его рассуждениях о памяти и воспоминании у Набокова [22]. Силантьев отмечает сюжетобразующий мотив памяти в творчестве Набокова: то есть сюжетом становится сам процесс воспоминания. Мотив – это тема, которая становится сюжетом в художественном произведении и получает развитие. По сути, это повод для построения и развития сюжета, а не сам сюжет. Таким образом, в основе анализа мотивной структуры должен лежать углубленный анализ художественного произведения. Для выявления тем подходят (в том числе) данные частотного анализа, так как речь идет о предмете изображения.

Для лекции о романе «Госпожа Бовари» были выявлены следующие ключевые слова: имена персонажей – *Emma* и *Charles*; ключевые темы романа – *love*, *death* и слово *theme*; слова, характеризующие стиль (*style*) произведения как литературный прием, – *horse* как лейтмотив романа, *counterpoint* как литературный прием, *romantic* как определение стиля литературного произведения и, наконец, *philistine/bourgeois* как определение социально-исторического контекста романа.

Строго говоря, слов несколько больше, так как слово *романтический* представлено двумя лексемами во французском тексте, также разница наблюдается в передаче взаимно соотносящихся в оригинальном тексте понятий *мещанин/буржуа* в различных языках.

Лексемы, их частоты, а также ранги (статические веса) в анализируемых текстах приведены в табл. 1, 2.

Таблица 1. Сопоставление рангов и частот выделенных ключевых лексем текста лекции о романе «Госпожа Бовари» для английского и немецкого языков
Table 1. Comparison of the ranks and frequencies of selected key lexemes of the lecture text on the novel “Madame Bovary” for English and German languages

Английский язык			Немецкий язык		
Ранг	Лексема	Частота	Ранг	Лексема	Частота
1	Emma	160	1	Emma	166
2	Charles	72	2	Charles	71
23	horse	22	24	Pferd	22
11	love	36	36	Liebe	20
55	death	15	79	Tod	14
28	romantic	19	110	romantischen	12
78	style	12	54	Stil	12
26	theme	21	176	Motiv	10
				Thema	8
122	counterpoint	9	181	kontrapunktisch	5
				kontrapunkt	4
44	philistine	16	133	Spie er	10
75	bourgeois	12	243	B rger	6
			247	Bourgeois	5

Таблица 2. Сопоставление рангов и частот выделенных ключевых лексем текста лекции о романе «Госпожа Бовари» для французского и русского языков
Table 2. Comparison of ranks and frequencies of selected key lexemes of the lecture text on the novel “Madame Bovary” for French and Russian languages

Французский язык			Русский язык		
Ранг	Лексема	Частота	Ранг	Лексема	Частота
1	Emma	134	1	Эмма	165
3	Charles	57	2	Шарль	64
20	cheval	25	15	лошадь	20
25	amour	21	17	любовь	20
42	mort	16	37	смерть	14
41	romanesque	16	20	романтический	18
259	romantique	6			
65	style	13	41	стиль	13
29	thème	19	21	тема	18
147	contrepoin	8	59	контрапункт	11
50	bourgeois	15	70	мещанин	10
171	philistin	8	308	буржуа	5
			357	bourgeois	4

Для текста романа «Машенька» мы идентифицировали пять слов из верхней зоны полученных частотных словарей, наилучшим образом соответствующих ключевым темам произведения, которые мы позаимствовали в работе Ю.И. Левина, посвященной анализу этого первого романа Набокова [23]: имена персонажей – *Ганин* и *Машенька*; ключевые темы произведения – *свет*, *тьень*, *темнота*. Лексемы, их частоты, а также ранги (статические веса) в анализируемых текстах приведены в табл. 3, 4.

Таблица 3. Сопоставление рангов и частот выделенных ключевых лексем текста романа «Машенька» для русского и английского языков
Table 3. Comparison of ranks and frequencies of selected key lexemes of the text of the novel “Mary” for Russian and English languages

Русский язык			Английский язык		
Ранг	Лексема	Частота	Ранг	Лексема	Частота
5	Машенька	67	9	Mary	58
1	Ганин	255	1	Ganin	236
71	свет	18	32	light	38
74	тьень	17	28	shadow	21
61	темнота	19	92 30	darkness	19

Таблица 4. Сопоставление рангов и частот выделенных ключевых лексем текста романа «Машенька» для французского и немецкого языков
Table 4. Comparison of ranks and frequencies of selected key lexemes of the text of the novel “Masha” for French and German languages

Французский язык			Немецкий язык		
Ранг	Лексема	Частота	Ранг	Лексема	Частота
8	Machenka / Mari	79	12 274	Maschenka / Maschenkas	54 4
1	Ganine	257	1 154	Ganin / Ganins	246 12
55	lumière	28	93	Licht	17
698	lueur	5	156	Welt	12
57	ombre	27	80	Schatten	19
470	fantome	7			
207	obscurité	13	213 510	Finsternis Dunkle, <i>sub.</i>	9 5
747	ténèbres	5	698	Dunst	4
391	brume	8	111 512	Dunkel Dunkelheit	14 5

В целом, приведенные данные демонстрируют в большинстве своем высокую близость частот и/или рангов выделенных лексем, иногда с буквальным совпадением. В отдельных случаях имеет место перевод слова в языке источника с помощью двух слов в языке перевода (например, перевод английского *romantic* двумя французскими лексемами *romanesque/romantique*, английского *theme* – немецкими *motiv/thema*, английского *counterpoint* – немецкими *kontrapunktisch/kontrapunkt*, русского *свет* – французскими *lumière/lueur* и т.п.); также разница наблюдается в передаче некоторых взаимно соотносящихся в оригинальном тексте понятий в различных языках

(например, *philistine* и *bourgeois*). Стоит заметить, что речь идет о текстах, абсолютно идентичных по содержанию и рассматриваемых нами целиком, но лишь представленных на разных языках. Таким образом, мы не оперируем здесь таким традиционным понятием лингвостатистики, как выборка, и всем связанным с ней инструментарием, и там, где наблюдается схожесть в частотах и/или рангах или, напротив, их значительная разница, мы обоснованно связываем ее с общими особенностями перевода.

На основе созданных словарей программа T-Lab позволяет нам проанализировать ассоциативные связи выделенных лексем. Совместные встречаемости анализируемой леммы вычисляются на основе косинусного коэффициента внутри ее элементарных контекстов. На следующем этапе был произведен подсчет количества совпадений совместной встречаемости других лемм с анализируемой леммой по парам языков (английский–русский, французский–русский, немецкий–русский). Результаты данного сопоставления представлены в табл. 5–8.

Таблица 5. Количество совпадений совместной встречаемости других лемм с анализируемой леммой для русского, английского и французского языков в тексте лекции о романе «Госпожа Бовари»
Table 5. Number of coincidences of the co-occurrence of other lemmas with the analyzed lemma for Russian, English and French languages in the text of the lecture on the novel “Madame Bovary”

Лемма в оригинальном тексте	Количество совпадений (из 20) Английский язык	Количество совпадений (из 20) Французский язык
Emma	9	12
Charles	6	6
horse	4	4
love	2	2
death	1	4
romantic	7	6
style	5	8
theme	7	5
counterpoint	7	7
philistine bourgeois	совместно 12	совместно 8

Легко, заметить, что на уровне контекстуальной ассоциации количество совпадений уменьшается, нигде не достигая 100% совпадения. Максимальное количество совпадений у ассоциаций наблюдается в именах персонажей (до 60%), что представляется вполне естественным с учетом тематической направленности текста. В отношении переводов других ключевых слов, используемых автором для анализа текста, наблюдается тенденция к уменьшению доли совпадений при переводе авторских слов (*контрапункт, стиль, тема, лошадь* и др.) к словам, обозначающим общие понятия (*любовь, смерть, свет, тень*), для которых доля совпадений иногда составляет всего 10%. При этом не может не наблюдаться некоторая вариативность долей соответствий, естественно обусловленная, на наш взгляд, разницей в системах затрагиваемых языков. При этом необходимо отметить, что доля ассоциативных совпадений значительно сокращается при переходе к переводу собственно художественной прозы.

Заключение

Установлено, что использование компьютерной программы T-LAB, включающей широкий набор стилеметрических инструментов для различных видов анализа текстов, позволяет провести объективное сопоставление оригинального текста и его переводов на различные языки. Помимо

Таблица 6. Количество совпадений совместной встречаемости других лемм с анализируемой леммой английского и немецкого языков в тексте лекции о романе «Госпожа Бовари»
 Table 6. Number of coincidences of co-occurrence of other lemmas with the analyzed lemma of English and German languages in the text of the lecture on the novel “Madame Bovary”

Лемма в оригинальном тексте	Количество совпадений (из 20) Немецкий язык
Emma	8
Charles	7
horse	8
love	2
death	5
romantic	4
style	4
theme	8
counterpoint	3
philistine bourgeois	совместно 14

Таблица 7. Количество совпадений совместной встречаемости других лемм с анализируемой леммой для русского, английского и французского языков в тексте романа «Машенька»
 Table 7. Number of coincidences of co-occurrence of other lemmas with the analyzed lemma for Russian, English and French languages in the text of the novel “Mary”

Лемма в оригинальном тексте	Количество совпадений (из 20) Английский язык	Количество совпадений (из 20) Французский язык
Машенька	4	3
Ганин	8	13
свет	2	2
тьень	3	5
темнота	1	2

Таблица 8. Количество совпадений совместной встречаемости других лемм с анализируемой леммой русского и немецкого языков в тексте романа «Машенька»
 Table 8. Number of coincidences of co-occurrence of other lemmas with the analyzed lemma for Russian and German languages in the text of the novel “Mary”

Лемма в оригинальном тексте	Количество совпадений (из 20) Немецкий язык
Машенька	2
Ганин	8
свет	2
тьень	5
темнота	6

подтверждения установленной предыдущими исследованиями [24] способности подобного анализа идентифицировать ключевые слова, отражающие основные темы текста, продемонстрированы широкие возможности анализа ассоциативных связей выделенных лексем компьютерными методами. Показано, что анализ соответствий частот и ассоциаций по языкам позволяет проследить процесс создания переводчиком собственных ассоциативных полей при работе с авторским текстом.

Одновременно было проведено сопоставление с аналогичным исследованием авторов, посвященным анализу перевода фрагмента лекций В.В. Набокова по зарубежной литературе, что дает возможность сравнить результаты, полученные одним и тем же методом для текстов разной стилистической принадлежности. Установлено падение доли совпадений при переходе к переводу собственно художественного текста. Таким образом, переводчик, творчески интерпретируя смысл исходного текста, создает собственные ассоциативные поля для раскрытия содержания набокских тем.

Как следует из полученных результатов, частотность выделенных ключевых слов демонстрирует значительное совпадение, при этом в отдельных случаях имеет место перевод русского слова с помощью нескольких слов в языке перевода, на уровне контекстуальной ассоциации количество совпадений уменьшается, нигде не достигая 100% совпадения, максимальное количество совпадений у ассоциаций наблюдается в именах персонажей (от 60%), в отношении переводов других ключевых слов наблюдается тенденция к уменьшению доли совпадений при переводе авторских слов, обозначающих общие понятия, для которых доля совпадений в среднем колеблется около 20%. При этом не может не наблюдаться некоторая вариативность долей соответствий, естественно обусловленная разницей в системах затрагиваемых языков.

Представляется, что установленные тенденции количественного распределения совпадений на уровне контекстуальных ассоциаций в переводах разножанровых текстов вписываются в общий вектор активного развития динамического переводоведения и коммуникативной языковой медиации, в рамках которых переводчик выступает в большей степени как посредник-медиатор, передающий свое представление о намерениях говорящего, а не как посредник-переводчик классической модели, транслирующий содержание высказывания [25]. Соответственно, оценочная составляющая понятия эквивалентности, как, по всей видимости, и само содержание этого базисного понятия, в условиях новой формирующейся переводоведческой парадигмы нуждаются в ревизии и уточнении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Беляева Л.Н., Чернявская В.Е.** Доказательная лингвистика: метод в когнитивной парадигме // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 3. С. 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84
2. **Lasswell H.D.** Style in the language of politics // Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics. Cambridge, MA: M.I.T. Press, 1965. P. 20–39.
3. **Камшилова О.Н., Беляева Л.Н.** Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 1. С. 41–56. DOI: 10.18721/JHSS.14105
4. T-LAB. URL: <https://www.tlab.it/> (дата обращения: 14.01.2024).
5. **Прунч Э.** Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической / пер. с нем. М.: Р. Валент, 2015. 512 с. DOI: 10.26530/OAPEN_577790
6. **Швейцер А.Д.** Теория перевода (статус, проблемы, аспекты). М.: Наука, 1988. 215 с.
7. **Комиссаров В.Н.** Теория перевода (Лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
8. **Leech G., Rayson P., Wilson A.** Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus. London: Longman, 2001. 320 p.
9. **Гребенников А.О., Скребцова Т.Г.** Языковая картина мира в русском рассказе начала XX века // Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. 2019. № 3 (25). С. 82–92.

10. **Sherstinova T., Grebennikov A., Skrebtsova T., Guseva A., Gukasian M., Egoshina I., Turygina M.** Frequency Word Lists and Their Variability (the Case of Russian Fiction in 1900–1930) // Proceedings of the 27th Conference of Open Innovations Association FRUCT, University of Trento, Italy, 2020, pp. 366–373. URL: <https://fruct.org/publications/volume-27/acm27/files/She.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).
11. **Sherstinova T., Skrebtsova T.** Russian Literature Around the October Revolution: A Quantitative Exploratory Study of Literary Themes and Narrative Structure in Russian Short Stories of 1900–1930 // Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society” (IMS-2020) (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). 2021. Vol. 2813. P. 117–128. URL: <https://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper09.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).
12. **Skrebtsova T.** Thematic Tagging of Literary Fiction: The Case of Early 20th Century Russian Short Stories / Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society” (IMS-2020) (St. Petersburg, 17–20 June, 2020). 2021. Vol. 2813. P. 265–276. URL: <http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper20.pdf> (дата обращения: 17.09.2024).
13. **Nabokov V.** Lectures on Literature / introd. by J. Updike; ed. by F. Bowers. New York: Harcourt Brace Jovanovich; Bruccoli Clark, 1980. P. 125–178.
14. **Набоков В.В.** Лекции по зарубежной литературе. М.: Издательство Независимая газета, 1998. С. 183–238.
15. **Nabokov V.** Littératures / introd. de J. Updike et de G. Davenport. Paris: Robert Laffont, 2009. P. 191–250.
16. **Nabokov V.** Die Kunst des Lesens: Meisterwerke der europäischen Literatur / Vorw. von J. Updike. Frf. am Main: S. Fischer, 1982. S. 173–229.
17. **Набоков В.В.** Машенька. СПб: Азбука-классика, 2007. 186 с.
18. **Nabokov V.** Mary / transl. from the Russian by M. Glenny in collaboration with the Author. New York: McGraw-Hill. 1970. 114 p.
19. **Nabokov V.** Maschenka / Dt. von K. Birkenhauer. Reinbek: Rowohlt, 1976. 155 S.
20. **Nabokov V.** Machenka / trad. de l’anglais par M. Sibon. Paris: Gallimard, 1993. 182 p.
21. Литературный энциклопедический словарь / под. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. 752 с.
22. **Силантьев И.В.** Поэтика мотива / отв. ред. Е.К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
23. **Левин Ю.И.** Заметки о «Машеньке» В. Набокова // Russian Literature. Amsterdam. 1985. № 18 (1). С. 167–175.
24. **Grebennikov A., Ivanova E., Koryshev M., Solovieva M.** Stylometric Methods in Comparative Text Analysis // Literature, Language and Computing: Russian Contribution. St. Petersburg: Springer, 2023. P. 103–112. DOI 10.1007/978-981-99-3604-5_9
25. **Петрова Е.С., Статеева Е.В.** Перевод и коммуникативная языковая медиация: границы понятий // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. Т. 9. № 2. С. 121–126.

REFERENCES

- [1] **Belyaeva L.N., Chernyavskaya V.E.**, Evidential linguistics: method in the cognitive paradigm, Issues of Cognitive Linguistics, 3 (2016) 77–84. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-3-77-84
- [2] **Lasswell H.D.**, Style in the language of politics, Language of Politics: Studies in Quantitative Semantics, M.I.T. Press, Cambridge, MA, 1965, pp. 20–39.
- [3] **Kamshilova O.N., Belyaeva L.N.**, Machine translation in the age of digitalisation: new practices, procedures and resources, Terra Linguistica, 14 (1) (2023) 41–56. DOI: 10.18721/JHSS.14105
- [4] T-LAB. Available at: <https://www.tlab.it/> (accessed 14.01.2024).
- [5] **Prunc E.**, Puti razvitiya zapadnogo perevodovedeniya. Ot yazykovoj asimmetrii k politicheskoy [Ways of development of Western translation studies. From linguistic asymmetry to political], Transl. from the German, R. Valent, Moscow, 2015.
- [6] **Shvejcer A.**, Teoriya perevoda (status, problemy, aspekty) [Translation theory (status, problems, aspects)], Nauka, Moscow, 1988.

- [7] **Komissarov V.**, *Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* [Translation Theory (Linguistic Aspects)], Vysshaya shkola, Moscow, 1990.
- [8] **Leech G., Rayson P., Wilson A.**, *Word Frequencies in Written and Spoken English: based on the British National Corpus*, Longman, London, 2001.
- [9] **Grebennikov A., Skrebtsova T.**, *World through the Prism of the Early XX-century Russian Short Stories*, *Philosophy and Humanities in Information Society*, 3 (25) (2019) 82–92.
- [10] **Sherstinova T., Grebennikov A., Skrebtsova T., Guseva A., Gukasian M., Egoshina I., Turygina M.**, *Frequency Word Lists and Their Variability (the Case of Russian Fiction in 1900–1930)*, *Proceedings of the 27th Conference of Open Innovations Association FRUCT, University of Trento, Italy*, pp. 366–373. Available at: <https://fruct.org/publications/volume-27/acm27/files/She.pdf> (accessed 17.09.2024).
- [11] **Sherstinova T., Skrebtsova T.**, *Russian Literature Around the October Revolution: A Quantitative Exploratory Study of Literary Themes and Narrative Structure in Russian Short Stories of 1900–1930*, *Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society” (IMS-2020) (St. Petersburg, 17–20 June, 2020)*, 2813 (2021) 117–128. Available at: <https://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper09.pdf> (accessed 17.09.2024).
- [12] **Skrebtsova T.**, *Thematic tagging of literary fiction: the case of early 20th century Russian short stories*, *Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society” (IMS-2020) (St. Petersburg, 17–20 June, 2020)*, 2813 (2021) 265–276 Available at: <http://ceur-ws.org/Vol-2813/rpaper20.pdf> (accessed 17.09.2024).
- [13] **Nabokov V.**, *Lectures on Literature*, *Introd. by J. Updike, Ed. by F. Bowers*, Harcourt Brace Jovanovich, Brucoli Clark, New York, 1980, pp. 125–178.
- [14] **Nabokov V.V.**, *Lectures on literature*, *Izdatel'stvo nezavisimaya gazeta*, Moscow, 1998, pp. 183–238.
- [15] **Nabokov V.**, *Littératures*, *Introd. de J. Updike et de G. Davenport*, Robert Laffont, Paris, 2009, pp. 191–250.
- [16] **Nabokov V.**, *Die Kunst des Lesens: Meisterwerke der europäischen Literatur*, *Vorw. von J. Updike*, S. Fischer, Frf. am Main, 1982, S. 173–229.
- [17] **Nabokov V.**, *Mary*, *Azbuka-klassika*, St. Petersburg, 2007.
- [18] **Nabokov V.**, *Mary*, *Transl. from the Russian by M. Glenny in collaboration with the Author*, McGraw-Hill, New York, 1970.
- [19] **Nabokov V.**, *Maschenka*, *Dt. von K. Birkenhauer, Rowohlt, Reinbek*, 1976.
- [20] **Nabokov V.**, *Machenka*, *Trad. de l'anglais par M. Sibon*, Gallimard, Paris, 1993.
- [21] *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'* [Literary encyclopedic dictionary], *Ed. by V.M. Kozhevnikov, P.A. Nikolaev*, *Sovetskaya enciklopediya*, Moscow, 1987.
- [22] **Silant'ev I.V.**, *Poetika motiva* [Poetics of motive], *Resp. ed. E.K. Romodanovskaya*, *Yazyki slavyanskoj kul'tury*, Moscow, 2004.
- [23] **Levin Y.I.**, *Notes on V. Nabokov's “Mashenka”*, *Russian Literature*. Amsterdam, 18 (1) (1985) 167–175.
- [24] **Grebennikov A., Ivanova E., Koryshev M., Solovieva M.**, *Stylometric Methods in Comparative Text Analysis, Literature, Language and Computing: Russian Contribution*, Springer, St. Petersburg, 2023, pp. 103–112. DOI 10.1007/978-981-99-3604-5_9
- [25] **Petrova E.S., Stateeva E.V.**, *Translation and Communicative Linguistic Meditation: Limits of Notions*, *Philology. Theory & Practice*, 9 (2) (2014) 121–126.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Гребенников Александр Олегович
Alexander O. Grebennikov
E-mail: agrebennikov@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2856-5049>

Иванова Екатерина Павловна
Ekaterina P. Ivanova
E-mail: eivanova2003@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5953-5403>

Корышев Михаил Витальевич

Mikhail V. Koryshev

E-mail: m.korychev@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8946-4431>

Соловьева Мария Владимировна

Maria V. Solovieva

E-mail: mvsol77@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7352-353X>

Поступила: 24.06.2024; Одобрена: 16.07.2024; Принята: 17.09.2024.

Submitted: 24.06.2024; Approved: 16.07.2024; Accepted: 17.09.2024.

Научная статья

УДК 811.161.1'38

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15305>

КОНТЕКСТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЕМОВ КАК СЛОЖНОЕ СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

К.И. Декатова

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

 dekatovaki@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сложной проблеме функционирования изобразительно-выразительных средств языка в художественном тексте. Целью исследования стало выявление особенностей таких разновидностей контекстуального взаимодействия стилистических приемов и фразеологических единиц, как фразеостилистические конвергенция и контаминация. Последнее стилистическое явление в статье противопоставляется типу фразеологической модификации – фразеологической контаминации. Материалом исследования послужили фразеостилистические конвергенты – наложение в ограниченном контексте фразеологических единиц и стилистических приемов для выполнения общих стилистических функций – и фразеостилистические контаминанты – контекстуальное взаимодействие последовательно расположенных стилистических приемов и фразеологических единиц, выполняющих общие стилистические функции. Источником материала изучения стали поэтические произведения русской литературы XX–XXI веков. В процессе исследования применялись описательный метод и метод контекстуального анализа языковых единиц. В результате исследования были описаны отличительные признаки эквивалентного и деривационного фразеостилистического контекстуального взаимодействия языковых единиц. В статье эквивалентными фразеостилистическими конвергенцией и контаминацией называется равноправное взаимодействие устойчивых единиц и стилистических приемов и отмечается, что в деривационном фразеостилистическом контекстуальном взаимодействии между фразеологизмами и стилистическими приемами устанавливаются неравноправные отношения: фразеологическая единица выступает строительным материалом сложного стилистического приема. Анализ структуры фразеостилистических конвергентов и контаминантов позволил разделить их на двухкомпонентные и многокомпонентные конструкции. В результате исследования были описаны модели контекстуального взаимодействия стилистических приемов и фразеологизмов в многокомпонентных конструкциях, а также рассмотрены случаи расположения элементов фразеостилистических конвергентов и контаминантов в пределах одного предложения или в нескольких связанных по смыслу предложениях.

Ключевые слова: стилистический прием, фразеологизм, фразеостилистическая конвергенция, фразеостилистическая контаминация, поэтический текст.

Для цитирования: Декатова К.И. Контекстуальное взаимодействие фразеологизмов и стилистических приемов как сложное стилистическое явление // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 47–59. DOI: 10.18721/JHSS.15305

THE CONTEXTUAL INTERACTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS AND STYLISTIC DEVICES AS A COMPLEX STYLISTIC PHENOMENON

K.I. Dekatova

Volgograd state social-pedagogical University,
Volgograd, Russian Federation

 dekatovaki@mail.ru

Abstract. The article focuses on the issue of the functioning of expressive language means in a literary text. The aim of the study is to analyze such interaction of phraseological units and stylistic devices as phraseostylistic convergence and contamination. The sources of the practical research material are poetic texts of the 20th and 21st centuries. The descriptive method and the method of contextual analysis were used in the course of the research. The study has resulted in the description of specific features of equipolent and derivational phraseostylistic contextual interaction. The analysis of the structure of phraseostylistic convergents and contaminants allowed to divide them into two-component and multicomponent constructions. The author of the article describes models of interaction of phraseological units and stylistic devices in multicomponent constructions.

Keywords: stylistic devices, phraseologisms, phraseostylistic convergence, phraseostylistic contamination, poetic text.

Citation: Dekatova K.I., The contextual interaction of phraseological units and stylistic devices as a complex stylistic phenomenon, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 47–59. DOI: 10.18721/JHSS.15305

Введение

Сложные стилистические приемы, основанные на взаимодействии различных изобразительно-выразительных средств языка, широко используются авторами художественных текстов. Несмотря на особый интерес к данному стилистическому явлению с середины XX века, вопрос о структурно-семантических и функциональных особенностях связанных в тексте тропов и стилистических фигур в современной лингвистике все еще остается без исчерпывающего ответа.

На явление стилистического совмещения в небольшом контексте языковых единиц языковеды обратили внимание в 1960-е годы (Ж. Марузо и С. Ульман). Ж. Марузо, называя данное явление контаминацией, рассматривал его как «действие, оказываемое одним элементом на другой, с которым первый связан или постоянно, или случайно таким образом, что между ними осуществляется скрещение»¹. Целенаправленное исследование такого стилистического явления, как «скопление стилистических приемов в пределах ограниченного контекста», началось после публикации результатов исследования М. Риффатера, назвавшего этот лингвистический феномен конвергенцией [14, с. 89]. Рассматривая особенности функционирования стилистических приемов в литературном произведении, лингвист противопоставляет совокупность независимых изобразительно-выразительных средств и функционально связанных стилистических приемов. Последние, по мнению ученого, «когда находятся вместе, придают друг другу дополнительную экспрессивность» [Там же].

Во второй половине XX века стилистическая конвергенция стала объектом исследований как отечественных, так и зарубежных лингвистов (И.В. Арнольд, М.В. Веккесер, Г.А. Копнина,

¹ Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов / пер. с фр. Н.Д. Андреева; под ред. А.А. Реформатского. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. С. 139.

С.В. Лопаткина, Э.Г. Новикова, М.Е. Обнорская, И.В. Пекарская, Е.А. Плеханова, Т.В. Первак, О.И. Ревуцкий, И.А. Соловейчик-Зильберштейн, А.П. Сковородников, Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширинина, Ж. Марузо, М. Риффатер, С. Ульман и др.). В процессе изучения понятие «стилистическая конвергенция» уточнялось. Так, отталкиваясь от идей М. Риффатера, И.В. Арнольд подчеркивает, что все изобразительно-выразительные средства, участвующие в формировании сложного стилистического приема, связаны прежде всего единой стилистической функцией. «Взаимодействуя, стилистические фигуры оттеняют, высвечивают друг друга, и передаваемый ими сигнал не может пройти незамеченным» [1, с. 100]. Разделяя эту мысль, И.В. Пекарская и С.В. Лопаткина уточняют, что особенностью функционирования вступающих во взаимодействие стилистических приемов «в любом речевом отрезке речи является пересечение в каждой из них нескольких функций, одна из которых – доминантная, а другие – сопровождающие, усиливающие прагматический заряд». [8, с. 71]. В процессе исследования функционирования вступающих в конвергенцию стилистических приемов были описаны такие базовые стилистические функции, как изобразительная, экспрессивная, оценочная, характерологическая и др. [5; 8]

В ходе исследования поднимался и немаловажный для определения отличительных признаков стилистической конвергенции вопрос о ее границах, или вопрос о величине контекста, в котором стилистические приемы вступают во взаимодействие. Этот вопрос стал дискуссионным. Так, И.А. Соловейчик-Зильберштейн полагает, что стилистической конвергенцией называется только концентрация стилистических приемов на сравнительно небольшом участке текста [15]. Г.А. Копнина допускает конвергентное взаимодействие стилистических приемов в рамках одного предложения (сосредоточенная конвергенция), нескольких предложений, сложного синтаксического целого (рассредоточенная конвергенция), а также целого текста (текстовая конвергенция). При этом ученый подчеркивает, что важным условием рассредоточенной и текстовой конвергенций является композиционная и функциональная связь изобразительно-выразительных средств [5, с. 100–154].

Анализируя историю изучения контекстуального взаимодействия стилистических приемов в современной отечественной лингвистике, И.В. Пекарская обращает внимание на слишком широкое понимание термина «конвергенция». Ученый замечает, что конвергенцией принято называть процесс «сближения, схождения (в разном смысле)», некий «пучок» значимых релей», который может быть представлен в виде «следования» и «наложения». «Следование» (синкретизм) целесообразно назвать конвергенцией, «наложение» – контаминацией [12, с. 14]. Эту точку зрения разделяет С.В. Лопаткина, называя стилистической конвергенцией только взаимодействие стилистических приемов в виде следования (сцепления) тропов, фигур друг за другом в речи, а процесс и результат наложения нескольких стилистических приемов относит к стилистической контаминации [8, 9].

Несколько иначе предлагает соотносить значения терминов «стилистическая конвергенция» и «стилистическая контаминация» Г.А. Копнина: при широком понимании любого рода взаимодействие стилистических приемов в определенном контексте следует называть стилистической конвергенцией, при узком понимании термин «стилистическая конвергенция» следует использовать для наименования сложного тропа, образованного в результате соединения (сцепления), а термин «стилистическая контаминация» номинирует наложение и вставку стилистических приемов.

По мнению Г.А. Копниной, в процессе стилистической контаминации и конвергенции во взаимодействие могут вступать однородные (относящиеся к одному языковому уровню) и неоднородные (относящиеся к разным языковым уровням) стилистические приемы. Взаимодействие в контексте однородных тропов и стилистических фигур Г.А. Копнина относит к гомогенным конвергенции и контаминации, а объединение неоднородных стилистических

приемов, как полагает ученый, приводит к формированию гетерогенных конвергенции и контаминации².

Контекстуальную взаимосвязь фразеологических единиц и стилистических приемов, выполняющих одну стилистическую функцию, можно отнести к последнему (гетерогенному) типу сложного стилистического объединения изобразительно-выразительных средств. В нашем исследовании для наименования этого явления используется термин *фразеостилистическое контекстуальное взаимодействие*. Своеобразие данного взаимодействия описывалось в трудах, посвященных анализу контекстуальной взаимосвязи фразеологизмов с тропами в текстах разных стилей [2, 6, 7, 10, 13 и др.], в работах, отражающих результаты исследования модификаций фразеологических единиц, их участия в формировании языковой игры [3, 11, 17 и др.]. Рассматривая модели стилистической конвергенции в текстах СМИ, Е.А. Плеханова подчеркивает важную роль устойчивых единиц в формировании сложных стилистических приемов. Ученый выделяет три вида модели конвергенции: модели с иницирующим элементом метафорой, модели с иницирующим элементом метонимией и модели с иницирующим элементом фразеологизмом. Результаты исследования Е.А. Плехановой показали, что модели с иницирующим элементом фразеологизмом не менее частотны и продуктивны, чем модели с иницирующим элементом метафорой [13].

Наиболее полный анализ фразеостилистического контекстуального взаимодействия изобразительно-выразительных средств содержится в работах Т.Н. Кураш. В фокусе внимания исследователя оказались конвергентные образования, формирующиеся в поле взаимодействия «троп – фразеологическая единица» и называемые фразеолого-тропеическими комплексами. Обосновывая свой исследовательский интерес к данным комплексам, Т.Н. Кураш отмечает, что тропы и фразеологические единицы являются стилистическими ресурсами, которые и схожи, и различны одновременно: «Их сходство лежит в области прагматической ориентированности на образность, эмоциональность, экспрессивность поэтической речи. Однако весьма существенны и различия. Если тропы, как правило, индивидуальны, непредсказуемы, являются конструктами индивидуально-авторской картины мира, рассчитаны на слом автоматизма восприятия, то ФЕ, напротив, воспроизводимы, исчислимы в своем репертуаре, являются элементами национальной языковой картины мира. Тем интереснее их взаимодействие, представляющее собой сложное сплетение индивидуально-авторской семантики с общенациональными смыслами»³. Анализируя структурные особенности фразеолого-тропеических комплексов, Т.Н. Кураш выделяет их разновидности по характеру базового тропа (метафорические, метонимические и метафоро-метонимические конструкции) и по характеру фразеологических единиц, участвующих во фразеостилистическом взаимодействии (конструкции с фразеологическими сращениями, фразеологическими единствами, фразеологическими сочетаниями и фразеологическими выражениями) [6, с. 59–60]. Особое внимание Т.Н. Кураш уделяет фразеолого-тропеическим комплексам, в состав которых входят трансформированные фразеологизмы, комплексам с признаками отфразеологической деривации, с полной или частичной импликацией фразеологической составляющей. Данные конструкции вызывают сложности в декодировании смысла, поэтому, по мнению исследователя, нуждаются в дополнительном структурно-семантическом анализе.

Несмотря на интерес исследователей к сложным стилистическим приемам, в состав которых входят устойчивые единицы, их структурно-семантические и функциональные особенности

² Копнина Г.А. *Стилистическая конвергенция // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник / Т.Б. Аверина, Н.Н. Акулова, И.Б. Александрова [и др.]; ред. А.П. Сковородников; редкол. Г.А. Копнина [и др.]. Красноярск: СФУ, 2014. С. 642. URL: <https://bik.sfu-kras.ru/elib/view?id=BOOK1-81%2FЭ+949-163305> (дата обращения: 28.07.2024).*

³ Кураш Т.Н. Импликативные аспекты взаимодействия фразеологизмов и тропов в языке русской поэзии XX века // *Материалы III Международного конгресса исследователей русского языка «Русский язык: исторические судьбы и современность» (Москва, МГУ, 20–23 марта 2007 года)*. М.: Изд-во Московского гос. ун-та, 2007. С. 665. URL: <https://www.philol.msu.ru/~rlc2007/abstracts/?sectionid=21> (дата обращения: 31.07.2024).

нельзя назвать изученными в полной мере. Необходимость в разноаспектном исследовании контекстного взаимодействия изобразительно-выразительных средств и фразеологических единиц определяет актуальность исследования. Целью статьи стало выявление отличительных признаков фразеостилистических конструкторов, образованных в результате контекстуального взаимодействия фразеологизмов и стилистических приемов. Одной из важных задач исследования является уточнение терминологического аппарата, используемого в процессе анализа разного рода взаимосвязи стилистических приемов и устойчивых единиц в ограниченном контексте. В связи с отсутствием в лингвистической литературе общепринятой дефиниции термина «стилистический прием» уточним, что в нашем исследовании вслед за А.П. Сковородниковым и Г.А. Копниной стилистическим приемом называется «мотивированное отклонение от языковой нормы, или ее нейтрального варианта, или речевой нормы с целью определенного воздействия на адресата»⁴. Данный термин является гиперонимом по отношению к терминам «троп» и «стилистическая фигура».

Методология и методика исследования

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные изучению контекстуального взаимодействия стилистических приемов в текстах разных жанров и стилей (И.В. Арнольд, М.В. Веккесер, Г.А. Копнина, С.В. Лопаткина, М.Е. Обнорская, И.В. Пекарская, Е.А. Плеханова, М. Риффатер, А.П. Сковородников, И.А. Соловейчик-Зильберштейн, Т.Г. Хазагеров и др.), а также функционированию фразеологических единиц в текстах художественного, публицистического, разговорного стилей (А.П. Василенко, В.П. Жуков, А.В. Жуков, Е.А. Колобова, А.В. Кунин, О.В. Ломакина, А.В. Мелерович, Л.Б. Савенкова, И.Ю. Третьякова и др.).

В процессе исследования применялись следующие лингвистические методы:

1) описательный метод, использование приемов которого позволило выявить, классифицировать, интерпретировать результаты анализа взаимодействия фразеологизмов и стилистических приемов в ограниченном контексте, сопоставить фразеостилистическое взаимодействие и стилистическое контекстуальное взаимодействие тропов и стилистических фигур;

2) метод контекстуального анализа, применявшийся в ходе исследования функционирования фразеологических единиц и стилистических приемов, вступающих во взаимодействие в определенном контексте.

Материалом исследования послужили поэтические тексты русской литературы XX–XXI веков.

Результаты исследования

Тропы, стилистические фигуры и фразеологические единицы являются языковыми средствами, которые нередко используются для создания яркого образа и усиления выразительности текста. Экспрессивность этих изобразительно-выразительных средств увеличивается, когда они вступают во взаимодействие. На этот эффект обратили внимание первые исследователи процессов стилистической конвергенции М. Риффатер, И.В. Арнольд, И.А. Соловейчик-Зильберштейн, подчеркивая, что использование отдельных стилистических приемов само по себе выразительно, но сочетание нескольких приемов приводит к тому, что происходит наложение экспрессии и накопление стилистического эффекта, который в процессе конвергенции нарастает [1, 14, 15]. Контекстуальное взаимодействие фразеологических единиц и стилистических приемов – фразеостилистическое взаимодействие – приводит к формированию такого «пучка» выполняющих общую стилистическую функцию единиц, который отличается высокой экспрессивностью и семантической осложненностью. Например, в отрывке произведения «Штормит

⁴ Копнина Г.А., Сковородников А.П. Стилистический прием // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011. С. 323.

весь вечер» В.С. Высоцкий иносказательно описывает философское понимание лирическим героем жизненных коллизий: *Ах, гривы белые судьбы! / Пред смертью, словно хорошея, / По зову боевой трубы / Взлетают волны на дыбы, / Ломают выгнутые шеи.* В метафорическое описание штормовых волн, предстающих в образе лошадей, вплетаются измененные фразеологические единицы *становиться (стать) на дыбы* – ‘резко протестовать против кого-либо, проявлять несогласие с кем-либо’⁵ – и *сломить шею* – ‘искалечиться или разбиться насмерть, убится’, образуя сложный фразеостилистический прием. Важно отметить, что все вступающие во фразеостилистическое взаимодействие компоненты выполняют такие стилистические функции, как изобразительная функция, функция художественной конкретизации, экспрессивная функция.

Анализируя отношения между элементами контекстуального объединения стилистических приемов, Г.А. Копнина выделяет такие типы конвергенции стилистических фигур, как деривационная (деривативная) и эквивалентная [5]. В структуре взаимодействующих стилистических приемов и фразеологических единиц между элементами тоже возможны неоднородные отношения: стилистические приемы и устойчивые единицы могут вступать в равноправное взаимодействие или фразеологические единицы могут оказываться строительным материалом для формирования сложного стилистического приема. Первый тип отношений является эквивалентным фразеостилистическим взаимодействием, второй – деривационным. Например, в произведении Б.Л. Пастернака «Ледоход» стилистические приемы (метафоры и эпитеты) и фразеологизм *ни <единой (одной) живой> души* – ‘никого’ – находятся в эквивалентных отношениях и выступают равноправными образными средствами, выполняющими в описании весеннего пейзажа изобразительную и экспрессивную функции: *Капель до половины дня, / Потом, морозом землю скомкав, / Гремит плавучих льдин резня / И поножовщина обломков. / И ни души. Один лишь хрип, / Тоскливый лягз и стук ножовый, / И сталкивающиеся глыб / Скрежещущие перелевы.*

Несколько иные отношения устанавливаются между стилистическими приемами и фразеологической единицей в нижеследующем отрывке поэмы В.В. Маяковского «Облако в штанах»: *А ночь по комнате тинится и тинится, – / из тины не вытянутся отяжелевшему глазу. / Двери вдруг заляскали, / будто у гостиницы / не попадает зуб на зуб.* Фразеологизм *зуб на зуб не попадает* – ‘кто-либо очень озяб или испугался и дрожит от этого’ – является строительным материалом сравнения (*Двери вдруг заляскали, / будто у гостиницы / не попадает зуб на зуб*) и олицетворения (*у гостиницы / не попадает зуб на зуб*), вступая с данными стилистическими приемами в деривационные отношения.

В контекстуальное взаимодействие со стилистическими приемами фразеологические единицы могут вступать в неизменном (словарном) или в модифицированном виде. Так, в стихотворении В.С. Высоцкого «Я из дела ушел, из такого хорошего дела!» элементом развернутой метафоры является фразеологизм *львиная доля* – ‘большая часть’⁶: *Растащили меня, но я счастлив, что львиную долю / Получили лишь те, кому я б ее отдал и так. / Я по скользкому полу иду, каблук канифолью, / Подымаюсь по лестнице и прохожу на чердак.* Фразеологическая единица в контексте поэтического произведения используется в словарном виде, сохраняя свои структурно-семантические особенности.

Поскольку модификация фразеологических единиц помогает преодолеть стереотипное восприятие объекта номинации и усиливает выразительность текста, в художественных произведениях устойчивые единицы нередко подвергаются трансформации. Преобразованные фразеологизмы, вступающие в контекстуальное взаимодействие со стилистическими приемами, многократно усиливают экспрессивность и делают образ ярче. Например, в произведении В.В. Маяковского

⁵ Здесь и далее словарная форма фразеологических единиц и их дефиниции приводятся по: Фёдоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 878 с.

⁶ Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова: сб. рус. и иностр. цитат, пословиц, поговорок, послович. выражений и отд. слов (иносказаний). М.: Изд. центр «Терра», 1997. С. 193.

«Служака» используется фразеологизм *надевать шоры на глаза* — ‘создавать у кого-либо одностороннее представление о чём-либо’: *Мелких дельцев / пару шор / он / надел / на глаза оба, / чтоб служилось / хорошо, / безмятежно, / узколобо*. Устойчивая единица подвергается таким изменениям, как инверсия компонентов фразеологизма, расширение компонентного состава за счет слов *мелких дельцев, пара* и *оба*, что позволило поэту детализировать фразеологический образ. Модификация фразеологической единицы, приводящая к нарушению стереотипного восприятия образа устойчивой единицы, делает ее еще более выразительной в сочетании с последующей частью фразеостилистического конструкта, содержащего яркие эпитеты (*чтоб служилось / хорошо, / безмятежно, / узколобо*), увеличивает воздействующую силу поэтических строк.

Контекстуальное взаимодействие фразеологических единиц и стилистических приемов неоднородно и приводит к фразеостилистическим конвергенции и контаминации. Разделяя взгляды на соотношение понятий «конвергенция» и «контаминация» Г. А. Копниной, фразеостилистической конвергенцией мы называем наложение фразеологических единиц и стилистических приемов для выполнения общих стилистических функций. Например, в произведении В.В. Маяковского «Ко всему» в контекстное взаимодействие вступают такие стилистические приемы, как метафора, эпитет и фразеологическая единица *наливаться кровью* — ‘краснеть от прилива крови (о глазах, лице)’: *Лососем обернусь, / в провода / впутая голову ветвистую / с налитыми кровью глазами*. В данном фрагменте происходит наложение тропов и модифицированной устойчивой единицы *с налитыми кровью глазами*, которая совместно с эпитетом *ветвистая* выполняет характерологическую функцию, добавляя новые штрихи в образ-портрет лирического героя.

В отличие от фразеостилистической конвергенции фразеостилистическая контаминация — это контекстуальное взаимодействие последовательно расположенных стилистических приемов и фразеологических единиц для выполнения общих стилистических функций. Например, в стихотворении Б.Л. Пастернака «Первый снег» лирический герой, созерцающий зимний пейзаж и чувствующий неподвластное человеку движение времени, воспринимает первый снегопад как стихию, скрывающую человеческие пороки: *На нашей долгой бытности / Казалось нам не раз, / Что снег идеи из скрытности / и для отвода глаз*. Описание снегопада — «утайщика нераскаянного» — представляет собой фразеостилистическую контаминацию — взаимодействие последовательно расположенных стилистического приема (участвующего в формировании олицетворения слова *скрытность*) и фразеологической единицы *для отвода глаз* — ‘чтобы ввести в заблуждение кого-либо, отвлекая внимание от чего-либо’.

В ходе контекстуального взаимодействия фразеологизмов и стилистических приемов возможно совмещение процессов конвергенции и контаминации, что приводит к формированию так называемого фразеостилистического взаимодействия смешанного типа. Например: *Но вещи рвут с себя личину, / Теряют власть, роняют честь, / Когда у них есть неть причина, / Когда для ливня повод есть*. В последней строфе стихотворения Б.Л. Пастернака «Косых картин, летящих ливня» последовательно расположенные устойчивая единица *снимать личину* — ‘разоблачать кого-либо, открывая истинную (неприглядную) сущность кого-либо; срывать маску’ — и метафорические обороты участвуют в формировании олицетворения, наделяя неодушевленный объект (*вещи*) признаками живого существа.

Важно подчеркнуть, что термин «контаминация» активно используется фразеологами для номинации одного из видов фразеологической модификации. В этой связи существует необходимость в анализе признаков, позволяющих разграничить значения терминов «фразеологическая контаминация» и «фразеостилистическая контаминация». Фразеологической контаминацией в современной фразеологии называют «прием окказионального преобразования ФЕ, при котором происходит совмещение двух и более языковых фразеологических единиц и в результате которого образуется окказиональный фразеологизм»⁷. Например, в произведении В.С. Высоцкого «Баллада о вольных

⁷ Колобова Е.А. Фразеологическая контаминация: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2011. С. 8.

стрелках», в которой описывается свободная страна во главе с романтическим героем-освободителем народа, одна из перечисленных причин примкнуть к этому свободному племени вербализуется с помощью контаминированных фразеологических единиц: *Если рыщут за твоею непокрытой головой, / Чтоб петлёй худую шею сделать более худой, / Нет надёжнее приюта — скройся в лес, не пропадёшь, — / если **продан** ты кому-то с **потрохами** ни за грош*. В данном фрагменте совмещаются фразеологические единицы (продать) *с потрохами* — ‘целиком, полностью, со всем, что есть’ — и (продать) *ни за грош* — ‘ни за что’, образуя стилистический прием — фразеологическую контаминацию.

Как представляется, объем понятия термина «фразеостилистическая контаминация» шире объема понятия термина «фразеологическая контаминация», так как фразеостилистическая контаминация — это сочетание различных стилистических приемов с устойчивыми единицами. И поскольку в состав фразеостилистического контаминанта могут входить немодифицированные и модифицированные фразеологические единицы, фразеологическая контаминация может быть частью фразеостилистической контаминации. Например, в отрывке произведения А. Башлачева «На жизнь поэтов» последние две строчки представляют собой последовательно расположенные стилистические приемы и модифицированные фразеологизмы: *Как вольно им петь. И дышать полной грудью на ладан*. Фразеостилистическая контаминация (объединение стилистических приемов и фразеологических единиц) осложнена фразеологической контаминацией — наложением двух устойчивых единиц: *дышать на ладан* — ‘быть близким к смерти’ — и *дышать (вздыхнуть) полной грудью* — ‘чувствовать себя легко и свободно’. Анализируя семантические особенности данной фразеологической контаминации, И.Ю. Третьякова приходит к выводу, что объединенные фразеологизмы оказываются в семантической оппозиции, что «придаёт фразеологическому трансформу оксюморонный характер; само выражение приобретает значение ‘стремиться к смерти, к концу’». [16, с. 240]. Важно добавить, что модификация значения фразеологизмов приводит к тому, что фразеологическая контаминация семантически противопоставляется второму члену фразеостилистической контаминации — метафорическому описанию счастливых моментов, к которым стремится душа поэта (*вольно петь*). А парцелляция подчеркивает, что поэт придает одинаково важное значение противопоставленным устремлениям души лирического героя.

Следует отметить, что фразеологическая контаминация может быть частью и фразеостилистической конвергенции. Например, в стихотворении Ю.П. Мориц «По этому поводу» в сложном конвергентном сочетании нескольких стилистических приемов содержатся контаминированные фразеологические единицы: *Ни за что я не стала бы боль эту жгучую / Заставлять улыбаться по всякому случаю, / Корчить маску счастливее всех, / Делать вид, впечатленье такое чудесное / Будто сылется сверху, как манна небесная, / На избранницу божью успех*. Компоненты фразеологических единиц *корчить рожу* — ‘гримасничать’ — и *носить маску (личину)* — ‘прикидываться, притворяться кем-либо, скрывая свою подлинную сущность’ — сплетаются в парадоксальную единицу *корчить маску*, которая приобретает значение — ‘намеренно исказить подлинную сущность’ [4, с. 166].

Продолжая традицию, сложившуюся в отечественной лингвистике, для наименования результатов фразеостилистических конвергенции и контаминации в нашей работе используются термины «фразеостилистический конвергент» и «фразеостилистический контаминант». Фразеостилистическим конвергентом является единица текста, представляющая собой наложение стилистических приемов и фразеологических единиц, вступающих в контекстуальное взаимодействие для выполнения общих стилистических функций. Так, в нижеследующем отрывке произведения Б. Ахмадулиной «Воскресный день» фразеостилистическим конвергентом являются строки: *Но день воскресный уж баклуши бьет / то детским плачем, то звонком посудным*. Фразеологическая единица *бить баклуши* — ‘праздно проводить время; бездельничать’ — участвует в создании олицетворения.

Фразеостилистический контаминант — это единица текста, состоящая из вступающих в контекстуальное взаимодействие, последовательно расположенных стилистических приемов и фразеологических единиц, выполняющих общие стилистические функции. Например, в произведении В.В. Маяковского «По городам Союза» фразеостилистическим контаминантом является описание символики молодой республики, в котором во взаимодействие вступают последовательно расположенные олицетворение и фразеологическая единица *резать глаза* — ‘утомлять зрение, производить неприятное зрительное впечатление чрезмерной яркостью, пестротой и т.п.’: *На каждом доме / советский вензель / зовёт, / сияет, / режет глаза.*

В зависимости от количества стилистических приемов и фразеологических единиц, вступающих в контекстуальное взаимодействие, фразеостилистические конвергенты и контаминанты можно разделить на двухкомпонентные и многокомпонентные фразеостилистические комплексы. Двухкомпонентные фразеостилистические конвергенты и контаминанты состоят из одного стилистического приема и одного устойчивого выражения. Например, двухкомпонентным фразеостилистическим конвергентом являются строки произведения В.В. Маяковского «Неразбериха»: *Тиха, / что воды набрала в рот, / часовня святого Пантелёймона*, — в которых фразеологизм *как (будто, точно) воды в рот набрал* — ‘(будто) онемел, лишился речи’ — участвует в формировании стилистического приема — художественного сравнения.

Многокомпонентные фразеостилистические конвергенты и контаминанты различаются количеством стилистических приемов и устойчивых единиц, входящих в структуру сложного стилистического приема. Возможны следующие модели контекстуального взаимодействия стилистических приемов и фразеологизмов:

1. Сочетание нескольких стилистических приемов и одного фразеологизма. Например, в стихотворении В.С. Высоцкого «Канатоходец» выразительность описания трагической судьбы актера достигается с помощью фразеостилистической конвергенции: *Был растерян он или уверен — / Но в опилки, но в опилки / Он пролил досаду и кровь*. Фразеостилистический конвергент содержит фразеологизм *пролить кровь* — ‘погибать, защищая кого-либо или что-либо’, компонент которого *пролить* выступает объединяющим (общим) элементом разнородных языковых единиц с несовместимыми контекстуальными смыслами. Это становится основой для формирования такого стилистического приема, как семантический силлепсис *пролить кровь и досаду*.

2. Сочетание одного стилистического приема и нескольких фразеологических единиц. Например, в произведении Б.Л. Пастернака «Конец» в сложную метафору вплетены фразеологические единицы *набить оскомину* — ‘предельно надоедать; приесться’, *ком подкатил к горлу* — ‘о спазмах в горле, груди при ощущении давящей, гнетущей тяжести’: *Но с оскоминой, но с оцепенением, с комьями / В горле, но с тоской столько слов / Устаешь дружить!*

3. Сочетание нескольких стилистических приемов и нескольких фразеологических единиц. Например, в стихотворении В.В. Маяковского «Бюрократиада» фразеостилистический контаминант содержит метафору *носятся нэписты*, эпитеты *в рьяни, / в яри* и фразеологические единицы *высунув язык* — ‘быстро (или изнемогая от усталости, напряжения) идти, бежать’, *разинуть рот* — ‘начинать высказывать своё мнение, начинать что-либо говорить’: *Высунув языки, / разинув рты, /носятся нэписты /в рьяни, /в яр.*

Анализ структуры фразеостилистических контаминантов и конвергентов показал, что вступающие во взаимодействие стилистические приемы и устойчивые единицы могут находиться в пределах одного предложения или в нескольких связанных по смыслу предложениях, выполняющих общую стилистическую функцию. Так, в отрывке из произведения М.И. Цветаевой «Настает день — печальный, говорят!» взаимодействующие метафора и фразеологизм *с головы до пят (пятки)* — ‘полностью, целиком’ — находятся в одном предложении: *Меня окутал с головы до пят / Благообразия прекрасный плат*. Такого типа взаимодействия изобразительных средств называют сосредоточенными конвергенцией или контаминацией.

Иллюстрацией рассредоточенного расположения элементов фразеостилистического взаимодействия изобразительно-выразительных средств может послужить отрывок из поэтического произведения Б. Ахмадулиной «Сумерки», в котором фразеологизм *среди (среди) белого (бела) дня* – ‘днём, при ясном дневном свете’ – участвует в формировании развернутой антитезы: пустынное место днем противопоставляется счастливому многолюдному дому в сумерках: *Среди бела дня пустынно это место. / Но в сумерках мои глаза вольны / увидеть дом, где счастливо семейство, / где невпазд и пылко влюблены, / где вечно ждут гостей на именины – / шуметь, краснеть и руки целовать, / где и меня к себе рукой манили, / где никогда мне гостем не бывать.* Элементы антитезы (*среди бела дня – в сумерках*) находятся в разных, но при этом объединенных общей стилистической функцией и связанных по смыслу предложениях.

Интересны случаи рассредоточенных фразеостилистических конвергенции и контаминации, в которых в разных предложениях оказываются компоненты устойчивой единицы: *А вокруг / молчание немое, / смесь / из воскресений и суббот. / И плывут / по медленному морю / жалкие соломинки / забот. / Я за них хватаюсь обалдело.* В вышеприведенном отрывке произведения Р.И. Рождественского «Ожидаю ночи, как расстрела» в формировании метафоры участвует фразеологическая единица *хвататься за соломинку* – ‘будучи растерянным в тяжёлой ситуации, поспешно искать спасения, прибегая к крайнему средству, которое помочь не может’, компоненты которой содержатся в следующих друг за другом предложениях.

Выводы и заключение

Фразеостилистическая контекстуальная взаимосвязь является одной из разновидностей стилистического взаимодействия изобразительно-выразительных средств языка в тексте. Отличительным признаком данной разновидности стилистического взаимодействия является сочетание стилистических приемов и устойчивых языковых единиц в ограниченном контексте для выполнения общих стилистических функций. В ходе настоящего исследования нами были выделены и описаны такие виды фразеостилистического взаимодействия, как фразеостилистическая конвергенция и фразеостилистическая контаминация на материале поэтических произведений русской литературы XX–XXI веков. Результатом данных процессов являются фразеостилистический конвергент – наложение стилистических приемов и фразеологических единиц в ограниченном контексте – и фразеостилистический контаминант – последовательное сочетание стилистических приемов и фразеологизмов в ограниченном контексте. Как показал анализ, эти фразеостилистические конструкции являются часто используемыми выразительными средствами, поскольку сочетание экспрессии стилистических приемов и эмоционально-оценочных, культурно-ценностных смыслов фразеологических единиц позволяет достичь желаемого воздействующего эффекта. В стихотворениях отечественных поэтов XX–XXI веков важную смыслообразующую роль нередко играют и фразеостилистические контаминанты, и фразеостилистические конвергенты, а также их сочетание – результаты контекстуального фразеостилистического взаимодействия смешанного типа.

Исследование структуры фразеостилистических конструкторов в анализируемых поэтических произведениях позволило разделить фразеостилистические конвергенты и контаминанты на две группы: двухкомпонентные, то есть состоящие из одного стилистического приема и одной фразеологической единицы, и многокомпонентные фразеостилистические комплексы, которые включают в свой состав несколько стилистических приемов и фразеологизмов. Фразеологические единицы и стилистические приемы, вступающие в контекстуальное взаимодействие, могут находиться в пределах одного предложения или в нескольких связанных по смыслу предложениях, выполняющих одну стилистическую функцию. В поэтических текстах русской литературы XX–XXI веков фразеостилистические конвергенты и контаминанты могут структурироваться по трем моделям: сочетание нескольких стилистических приемов и одного фразеологизма,

сочетание одного стилистического приема и нескольких фразеологических единиц, сочетание нескольких стилистических приемов и нескольких фразеологических единиц.

Дальнейшее исследование структурно-семантических и функциональных особенностей фразеостилистических конвергентов и контаминантов, как представляется, позволит приблизиться к пониманию механизмов смыслообразования сложных фразеостилистических конструкций, а также описать их стилистическую роль в текстах разных стилей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка. М.: Флинта, 2016. 384 с.
2. **Декатова К.И.** Взаимодействие фразеологизмов и риторических приемов в политическом тексте // Политическая лингвистика. 2024. № 3 (105). С. 14–20.
3. **Кабанова С.А.** Авторское изменение фразеологизмов в прозе М. Зощенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15, № 7. С. 2183–2188. DOI: 10.30853/phil20220375
4. **Колобова Е.А.** К вопросу об образности контаминированных фразеологизмов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2008. Т. 14, № 3. С. 165–167.
5. **Копнина Г.А.** Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке: На материале художественных и газетно-публицистических текстов: дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2001. 289 с.
6. **Кураш Т.Н.** Фразеолого-тропеические комплексы в современной поэтической речи: критерии типологизации // Весник Мазырського дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя І.П. Шамякіна. 2008. № 3 (20). С. 58–62.
7. **Кураш Т.Н.** Типы фразеолого-тропеических комплексов в зависимости от характера базового тропа в языке современной русской поэзии // Текст, язык, человек. Мозырь: УО МГПУ им. И.П. Шамякина, 2007. Ч. 1. С. 168–170.
8. **Лопаткина С.В.** Особенности взаимодействия тропов в контексте функциональных стилей (на материале художественных текстов) // Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова. 2013. № 4. С. 71–74.
9. **Лопаткина С.В.** К проблеме разграничения понятий конвергенции и контаминации тропов // Речевое общение: специализированный вестник. 2004. Вып. 5–6 (13–14). С. 36–41.
10. **Нухов С.Ж.** Прием сравнения в художественной речи // Вестник Башкирского университета. 2020. Т. 25, № 2. С. 390–398. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.28
11. **Павлова А.Э.** Фразеологические единицы как средство создания парадоксальности в рассказах Д. И. Рубиной // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2020. № 2 (2). С. 83–86.
12. **Пекарская И.В.** О контаминации и конвергенции в современной научной гуманитарной парадигме // Актуальные проблемы изучения языка, литературы и журналистики: контаминация и конвергенция гуманитарной мысли: материалы XI Международной научно-практической конференции, Абакан, 23–24 ноября 2016 года / ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова». Абакан: Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, 2016. С. 11–20.
13. **Плеханова Е.А.** Моделирование конвергенции стилистических приемов в медиатексте: системный аспект: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2015. 207 с.
14. **Риффатер М.** Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 9: Лингвистика. М.: Прогресс, 1980. С. 69–97.
15. **Соловейчик-Зильберштейн И.А.** Стилистическая конвергенция в ранней прозе Бориса Пастернака: дис. ... канд. филол. наук. М., 1995. 174 с.
16. **Третьякова И.Ю.** Семь кругов беспокойного лада: фразеологический рефрен в творчестве Александра Башлачёва // Духовно-нравственные основы русской литературы: сборник научных статей / Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова. Кострома: Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, 2016. С. 238–241.
17. **Шубина Э.Л., Семенова О.О.** Фразеологические единицы как компоненты языковой игры в рекламных слоганах (на материале немецкого языка) // Филологические науки в МГИМО. 2022. Т. 8, № 2. С. 75–84. DOI: 10.24833/2410-2423-2022-2-31-75-84

REFERENCES

- [1] **Arnold I.V.**, *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka* [Stylistics of modern English], Flinta, Moscow, 2016.
- [2] **Dekatova K.I.**, Interaction of Phraseological Units and Rhetorical Devices in a Political Text, *Political Linguistics*, 3 (105) (2024) 14–20.
- [3] **Kabanova S.A.**, Author's Reconsideration of Phraseological Units in M. Zoshchenko's Prose, *Philology. Theory & Practice*, 15 (7) (2022), 2183–2188. DOI 10.30853/phil20220375
- [4] **Kolobova Y.A.**, K voprosu ob obraznosti kontaminirovannykh frazeologizmov [The question of the imagery of contaminated phraseological units], *Bulletin of the Kostroma State University*, 14 (3) (2008) 165–167.
- [5] **Kopnina G.A.**, *Konvergentsiya stilisticheskikh figur v sovremennom russkom literaturnom yazyke: Na materiale khudozhestvennykh i gazetno-publitsisticheskikh tekstov: dis. ... kand. filol. nauk* [Convergence of stylistic figures in the Modern Russian Literary language: Based on the material of artistic and newspaper-journalistic texts: dis. candidate of Philology], Krasnoyarsk, 2001.
- [6] **Kurash T.N.**, *Frazeologo-tropeicheskiye komplekсы v sovremennoy poeticheskoy rechi: kriterii tipologizatsii* [Phraseological and tropeic complexes in modern poetic speech: criteria for typologization], *Vestnik of Mozyr State Pedagogical University named after I.P. Shamyakin*, 3 (2008) 58–62.
- [7] **Kurash T.N.**, *Tipy frazeologo-tropeicheskikh kompleksov v zavisimosti ot kharaktera bazovogo tropa v yazyke sovremennoy russkoy poezii* [Types of phraseological and tropeic complexes depending on the nature of the basic trope in the language of modern Russian poetry], *Tekst, yazyk, chelovek* [Text, language, person], UO MGPU im. I.P. Shamyakina, Mozyr, 2007, pp. 168–170.
- [8] **Lopatkina S.V.**, *Osobennosti vzaimodeystviya tropov v kontekste funktsionalnykh stiley (na materiale khudozhestvennykh tekstov)* [Features of the interaction of tropes in the context of functional styles (based on the material of literary texts)], *Bulletin of the N.F. Katanov Khakass State University*, 4 (2013) 71–74.
- [9] **Lopatkina S.V.**, *K probleme razgranicheniya ponyatiy konvergentsii i kontaminatsii tropov* [The problem of distinguishing the concepts of convergence and contamination of tropes], *Rechevoye obshcheniye: spetsializirovanny vestnik* [Speech communication: a specialized bulletin], 5–6 (2004) 36–41.
- [10] **Nukhov S.Zh.**, *Priyem sravneniya v khudozhestvennoy rechi* [Simile and comparison in literary prose], *Vestnik of Bashkir State University*, 25 (2) (2020) 390–398. DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2020.2.28
- [11] **Pavlova A.E.**, *Phraseological units as a means of creating paradoxality in the stories by D. I. Rubina*, *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, 2 (2) (2020), 83–86.
- [12] **Pekarskaya I.V.**, *O kontaminatsii i konvergentsii v sovremennoy nauchnoy gumanitarnoy paradigme* [About contamination and convergence in the modern scientific humanitarian paradigm], *Aktualnyye problemy izucheniya yazyka, literatury i zhurnalistiki: kontaminatsiya i konvergentsiya gumanitarnoy mysli: materialy XI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, Abakan, 23–24 noyabrya 2016 goda [Current problems of language, literature and journalism studies: contamination and convergence of humanitarian thought: materials of the 11th International Scientific and Practical Conference, Abakan, November 23–24, 2016], N.F. Katanov Khakass State University, Abakan, 2016, pp. 11–20.
- [13] **Plekhanova Ye.A.**, *Modelirovaniye konvergentsii stilisticheskikh priyemov v mediatekste: sistemnyy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk* [Modeling the convergence of stylistic techniques in the media text: a systemic aspect: dis. candidate of Philology], Chelyabinsk, 2015.
- [14] **Riffater M.**, *Kriterii stilisticheskogo analiza* [Criteria for stylistic analysis], *New in Foreign Linguistics*, Iss. 9, Progress, Moscow, 1980, pp. 69–97.
- [15] **Soloveychik-Zilbershteyn I.A.**, *Stilisticheskaya konvergentsiya v ranney proze Borisa Pasternaka: dis. ... kand. filol. nauk* [Stylistic Convergence in Boris Pasternak's Early Prose: dis. candidate of Philology], Moscow, 1995.
- [16] **Tretyakova I.Yu.**, *Sem' krugov bespokoy'nogo lada: frazeologicheskiy refren v tvorchestve Aleksandra Bashlacheva* [Seven circles of restless harmony: a phraseological refrain in the work of Alexander Bashlachev], *Dukhovno-nravstvennyye osnovy russkoy literatury* [Spiritual and moral foundations of Russian literature], Kostroma State University, Kostroma, 2016, pp. 238–241.
- [17] **Shubina E.L., Semenova O.O.**, *Phraseological units as components of pun in advertising slogans (on the material of the German language)*, *Linguistics & Polyglot Studies*, 8 (2) (2022). 75–84. DOI: 10.24833/2410-2423-2022-2-31-75-84

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Декатова Кристина Ивановна

Kristina I. Dekatova

E-mail: dekatovaki@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7690-8379>

Поступила: 08.08.2024; Одобрена: 18.09.2024; Принята: 29.09.2024.

Submitted: 08.08.2024; Approved: 18.09.2024; Accepted: 29.09.2024.

Научная статья

УДК 811.13'282.3

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15306>

ОТНОШЕНИЕ К ЯЗЫКУ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КЛЮЧ К ИДЕНТИЧНОСТИ ЖИТЕЛЕЙ ИТАЛЬЯНСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

О.А. Пантелеенко ✉

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь

✉ alessia@list.ru

Аннотация. Статья посвящена вопросу отношения человека к языку в полилингвальном коммуникативном пространстве. Эта проблематика, связанная со способностью человека сохранять национально-культурную и личностную самоидентификацию и обнаруживать инструменты для обеспечения взаимопонимания в социуме, становится особенно актуальной сейчас, во время мощных геополитических трансформаций, сопровождающихся разнонаправленными процессами глобализации и усиления внимания к уникальности регионов. Цель статьи заключается в выявлении механизмов языковой реализации идентичности жителей итальянского региона Валле д'Аоста, где на фоне официального французско-итальянского билингвизма активно проявляется миноритарный франкопровансальский язык. Исследование строится на материале социолингвистического опроса, который был проведен в октябре 2023 г. в рамках совместного проекта академических центров Италии и Германии: Центра франкопровансальских исследований имени Рене Вильена и Института романских языков Берлинского университета имени Гумбольдта. Выборка состоит из ответов жителей 1923–2009 г. р., родившихся в коммуне Сан-Никола и зарегистрированных здесь на момент проведения опроса. В данной статье анализу подвергаются ответы респондентов на вопрос «Какой язык, по вашему мнению, лучше соответствует следующим утверждениям?» с учетом различных коммуникативных ситуаций. Использование такой прямой методики анкетирования позволило получить развернутые ответы на искомый вопрос, анализ которых представлен в разделе «Результаты исследования (обсуждение)». Полученные данные свидетельствуют о зависимости практики использования в речи вальдостанцев французского, франкопровансальского и итальянского языков от отношения к языку. Языковые механизмы конструирования идентичности вальдостанцев рассматриваются с учетом интимного и статусного институционализованного контекста. В своем широком проявлении результаты исследования значимы для осознания процессов, протекающих в зонах контакта близкородственных языков, например, русского и белорусского.

Ключевые слова: Итальянский язык, французский язык, франкопровансальский язык, домен, социолингвистика, языковая ситуация.

Для цитирования: Пантелеенко О.А. Отношение к языку в полилингвальном коммуникативном пространстве: ключ к идентичности жителей итальянского приграничья // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 60–73. DOI: 10.18721/JHSS.15306

ATTITUDES TOWARDS LANGUAGE IN A POLYLINGUAL COMMUNICATIVE SPACE: A KEY TO THE IDENTITY OF ITALIAN BORDERLAND RESIDENTS

A.A. Panteleenko ✉

Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus

✉ alessia@list.ru

Abstract. The article is devoted to the issue of human attitudes to language in a polylingual communicative space. This problematic, related to the ability of a person to preserve national-cultural and personal self-identification and to discover tools to ensure mutual understanding in society, becomes especially relevant now, during the powerful geopolitical transformations accompanied by multidirectional processes of globalisation and increased attention to the uniqueness of regions. The aim of the article is to identify the mechanisms of linguistic realisation of the identity of the inhabitants of the Italian region of Valle d'Aosta where the minority Francoprovençal is actively manifested against the background of official French-Italian bilingualism. The study is based on a sociolinguistic survey conducted in October 2023 as a part of the joint project between the academic centres in Italy and Germany: the Centre for Francoprovençal Studies and the Institute of Romance Languages at the Humboldt University of Berlin. The sample consists of responses from residents born in the commune of San Nicola between 1923 and 2009 and registered here at the time of the survey. This paper analyses the respondents' answers to the question "Which language do you think best corresponds to the following statements?", taking into account different communicative situations. The use of such a direct questionnaire methodology made it possible to obtain detailed answers to the question sought, the analysis of which is presented in the section "Results of the study (discussion)". The data obtained indicate the dependence of the practice of using French, Francoprovençal and Italian in the speech of Valdostanians on attitudes towards language. The linguistic mechanisms of identity construction of Waldostans are examined with reference to intimate and status institutionalised contexts. In its broad manifestation, the results of the study are significant for realising the processes taking place in the contact zones of closely related languages, for example, Russian and Belarusian.

Keywords: Italian, French, Francoprovençal, domain, sociolinguistics, language situation.

Citation: Panteleenko A.A., Attitudes towards language in a polylingual communicative space: a key to the identity of Italian borderland residents, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 60–73. DOI: 10.18721/JHSS.15306

Введение

На современном этапе развития общества на фоне активных процессов глобализации усиливается стремление отдельных регионов к отстаиванию своих интересов, осознанию их жителей своей самости, идентичности. В этом контексте особую значимость приобретает изучение проблематики, связанной с отношением индивида к языку в полилингвальных зонах.

Изучение мнений людей о каком-либо языке является предметной областью социальной лингвистики. Рассмотрение данной тематики на примере итальянского региона Валле д'Аоста, который расположен на границе с Францией, в настоящее время активно проводится учеными из стран ближнего и дальнего зарубежья, в том числе из России, Беларуси, Италии, Франции, Канады, Германии (Н.М. Бичурина, Л.И. Курбанова-Ильютко, Д.П. Моисеева, К. Дюнуайе, Дж. Раймонди, М. Кавалли, А. Бетам, С. Фавр, Т. Телмон, Т. Омедзоли, М. Мён, А. Мичке и др.).

Н.М. Бичурина изучает распространенный в приграничных районах Франции, Италии и Швейцарии франкопровансальский язык. Она показывает, как трансформируются «языковая

ситуация, представления и дискурс об одном и том же языке и языковом сообществе в зависимости от социально-политического, экономического и идеологического контекста» [1, с. 10].

В сфере интересов Л.И. Курбановой-Ильютко находится коммуникативное пространство франкофонных территорий, в частности, ее научный интерес привлекла проблема статуса французского языка в регионе Валле д'Аоста. На основе анализа результатов социолингвистических исследований она приходит к выводу о том, что «если до середины XIX в. французский был доминирующим для вальдостанцев (для носителей франкопровансальского превалировала диглоссная ситуация), то в XX в. и, тем более, в XXI в. необходимо констатировать смену языковой парадигмы» [2, с. 79], а именно: «переход от родного французского к французскому второму для большинства жителей» [2, с. 79].

К. Дюнуайе на материале анкетирования описывает основные лингвистические группы, присутствующие на территории региона с учетом нескольких критериев, среди которых – родной язык, предпочитаемый язык общения, отношение к франкопровансальскому языку, идентичность. Она заключает, что в Долине Аосты образовалась новая категория жителей, которых она наделяет статусом «новые говорящие на франкопровансальском». Эта категория включает вальдостанцев, которые выучили франкопровансальский язык не в детстве, а уже во взрослом возрасте [3].

Д. Пуолато изучает языковую ситуацию билингвизма в Валле д'Аоста, при этом исследовательский акцент направлен на языковые пары итальянский–французский и итальянский–франкопровансальский [4]. Дж. Раймонди через анализ материалов исторического антропонимического архива Валле д'Аоста выявляет взаимообусловленность отношений ономастического фонда и феномена идентичности [5].

Немецкая исследовательница А. Мичке изучает плотность социальных контактов на территории распространения франкопровансальского языка в вальдостанской долине в диахроническом аспекте с учетом коммуникативной мощности французского языка, способов распространения итальянского языка, количества говорящих на франкопровансальском языке. Она приходит к выводам об обусловленности языкового выбора экономическим развитием территории [6].

Канадский ученый М. Мён, взяв за отправную точку идею о сложности языковой ситуации в итальянском приграничье, где французский язык противопоставляется, с одной стороны, итальянскому, а, с другой – франкопровансальскому, проводит исследование языковых репрезентаций о франкопровансальском на материале местных средств массовой информации [7].

Наряду с лингвистическим вектором разрабатывается педагогическая траектория. Ученые рассматривают вопросы преподавания в условиях полилингвальной образовательной среды [4; 8; 9], использования результатов научных проектов в качестве мощного инструмента сохранения франкопровансальского языка в современной социолингвистической системе [5; 10], занимаются проектами по созданию лабораторий-мастерских как места для научных экспериментов по изучению реальных потребностей носителей франкопровансальского языка и передачи его на всех уровнях через подготовку преподавателей [11].

Этот краткий обзор работ современных исследователей свидетельствует о внимании к социальной роли языка в полилингвальном обществе на материале итальянского региона Валле д'Аоста и об основных направлениях, в рамках которых рассматривается тема отношения людей к языку, – это проблемы самоидентификации группы, двуязычия и образования.

Изучение отношения к языку как ключа к пониманию идентичности вальдостанцев интересно по ряду причин. Назовем некоторые из них. Формирование итальянской государственности сопровождалось объединением государств Апеннинского полуострова, обладавших уникальными языковыми и культурными традициями. «Итальянцы до сих пор четко осознают свою принадлежность к определенной региональной общности (а иногда и к определенному городу), ощущая себя сицилийцами или пьемонтцами, тосканцами или неаполитанцами. При этом однозначно

определить отношение человека к региональной общности иногда оказывается сложно даже ему самому» [12, с. 104]. Автономный регион Валле д'Аоста в этом плане представляет особый интерес. Здесь формирование итальянскости проходило в условиях демографической мощности французского и франкопровансальского языков. Эта языковая ситуация с сильной франкофонной составляющей является следствием географического расположения региона и его исторического развития. Долина Аосты располагается на границе с зоной распространения романских языков франкофонной основы. Горные перевалы долины до строительства автомобильных тоннелей (Монблан и Фрежюс) представляли собой единственный способ достигнуть обратной стороны Альп. Из-за своей важной стратегической позиции на протяжении истории территория Валле д'Аоста относилась к различным государственным образованиям. Во второй половине XIX в. регион отходит к Италии, в это время здесь французский применяется в сфере административного управления, является языком политических элит, религии, активно используется в коммуникативном поведении представителей знати и интеллигенции. Наряду с французским языком в общении используется франкопровансальский, не имеющий письменной формы и существующий только в устной практике. С формированием в 1861 г. государственности на территории Апеннинского полуострова начинается процесс итальянизации в рамках девиза «*Fatta l'Italia bisogna fare gli italiani*»¹, которую, как правило, приписывают государственному деятелю XIX в. Массимо д'Азельо. Пик языковой политики итальянизации приходится на время правления Бенито Муссолини, когда предпринимаются самые жесткие меры по искоренению французского языка [13, р. 142]. Лингвистическая мозаика региона осложняется в 20–30-е гг. XX в. из-за активных внутренних миграционных процессов. Семьи из северных и южных регионов Италии, в частности из Венето, Калабрии, Пьемонта, массово прибывают в Валле д'Аоста, благодаря развитию здесь индустриального сектора и открывающимся возможностям хороших заработков.

Следует упомянуть о влиянии демографических факторов на языковую ситуацию региона в 20–30-е гг. XX в.: «...великие демографические изменения в Валле д'Аоста начались между двумя мировыми войнами. В пятидесятые годы, особенно в городах и крупных деревнях, население Долины Аосты было представлено не только уроженцами долины, но и пьемонтцами, венецианцами, калабрийцами и др. Отличить их было легко по акценту, поэтому не было необходимости задавать собеседникам вопрос об их происхождении. Это умели даже дети. Конечно, разница была, но в целом незначительная. В настоящее время в Валле д'Аоста дела обстоят не столь однозначно и практически все жители, или почти все, говорят, что считают себя вальдостанцами» [14, р. 17]. Этому способствует и законодательство, согласно которому с 1948 г. любой, кто приобретает место жительства в регионе Валле д'Аоста, рассматривается как член этнического вальдостанского меньшинства [15, р. 194, 195]. В связи с этим любопытно изучить способы проявления идентичности в коммуникативных ситуациях, связанных со разнотипными сферами общения, отражающих линии поведения вальдостанцев в социуме. Речь идет о процессах «включения и исключения, в которых, по словам Ф. Барта, члены этнической группы демонстрируют „постоянные формы выражения и подтверждения идентичности“». [Барт Ф.; цит. по: 16, с. 156]. Основополагающими для данного исследования являются положения о взаимосвязи языка и идентичности, разработанные в рамках теории социальной идентичности (Ле Паж, А. Табуре-Келлер, Г. Теджфел, Д. Тернер, Ф. Барт и др.).

Р. Б. Ле Паж и А. Табуре-Келлер ввели понятие языка как акта идентификации. Ключевой принцип их исследования сосредоточен на идее, что люди используют язык, чтобы обозначить и продемонстрировать свою принадлежность к определенным социальным группам и в то же время дистанцироваться от других [17]. «В функции социализации язык выступает как хранилище общественного опыта, что позволяет коррелировать безусловно неповторимый индивидуальный опыт (и сознание) отдельного человека с совместным знанием (сознанием) языковой общности.

¹ Мы сделали Италию, теперь нужно сделать итальянцев (перевод наш. – О.А. Пантелеенко).

Знания и значения, которые хранятся в языке, регулируют и дифференцируют чувственную сторону деятельности человека, его волю, внимание, предпочтения и другие психические акты, формируя языковое сознание говорящего и его образ мира» [Романов А.А.; цит. по: 18, с. 32–33].

Цель статьи заключается в выявлении механизмов реализации идентичности жителей итальянского региона Валле д'Аоста с учетом языковой ситуации региона, где на фоне официально-паритета близкородственных итальянского и французского языков активно работает франко-провансальский язык в статусе миноритарного.

Методология и методика исследования

Исследование строится на материале социолингвистического опроса, который был проведен в коммуне Сен-Никола в октябре 2023 г. в рамках совместного проекта академических центров Италии и Германии: Центра франкопровансальских исследований имени Рене Вильена и Института романских языков Берлинского университета имени Гумбольдта.

Сен-Никола находится в 15 км от регионального центра города Аосты на высоте 1200 метров и насчитывает около 320 жителей. «Несмотря на малочисленность населения, в селе есть все, что нужно для жизни: детский сад и начальная школа, магазин, бары, рестораны, почта, врач, принимающий два раза в неделю, мэрия и церковь. Автобус ходит пять раз в день, хотя в основном обитатели коммуны ездят на машинах: до недавнего времени, пока последний экономический кризис не коснулся Долины Аосты, правительство региона ежегодно выдавало всем жителям талоны на бесплатный бензин, поэтому автомобиль никогда не считался здесь предметом роскоши» [1, с. 29].

В опросе приняли участие 123 жителя коммуны Сен-Никола региона Валле д'Аоста, однако в выборку исследования включены ответы лишь 70 респондентов. Было принято решение не учитывать анкеты резидентов Сен-Никола, которые относятся к категории внутренних и внешних мигрантов, детей в возрасте 7–13 лет и тех, кто некорректно ответил на вопросы. Такой выбор определен критериями, которые традиционно применяются при анализе социолингвистических исследований. Так, коммуникативное поведение внутренних и внешних мигрантов опосредовано лингвокультурологическим опытом проживания на другой территории. Дети в силу возраста и психологического развития не отвечали на вопросы, которые анализируются в настоящей работе. Таким образом, выборка состоит из ответов жителей 1923–2009 г. р., родившихся в коммуне Сен-Никола и зарегистрированных здесь на момент проведения опроса.

Аналізу подвергаются ответы респондентов на вопрос «Какой язык, по вашему мнению, лучше соответствует следующим утверждениям?». Далее в анкете вопрос конкретизируется:

- я чувствую себя ближе к моему собеседнику, если я разговариваю на...
- я чувствую себя более нежным с ребенком, если разговариваю на...
- я чувствую себя более профессиональным, если разговариваю на...
- я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...

Эти позиции сформулированы по принципу закрытого типа. Для завершения каждого утверждения участникам опроса предлагалось выбрать один из вариантов: итальянский язык, французский язык, франкопровансальский язык, другой язык, без ответа.

Для достижения заявленной цели исследование проводилось в два этапа. На первом этапе на основе полученных данных изучается отношение жителей к языку в зависимости от коммуникативной ситуации, а также устанавливаются возможные лингвистические и экстралингвистические причины, определяющие языковые предпочтения населения. На втором этапе проводится более детальный анализ выявленной зависимости с учетом возраста носителей и домена. В данной работе мы оперируем термином «домен», который был разработан Дж. Фишманом в 80-е гг. прошлого века. «Домены, по Дж. Фишману, обозначают основные кластеры ситуаций языкового взаимодействия, которые имеют место в определенных мультилингвальных окружениях, где

„одни и те же люди используют два или более языка для внутренних коммуникативных целей“» [Фишман Дж.; цит. по: 19, с. 62].

Прежде чем приступить непосредственно к анализу, приведем фрагмент из монографии Н.М. Бичуриной, где она описывает сообщество Сен-Никола. Здесь «одни и те же люди являются одновременно членами одной спортивной команды по бегу в горах и по беговым лыжам, работают волонтерами в одном муниципальном совете, входят в группу родителей, чьи дети ходят в один и тот же сад и/или школу, поют в одном и том же церковном хоре, вместе участвуют в субботниках и т.п. Хотя они и работают, помимо этого, в разных населенных пунктах» [1, с. 47]. Это наблюдение оказывается важным для нашего исследования в контексте влияния структурной организации социума на речевые практики населения.

Результаты исследования (обсуждение)

Для выявления отношения населения к языку с учетом связи языковых предпочтений и коммуникативной ситуации, был проведен анализ ответов респондентов с использованием приемов количественной обработки. Полученные данные представлены в табл. 1.

Таблица 1. Отношение к языку жителей коммуны Сен-Никола в зависимости от коммуникативной ситуации

Table 1. The attitude towards the language of the inhabitants of the commune of Saint-Nicolas, depending on the communicative situation

№	Коммуникативная ситуация	ИТ ²	ФР ³	ФРПР ⁴	ДР ⁵	Без ответа	Итого
1.	Я чувствую себя ближе к моему собеседнику, если я разговариваю на...	21	1	42		6	70
2.	Я чувствую себя более нежным с ребенком, если разговариваю на...	23	1	37		9	70
3.	Я чувствую себя более профессиональным, если разговариваю на...	40	5	9	2	14	70
4.	Я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...	13	24	3	6	24	70
	Итого	97	31	91	8	53	280

Описание и анализ полученных данных можно объединить в три блока.

Во-первых, в графе «ИТ» разброс результатов самый незначительный, что указывает на стабильную позицию итальянского языка в речевой практике жителей Сен-Никола. Также очевидно, что наибольшее количество респондентов (40 человек) выбрали опцию «итальянский язык» для коммуникативной ситуации «Я себя чувствую себя более профессиональным, если разговариваю на...». «Повсеместное проникновение итальянского языка и вытеснение диалектов из их исконных сфер (семейно-бытовой, например) многими расценивается как отражение общей мировой тенденции к глобализации, постепенной утрате яркого местного колорита» [20, с. 22]. Полученные данные любопытно рассмотреть в контексте языковой политики и официального паритета итальянского и французского языков в Валле д'Аоста. Статья 38 Конституционного закона № 4 от 26 февраля 1948 г. содержит фразу «Le amministrazioni statali assumono in servizio nella Valle possibilmente funzionari originari della Regione o che conoscano la lingua francese». Она означает, что на административную государственную службу в Долине Аосты нанимаются выходцы из региона или те, кто знает французский язык. Это значит, что на законодательном уровне закрепляется приоритет на трудоустройство для кандидатов, владеющих французским языком. Тем не менее несмотря на продвигаемые инициативы по усилению позиций французского языка, в том

² ИТ – итальянский язык.

³ ФР – французский язык.

⁴ ФРПР – франкопровансальский язык.

⁵ ДР – другой язык.

числе и в профессиональной сфере общения, в регионе фиксируется языковая ситуация несбалансированного билингвизма с доминирующим итальянским.

Во-вторых, французский язык обнаруживает себя активно только в одной позиции «Я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...» (24 ответа). Высокий показатель данных в этой опции свидетельствует о лингвистической неуверенности информантов при использовании французского языка. Такой феномен характерен не только для жителей коммуны Сен-Никола, но и для жителей региона Валле д'Аоста в целом, что отмечается многими исследователями (Н.М. Бичуриной, К.И. Курбановой-Ильютко, К. Дюнуайе, М. Кавалли и др.). Среди причин лингвистической неуверенности ученые называют: «ощущение отсутствия доступа к норме и отсутствие разговорного разнообразия» [21, p. 151]; «несоответствие официального статуса французского и его второстепенного положения в функциональном плане по отношению к итальянскому: иными словами, паритет французского и итальянского языков в административной сфере не коррелирует с реальным языковым употреблением» [2, с. 79]. Лингвистическая неуверенность проявляется в гиперкоррекции. Например, во время социолингвистических опросов, проводимых в регионе, ученые отмечали мгновенную коррекцию форм «nonante», «septante» на «quatre-vent-dix⁶», «soixante-dix⁷» стандартной формы. Синтетические формы типа «nonante» и «septante» во французском языке Долины Аосты (как и в ряде других территорий, например, во франкоязычной Швейцарии, в департаменте Савойя на востоке Франции, в Бельгии) используются для обозначения количественных числительных, которые уже существовали в старофранцузском языке вместе с аналитическими формами «quatre-vent-dix», «soixante-dix». Наряду с многочисленными проявлениями лингвистической неуверенности, которая реализуется на всех языковых уровнях, исследователи отмечают, что большинство участников опроса, «продемонстрировавших языковую неуверенность, хорошо знают французский язык и склонны недооценивать свой уровень владения» [21, p. 151].

В-третьих, высокие показатели использования франкопровансальского языка обнаруживаются в ответах на вопросы «Я чувствую себя ближе к моему собеседнику, если я разговариваю на...» (42 ответа) и «Я чувствую себя более нежным с ребенком, если разговариваю на...» (37 ответов). Интересно, что для коммуникативных ситуаций «Я чувствую себя более профессиональным, если разговариваю на...» и «Я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...» величины прямо противоположные. Здесь количество информантов, которые выбрали франкопровансальский язык, невелико (9 и 3 соответственно). Эти данные свидетельствуют о существенной разнице в языковых предпочтениях вальдостанцев при общении с кругом семьи, среди друзей, с одной стороны, и при коммуникации в профессиональной среде (например, на работе), с другой.

Эти наблюдения свидетельствуют о сложности феномена «идентичность», а подвижность речевых предпочтений в различных коммуникативных ситуациях говорит о его своеобразной текучести.

Следует отметить, что последний вывод привлек наше внимание и повлиял на дальнейшее развитие исследовательской траектории и последующий анализ. Рассматриваемые в таблице коммуникативные ситуации были разделены на две категории. В первую категорию мы отнесли ситуации «Я чувствую себя ближе к моему собеседнику, если я разговариваю на...» и «Я чувствую себя более нежным с ребенком, если разговариваю на...». Здесь языковые предпочтения играют ключевую роль в социализации человека в кругу семьи и среди друзей на индивидуальном уровне и относятся к интимному домену.

Вторая категория включает коммуникативные ситуации «Я чувствую себя более профессиональным, если разговариваю на...» и «Я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...». Данные фразы отражают речевое поведение при социализации человека на групповом

⁶ Восемьдесят (фр.).

⁷ Семьдесят (фр.).

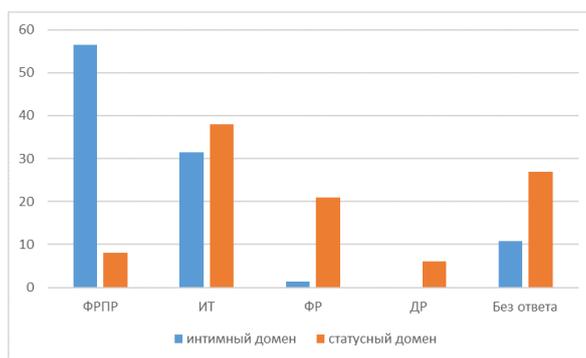

Рис. 1. Корреляция доменов и языкового выбора жителей коммуны Сен-Никола 1923–2009 г. р.
Fig. 1. Correlation of domains and language choice of residents of Saint-Nicolas commune born in 1923–2009

уровне с маркированием некоего статуса (например, на работе), поэтому в данном исследовании эти коммуникативные ситуации относятся к статусному домену.

Проведя количественный анализ ответов респондентов с опорой на категории интимного и статусного домена, мы получили результаты, которые представлены на рис. 1.

Отметим, что ответы, включающие 70 реакций респондентов «Я чувствую себя ближе к моему собеседнику, если я разговариваю на...» и 70 ответов «Я чувствую себя более нежным с ребенком, если разговариваю на...», образуют общее количество 140 и принимаются за 100%. Аналогичным образом производились подсчеты относительно статусного домена.

На основе данных рис. 1 можно заключить, что франкопровансальский язык активен в реализации интимного домена. Что касается статусного домена, то здесь проявляются итальянский язык в коммуникативной ситуации «Я чувствую себя более профессиональным, если разговариваю на...» (40 ответов) и французский язык в коммуникативной ситуации «Я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...» (24 респондента).

Необходимо учитывать, что вышеприведенные заключения основываются на ответах информантов, принадлежащих к разным возрастным группам. На наш взгляд, эти выводы требуют верификации с применением более детального сравнительно-сопоставительного анализа данных анкет разных возрастных групп. В дальнейшем интересно проследить, являются ли выявленные тенденции характерными для всех возрастных групп или же существуют отличия.

Для решения данной задачи на втором этапе исследования выборка была разделена на три группы. Первая группа включает ответы респондентов 1925–1955 г. р. (17 человек), вторая группа – ответы респондентов 1956–1985 г. р. (34 человека), третья группа – ответы респондентов 1986–2009 г. р. (19 человек). Разница в крайних точках возрастной шкалы составляет около 85 лет.

В первой группе (1925–1955 г. р.) в категории «интимный домен» активно представлен франкопровансальский язык, его доля в ответах респондентов составляет 58,8%. Для сравнения итальянский язык представлен в 20,5%, а французский – в 2,9 %. В категории «статусный домен» итальянский и французский языки имеют относительно равный вес (23,5% и 20,6% соответственно). При этом итальянский чаще наблюдается в коммуникативной ситуации «Я чувствую себя более профессиональным, если разговариваю на...» (20,6%), а французский – в ситуации «Я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...» (14,7%). Отметим высокую популярность варианта «Без ответа» в результатах, касающихся статусного домена (50%), что обусловлено формулировкой вопроса и восприятием его содержания информантами этой возрастной группы. Респонденты 1925–1955 г. р. относятся к категории пенсионеров, таким образом, опция анкеты «Я чувствую себя более профессиональным, если разговариваю на...» утрачивает актуальность для социализации, так как общение для реализации заявленной компетенции в

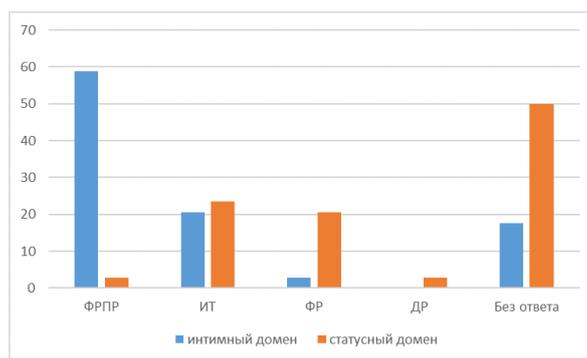

Рис. 2. Корреляция доменов и языкового выбора жителей коммуны Сен-Никола 1925–1955 г. р.

Fig. 2. Correlation of domains and language choice of the inhabitants of the commune of Saint-Nicolas, born in 1925–1955

прямом значении отсутствует. С другой стороны, общепринятым является утверждение, что чем старше человек, тем он опытнее и мудрее. На наш взгляд, многозначность утверждения вызвала затруднения при анкетировании и способствовала выбору варианта «Без ответа».

Наглядно эти данные представлены на рис. 2.

Любопытно, что на рис. 2 доля ответов «итальянский язык» значительно ниже, чем «франко-провансальский язык», особенно, если принять во внимание, что ко времени рождения информантов этой группы уже прошло более 60 лет с момента присоединения территории к Италии. Следует учитывать, что франкопровансальский и французский языки рассматриваются некоторыми исследователями как неотъемлемые компоненты языковой ситуации региона – утрата одного из них приведет к исчезновению другого. В этом смысле символической стала цитата одного из значимых исследователей прошлого века в области вальдостанской культуры Рене Вильена. Эта цитата размещена на обложке журнала «Nouvelles du Centre d'Etudes Francoprovençales», который издается Центром франкопровансальских исследований: «le français et le patois sont complémentaires l'un de l'autre et ils ne pourraient pas vivre séparés dans notre Vallée sans provoquer la rupture définitive de notre particularisme et de notre ethnie»⁸.

В Валле д'Аоста с XIV в. французский используется как средство письменного общения, наряду с латинским языком, а в 1561 г. становится единственным официальным языком. Ситуация остается такой до XIX в., когда с образованием королевства Италии на его территории вводится использование итальянского языка. Судя по всему, политика италянизации оказывается успешной, так как наблюдается ослабление позиций французского языка. В этом плане удивительно, что франкопровансальский язык сохраняется в речевой практике жителей долины.

Сравнение данных рис. 1 и 2 позволяет сделать предварительное заключение о том, что принцип распределения языковых предпочтений одинаков. Однако весовые доли в компонентах отличаются, что свидетельствует о влиянии возрастного фактора на баланс распределения языковых предпочтений.

Во второй группе (1956–1985 г. р.) в интимном домене выявляется использование франкопровансальского языка (27,2%), итальянского языка (29,4%), французского языка (1,5%). Статусный домен представлен следующими показателями: 11,8% – франкопровансальский язык, 39,7% – итальянский язык, 25% – французский язык. Отметим, что из 25% использования французского языка 22% приходится на коммуникативную ситуацию «Я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...». Наглядно эти данные представлены на рис. 3.

Сравнение данных рис. 2 и 3 позволяет говорить о том, что информанты возраста «за сорок» реже используют франкопровансальский язык в интимном домене, чем те, кому «за семьдесят».

⁸ Французский и патуа (франкопровансальский) дополняют один другого и они не смогли бы существовать по отдельности в нашей Долине, в противном случае исчезнет наше своеобразие и наш народ (перевод наш. – О.А. Пантелеенко).

Рис. 3. Корреляция доменов и языкового выбора жителей коммуны Сен-Никола 1956–1980 г. р.
Fig. 3. Correlation of domains and language choice of residents of Saint-Nicolas commune born in 1956–1980

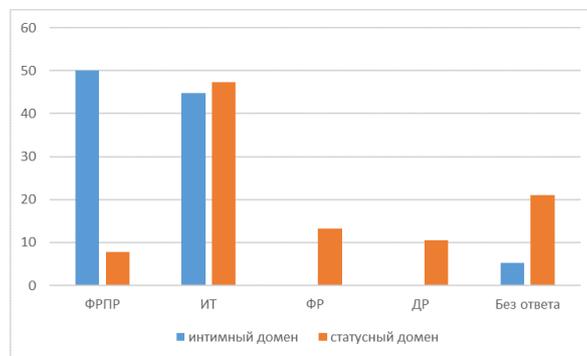

Рис. 4. Корреляции доменов и языкового выбора жителей коммуны Сен-Никола 1981–2009 г. р.
Fig. 4. Correlations of domains and language choice of the inhabitants of the commune of Saint-Nicolas 1981–2009

Следовательно, престижность франкопровансальского языка снижается для социализации в сфере ближнего общения. При этом происходит значительное увеличение демографической мощности итальянского языка в обоих доменах. Причина процессов активизации и спада популярности языковых предпочтений относительно предыдущего поколения видится в специфике развития общества на территории Сен-Никола в различные периоды. Так, языковая политика итальянизации, проводившаяся с 1861 г., становится действительно эффективной лишь в послевоенное время, благодаря развитию телевидения и внедрению стандартизированного итальянского языка через телепередачи.

Следует указать, что борьба за сохранение французского языка велась в Валле д’Аоста всегда, кроме того, французский является одним из основополагающих факторов приобретения автономного статуса региона. Однако доля ответов «французский язык» достаточно низкая. Вместе с тем отметим, что респонденты второй группы увереннее отвечают на вопросы: доля ответов в поле «Без ответа» здесь намного ниже.

В третьей группе (1986–2009 г. р.) в индивидуальном домене используются франкопровансальский язык (50%) и итальянский язык (44,7%). Статусный домен представлен следующими цифрами: 7,9% – франкопровансальский язык, 44,7% – итальянский язык, 13,2% – французский язык. Доля ответов «французский язык» на коммуникативную ситуацию «Я не произвожу хорошее впечатление, если разговариваю на...» составляет 10%. Наглядно эти данные представлены на рис. 4.

Французский язык уходит из зоны использования в интимном домене. В то же время наблюдается смещение акцентов франкопровансальского и итальянского языков относительно предыдущего поколения. Опять возрастает престижность франкопровансальского языка. Возможно, это

связано с особым вниманием, которое стало уделяться региональному разнообразию в контексте глобализационных процессов. В Европейском Союзе в 90-е гг XX в. происходит активизация мер, предпринимаемых по сохранению и продвижению миноритарных языков. Так, в 1999 г. в Италии вступает в силу закон от 15 декабря № 482 «Правила защиты исторических языковых меньшинств», в законе перечисляются 12 языков, поддерживаемых правительством, среди которых и франкопровансальский. Это, безусловно, способствует росту мероприятий по его продвижению. Наряду с традиционными, которые организуются или проводятся при участии Центра франкопровансальских исследований имени Рене Вильена, Комитетом вальдостанских традиций, Региональным бюро этнологических и лингвистических исследований, начинают проводиться новые фестивали и конкурсы (La Fête des patois, Le festival des peuples minoritaires, Les Journées de la Civilisation Valdôtaine), организуются занятия по изучению франкопровансальского (l'École Populaire de patois), появляются издания образовательного, развлекательного, просветительского, научного и научно-популярного характера, посвященные франкопровансальскому языку (Des Visages et des Mots, La Voix des peuples minoritaires и др.).

В целом анализ отношения к языку с учетом возраста показал существование динамики в использовании французского, итальянского и франкопровансальского языков в контексте интимного и статусного доменов. Одним из объяснений языковой динамики является теория социальных сетей. Эта концепция стала применяться в социолингвистическом анализе после публикаций работ Д. Д. Блума и Я.-П. Гамперца, Л. и Дж. Милрой. Социальные сети включают «паутины связей», структура сети зависит от открытых и закрытых типов связей, из которых она состоит. Теория социальных сетей предполагает, что плотность социальных сетей, мультиплексное и униплексное взаимодействие между членами внутри сетей обуславливают языковые изменения. «Развивая теорию социальных сетей, П. Эккерт отходит от традиционного распределения носителей того или иного языка по ячейкам, подчеркивая текучесть и сложность индивидуальной идентичности» [Эккерт П.; цит. по: 1, с. 46]. «Языковая гомогенность в таких кластерах – производное от постоянной вовлеченности в общую деятельность» [Эккерт П.; цит. по: 1, с. 47].

В таких высоко консолидированных обществах, как сообщества в Долине Аосты, местный язык сохраняется в повседневной практике, тогда как в других он уже не используется как средство повседневного общения. В то же время сама консолидированность общества зависит от его социально-экономической организации [1, с. 45].

Выделенные параметры выполняют важную роль для анализа языковых трансформаций, обусловленных развитием общества, поскольку открытость социальной сети связана с отсутствием динамики в речевом поведении носителей, а закрытость, наоборот, способствует этой динамике.

Выводы

Изучение языковых механизмов конструирования идентичности вальдостанцев с учетом интимного и статусного институционализованного контекста позволяет установить взаимообусловленность таких явлений, как отношение к языку в условиях полилингвального репертуара, выбор языка для социализации как маркера идентичности и устройство общества.

В свою очередь языковые изменения происходят под влиянием экономического развития территорий и свидетельствует о трансформациях в механизмах репрезентации идентичности.

При этом в диахроническом разрезе характер языковых изменений носит как волнообразный, так и постоянный характер и отражает сложность феномена идентичности. На фоне роста и падения популярности франкопровансальского языка в речевой практике жителей Сен-Никола в интимном и статусном доменах стабильна его позиция для обслуживания сферы ближайшего общения в кругу семьи и среди друзей. Регулярностью характеризуются выбор итальянского и французского языков. Выявлено, что итальянский язык используется всеми возрастными группами в интимном и статусном доменах, а французский язык последовательно теряет свои позиции во всех коммуникативных ситуациях.

Парадокс угасания французского языка (закрепленного на государственном уровне) и сохранения франкопровансальского (официально признанного миноритарным лишь в конце XX в.) объясняется структурой общества, его устойчивыми связями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Бичурина Н.М.** Горы, язык и немного социальной магии: Опыт критической социолингвистики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2021. 288 с.
2. **Курбанова-Ильютко К.И.** К вопросу о статусе французского языка в регионе Валь д'Аоста (Валле д'Аоста): родной или второй? // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2021. № 2. С. 71–82
3. **Dunoyer Ch.** Les nouveaux patoisants en Vallée d'Aoste. De la naissance d'une nouvelle catégorie de locuteurs francoprovençaux à l'intérieur d'une communauté plurilingue en évolution. Région autonome Vallée d'Aoste, Assessorat de l'éducation et de la culture. Quart: Musumeci, 2010. 59 p.
4. **Puolato D.** Francese-italiano, italiano-patois: il bilinguismo in Valle d'Aosta fra realtà e ideologia. Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2006. 386 p.
5. **Raimondi G.** Antroponimia plurilingue: storia della lingua e storia delle identità // Éducation et sociétés plurilingues. 2015. No. 38. P. 15–24. DOI: 10.4000/esp.481
6. **Mitschke A.** L'intensité des contacts sociaux dans le domaine francoprovençal au fil des siècles // Nouvelles du Centre d'Etudes Francoprovençales René Willien. 2019. No. 76. P. 27–81.
7. **Meune M.** Le français, langue du lieu ou langue d'ailleurs? Le discours sur le francoprovençal dans Le peuple valdôtain (2000–2018) // Ponti/Ponts. 2020. No. 1 (20). P. 121–147. DOI: 10.7413/18279767041
8. **Cavalli M., Cuenat M.E.** Translanguaging – effet de mondialisation ou de domination? // Recherches en didactique des langues et des cultures. 2024. No. 22–2. DOI: 10.4000/11qab
9. **Giacoma L., Sessarego A.** Lo scrigno plurilingue dell'Alta Valle del Lys // Éducation et sociétés plurilingues. 2021. No. 51. P. 17–28. DOI: 10.4000/esp.7479
10. **Raimondi G.** Vecchi, nuovi e nuovissimi. I nomi e i cognomi degli abitanti di un territorio offrono spunti didattici possenti per la scoperta delle proprie radici // L'école valdôtaine. 2008. No. 79. P. 76–77.
11. **Bichurina N., Dunoyer Ch.** Laboratoires transfrontaliers du francoprovençal: un corpus de communication spontanée pour l'enseignement d'une langue vivante // Géolinguistique. 2022. No. 22. DOI: 10.4000/geolinguistique.7377
12. **Либертини Р., Чельшева И.И.** Региональная идентичность и диалект в Абрुццо (Италия) // Социолингвистика. 2020. № 4 (4). С. 103–115. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-103-115
13. **Cavalli M.** La politique linguistique du Val d'Aoste: réflexions en guise de premier bilan // La Bretagne Linguistique. 2017. No. 21. P. 137–161. DOI: 10.4000/lbl.313
14. **Bétemps A.** Il noi e il loro in Valle d'Aosta // Favre. S. Ayas Antropologia di un territorio. Luoghi, legende, storie, fatti. Priuli & Verlucca, 2021. P. 17–35.
15. **Omezzoli T.** Lingue e identità valdostana // Storia d'Italia. Le regioni dall'Unità a oggi. La Valle d'Aosta. Torino: Einaudi, 1995. P. 137–202.
16. **Бажина Е.В., Ягафова Е.А.** Самарские татары: особенности этнической идентификации и практик межэтнического взаимодействия в условиях многонационального мегаполиса // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2020. № 1 (48). С. 156–166. DOI: 10.20874/2071-0437-2020-48-1-14 13
17. **Le Page R.B., Tabouret-Keller A.** Acts of identity: Creole-based approaches to language and ethnicity. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 275 p.
18. **Громова В.М.** Роль языка в конструировании идентичности // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2008. Вып. 3. С. 31–35.
19. **Бородина Д.С.** Английский язык – агрессор или компаньон: проблема потери доменов в скандинавских языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 4 (1). С. 61–65. DOI: 10.30853/filnauki.2018-4-1.14
20. **Десятова М.Ю.** Функционирование диалекта в итальянской молодежной среде (по результатам опросов 2011–2018 гг.) // Социолингвистика. 2020. № 4 (4). С. 21–33. DOI: 10.37892/2713-2951-2020-4-4-21-33
21. **Cavalli M., Coletta D.** Langues, bilinguisme et représentations sociales au Val d'Aoste: rapport de recherche. Aoste: IRRE de la Vallée d'Aoste, 2003. 611 p.

REFERENCES

- [1] **Bichurina N.M.**, Gory, yazyk i nemnogo sotsialnoy magii: opyt kriticheskoy sotsiolingvistiki [Mountains, Language and a little social magic: an experience of critical sociolinguistics], Publishing house of the European University in St. Petersburg, St. Petersburg, 2021.
- [2] **Kurbanova-Ilyutko K.I.**, K voprosu o stastuse frantsuzskogo yazyka v regione Val d'Aosta (Valle d'Aosta): rodnoy ili vtoroy [On the status of French in the Val d'Aosta region (Valle d'Aosta): mother tongue or second language], Moscow University Bulletin. Series 9: Philology, 2 (2021) 71–82.
- [3] **Dunoyer Ch.**, Les nouveaux patoisants en Vallée d'Aoste. De la naissance d'une nouvelle catégorie de locuteurs francoprovençaux à l'intérieur d'une communauté plurilingue en évolution. Région autonome Vallée d'Aoste, Assessorat de l'éducation et de la culture, Musumeci, Quart, 2010.
- [4] **Puolato D.**, Francese-italiano, italiano-patois: il bilinguismo in Valle d'Aosta fra realtà e ideologia, Peter Lang AG, Internationaler Verlag der Wissenschaften, 2006.
- [5] **Raimondi G.**, Antroponimia plurilingue: storia della lingua e storia delle identità, Éducation et sociétés plurilingues, 38 (2015) 15–24. DOI: <https://doi.org/10.4000/esp.481>
- [6] **Mitschke A.**, L'intensité des contacts sociaux dans le domaine francoprovençal au fil des siècles, Nouvelles du Centre d'Etudes Francoprovençales René Willien, 76 (2019) 27–81.
- [7] **Meune M.**, Le français, langue du lieu ou langue d'ailleurs? Le discours sur le francoprovençal dans Le peuple valdôtain (2000–2018), Ponti/Ponts, 1 (20) (2020) 121–147 DOI: [10.7413/18279767041](https://doi.org/10.7413/18279767041)
- [8] **Cavalli M., Cuenat M.E.**, Translanguaging – effet de mondialisation ou de domination?, Recherches en didactique des langues et des cultures, 22–2 (2024). DOI: <https://doi.org/10.4000/11qab> (accessed 23.06.2024)
- [9] **Giacoma L., Sessarego A.**, Lo scigno plurilingue dell'Alta Valle del Lys, Éducation et sociétés plurilingues, 51 (2021) 17–28. DOI: [10.4000/esp.7479](https://doi.org/10.4000/esp.7479)
- [10] **Raimondi G.**, Vecchi, nuovi e nuovissimi. I nomi e i cognomi degli abitanti di un territorio offrono spunti didattici possenti per la scoperta delle proprie radici, L'école valdôtaine, 79 (2008) 76–77.
- [11] **Bichurina N., Dunoyer Ch.**, Laboratoires transfrontaliers du francoprovençal: un corpus de communication spontanée pour l'enseignement d'une langue vivante, Géolinguistique, 22 (2022). DOI: [10.4000/geolinguistique.7377](https://doi.org/10.4000/geolinguistique.7377)
- [12] **Libertini R., Chelysheva I.I.**, Regional identity and dialect in Abruzzo (Italy), Sociolinguistics, 4 (4) (2020) 103–115. DOI: [10.37892/2713-2951-2020-4-4-103-115](https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-4-4-103-115)
- [13] **Cavalli M.**, La politique linguistique du Val d'Aoste: réflexions en guise de premier bilan, La Bretagne Linguistique, 21 (2017) 137–161. DOI: [10.4000/bl.313](https://doi.org/10.4000/bl.313)
- [14] **Bétemps A.**, Il noi e il loro in Valle d'Aosta, Favre S., Ayas Antropologia di un territorio. Luoghi, legende, storie, fatti, Priuli & Verlucca, 2021, pp. 17–35.
- [15] **Omezzoli T.**, Lingue e identità valdostana, Storia d'Italia. Le regioni dall'Unità a oggi. La Valle d'Aosta, Einaudi, Torino, 1995, pp. 137–202.
- [16] **Bazhina E.V., Yagafova E.A.**, Samarskiye tatars: osobennosti etnicheskoi identiaikatsii i praktik mezhetnicheskogo vsaimodeistviya v usloviyakh mnogonatsionalnogo megapolisa [Samara Tatars: Peculiarities of Ethnic Identification and Practices of Interethnic Interaction in a Multinational Megacity], Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii, 1 (48) (2020) 156–166. DOI: [10.20874/2071-0437-2020-48-1-14](https://doi.org/10.20874/2071-0437-2020-48-1-14)
- [17] **Le Page R.B., Tabouret-Keller A.**, Acts of identity: Creole-based approaches to language and ethnicity, Cambridge University Press, Cambridge, 1985.
- [18] **Gromova V.M.**, Rol' yazyka v konstruirovanii identichnosti [The role of language in the construction of identity], Bulletin of Udmurt University. Series: History and Philology, 3 (2008) 31–35.
- [19] **Borodina D.S.**, The English Language – Aggressor or Companion: the Problem of Domain Loss in the Scandinavian Languages, Philology. Theory & Practice, 4 (1) (2018) 61–65. DOI: [10.30853/filnauki.2018-4-1.14](https://doi.org/10.30853/filnauki.2018-4-1.14)
- [20] **Desyatova M.Yu.** Functioning of the dialect in italian youth environment (on the results of field researches 2011–2018), Sociolinguistics, 4 (4) (2020) 21–33. DOI: [10.37892/2713-2951-2020-4-4-21-33](https://doi.org/10.37892/2713-2951-2020-4-4-21-33) (accessed 04.08.2024)
- [21] **Cavalli M., Coletta D.**, Langues, bilinguisme et représentations sociales au Val d'Aoste: rapport de recherché, IRRE de la Vallée d'Aoste, Aoste, 2003.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Пантелеенко Олеся Александровна
Alessia A. Panteleenko
E-mail: alessia@list.ru

Поступила: 01.08.2024; Одобрена: 08.09.2024; Принята: 22.09.2024.
Submitted: 01.08.2024; Approved: 08.09.2024; Accepted: 22.09.2024.

Научная статья

УДК 811.161.1'37

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15307>

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: СИЛЬНЫЙ, СЛАБЫЙ, ПЕРСОНАЛЬНЫЙ

О.И. Северская [✉], Е.В. Туркина

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН»,
Москва, Российская Федерация

[✉] oseverskaya@yandex.ru

Аннотация. Статья анализирует реконструкции языкового образа новых технологий в актуальном медиадискурсе, где обсуждение нейросетей и искусственного интеллекта (ИИ) стало главным трендом. Авторы впервые применяют комплексный дискурсивный, корпусный методы и контент-анализ в структурировании семантических полей и микрополей в тематической группе «Искусственный интеллект». По полученным данным, узлами представленного в медиа тематического поля ИИ являются кластеры «технология», «алгоритм интеллектуальной деятельности», «действующая система» и «актор, конкурирующий с человеком». Анализ коллокаций позволил определить концептуализацию ИИ в социальной, экономической, научно-технологической и креативной сферах. Выделяется значимая оппозиция интеллекта и разума (искусственного и машинного). ИИ в проанализированных контекстах предстает в трех ипостасях: сильной, слабой, персональной. Сильный ИИ преобладает, о чем говорит преимущественно занимаемая номинацией позиция субъекта. В медиадискурсе машина олицетворяется, наделяется, о чем говорит сочетаемость и контекстная синонимия, разумом, сознанием и подсознанием, памятью, чувствами, превращаясь в мировой мозг, способный принимать решения и создавать новые интеллектуальные ценности. В анализе пересечений тематических групп «Искусственный интеллект», «Наука и технологии», «Риски» авторы видят дальнейшие перспективы исследования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, медиадискурс, лексико-семантическое поле, дискурсивный и корпусный анализ, медиакартина мира.

Для цитирования: Северская О.И., Туркина Е.В. Искусственный интеллект в современном медиадискурсе: сильный, слабый, персональный // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 74–80. DOI: 10.18721/JHSS.15307

ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MODERN MEDIA DISCOURSE: STRONG, WEAK, PERSONAL

O.I. Severskaya ✉, E.I. Turkina

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

✉ oseverskaya@yandex.ru

Abstract. The article contains an attempt to reconstruct the linguistic image of new technologies in the current media discourse, where the discussion of neural networks and AI has become the main trend. The authors apply complex discursive, corpus and content analysis in structuring semantic fields and microfields in the thematic group “Artificial Intelligence”. According to the data obtained, the nodes of the thematic field of AI presented in the media are the clusters “technology”, “algorithm of intellectual activity”, “operating system” and “actor competing with a person”. The analysis of collocations made it possible to determine the conceptualization of AI in the social, economic, scientific, technological and creative spheres. There is a significant opposition between intelligence and reason (artificial and machine). AI appears in three guises in the analyzed contexts: strong, weak, personal. Strong AI prevails, as evidenced mainly by the position of the subject occupied by the nomination. In the media discourse, the machine is personified, endowed, as indicated by compatibility and contextual synonymy, with reason, consciousness and subconsciousness, memory, feelings, turning into a global brain capable of making decisions and creating new intellectual values. The opposition of intelligence and reason (artificial and machine) is highlighted. In the analysis of the intersections of the thematic groups “Artificial Intelligence”, “Science and Technology”, “Risks” the authors see further prospects for research.

Keywords: artificial intelligence, media discourse, lexical-semantic field, discursive and corpus analysis, media picture of the world.

Citation: Severskaya O.I., Turkina E.I., Artificial intelligence in modern media discourse: strong, weak, personal, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 74–80. DOI: 10.18721/JHSS.15307

Введение

С появлением виртуальной реальности, нейросетей и искусственного интеллекта (ИИ) с особой остротой встали вопросы об «удвоении мира» и конкуренции «умных машин» с человеком [1, с. 125; 2; 3], как и о том, что собой представляет ИИ – технологию или «виртуальную» личность, способную самостоятельно принимать решения и действовать. Реализация федерального проекта «Искусственный интеллект» в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» способствовала тому, что проблемы, связанные с ИИ, стали в 2023 году главным медиатрендом. Внимание к «массмедиа как специфической системе отбора фактов и производства на их основе смыслов» [4, с. 2] делает актуальной задачу исследования инновационного медиадискурса. Это позволит не только осознать, на каком этапе их осмысления находится общество и куда оно движется, но и выявить языковые средства целенаправленного создания «видения мира» [5, с. 140], транслируемого через массмедиа сторонниками и противниками развития технологий ИИ.

Степень разработанности проблемы. Сегодня уже описаны парадигмы осмысления «машинного разума» [6], проанализировано терминообразование в сфере ИИ [7], затронуты аксиологические и моральные аспекты его использования [8]. В лингвистическом плане обсуждались особенности междисциплинарного диалога [9], проведен коммуникативно-грамматический анализ текстов, посвященных проблемам ИИ, выявлены языковые способы создания его положительного

и негативного образа в СМИ [10]. Отметим особо работы Е.В. Мариновой, сочетающие социокультурный и собственно лингвистический подход, что близко и нам. В одной из своих работ [11] она рассматривает отражение в современной речевой практике трансформации идей гуманизма на примере переосмысления фундаментальной оппозиции культуры «человек – машина». В цифровую эпоху граница внутри этой оппозиции размывается: «очеловечивание» программ, алгоритмов идет параллельно противоположному процессу – «расчеловечиванию» живых людей, что достаточно последовательно отражается в языке. В другой ее работе [12] речь идет об эволюции понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху. В частности, проводится сравнительный анализ понятий «виртуальная личность» и «цифровая личность» по таким критериям, как намеренность/ненамеренность, активность/пассивность, субъект/объект воздействия, наличие/отсутствие (относительной) свободы.

Новизна исследования, предпринятого нами, состоит в применении корпусного подхода к системному анализу представленных в медиатекстах семантических полей и микрополей, связанных с понятием ИИ и ключевыми словами соотносимого с ним медиадискурса – *искусственный интеллект, интеллект* (как таковой), *разум, технологии, наука, общество, общественность, человек, информация, риски*.

Материал и методы исследования. Исследование выполнялось на базе Национального корпуса русского языка (НКРЯ), публицистического подкорпуса Основного и Газетных корпусов. Основу исследовательской **методологии** составят *корпусный метод* (с использованием всего арсенала инструментов, включая сервисы статистики, поиск коллокаций и «похожих слов», а также «Портрета слова») «портретирование» и *контент-анализ*. Мы исходим из того, что именно корпусный метод, по словам В.А. Плунгяна, дает «доступ к дискурсу – то есть к реальному инструменту коммуникации в целом, а не к его отдельным фрагментам» и обеспечивает «учет в первую очередь более частотных (в дискурсе!) элементов по сравнению с менее частотными» [13, с. 9]. На методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике обращает внимание и В.Е. Чернявская [14, с. 143–144]. В исследовании также применялись методы дистрибутивного, компонентного, контекстного семантического анализа; описательно-аналитический метод; метод полевого структурирования.

Результаты исследования

В языковой картине мира *искусственный интеллект* занял свое место к 1970-м годам. Первые фиксации термина в НКРЯ относятся к 1974 году, в публикациях журнала «Техника – молодежи» – в обсуждении «пересборки» *роботов* по формуле «*механические руки + искусственный интеллект*»: «Многие исследователи в нашей стране и за рубежом заняты созданием роботов с *искусственным интеллектом*»¹; «Разумеется, беседовать (в буквальном смысле) можно будет только с очень совершенными машинами – роботами, обладающими *искусственным интеллектом*»²; «Многие, говоря об *искусственном интеллекте*, хотят, чтобы по всем позициям он был просто гениальным»³. А в 1980 году *искусственный интеллект* упоминается уже как нечто само собой разумеющееся в романе В. Орлова «Альгист Данилов»: «Данилов вспомнил о складе *искусственных интеллектов* и спросил, хороши ли они в употреблении»⁴. И попадает в коллекцию анекдотов: «Как называется, когда блондинка красится под брюнетку? – *Искусственный интеллект*»⁵. К середине 1980-х годов становится ясно: «Чтобы окончательно материализовать духовную жизнь человека, нужно создать *искусственный интеллект*»⁶.

¹ Коган А. Сюрпризы нейрокибернетики // Техника – молодежи. 1974. № 10. С. 16–18.

² Житомирский С. Механический однорук // Техника – молодежи. 1974. № 11. С. 36.

³ Глушков В., Максимович Г. Как рождаются компьютеры. От проектирования до изготовления (статья вторая) // Техника – молодежи. 1976. № 10. С. 16–19.

⁴ Орлов В.В. Альгист Данилов. Москва: Астрель АСТ, 2006.

⁵ Коллекция анекдотов: блондинки. Саратов: Научная книга, 2014.

⁶ Амосов. Н.М. Дневник. Москва: Молодая гвардия, 1985. 288 с.

В то же время появляются и менее распространенные, но все же достаточно употребительные терминосочетания — *искусственный мозг* и *искусственный разум*: «Быть может, *искусственный мозг* будет „ходить в школу“ не 10 лет, а 5,3 минуты и потом — сразу на работу»⁷; «Одновременно высочайшего уровня достигнет *искусственный разум*, который, в сущности, уже нельзя будет отделить от носителей „естественного“ разума»⁸.

В целом в общезыковой картине мира *искусственный интеллект* хоть и силен, но по отношению к человеку слаб и сервilen, что не соответствует картине медийной.

Пилотное корпусное исследование тематической группы «Искусственный интеллект» в современном медиадискурсе дало следующие результаты.

Словосочетание *искусственный интеллект* является одним из самых частотных в актуальном словоупотреблении (LogDice-коллокации — 11.04.2024), что сопоставимо с рейтингом соответствующей темы в медиадискурсе (в среднем в 2023 году в ведущих российских СМИ выходило 1250–1500 новостей об искусственном интеллекте в месяц).

Ядерная номинация смыслового поля «Искусственный интеллект» имеет ряд равноправных синонимов. *Искусственный интеллект* присутствовал в значении:

1) «технология» — *метод, способность аппаратно-программной системы, компьютерная разработка, компонент информационно-интеллектуального поля;*

2) «алгоритм интеллектуальной деятельности» — *искусственный разум, машинный разум, машинный ум, мировой мозг;*

3) «действующая система» — *мыслящая машина, робот, чат-бот (чат-бот с искусственным интеллектом), нейросеть.*

На основе анализа коллокаций были выделены оппозиции: интеллект — ум, разум, сознание, под-сознание, мозг и (интеллект) искусственный, машинный — естественный, живой, человеческий, (интеллект) коллективный — персональный. Они в целом отражают противопоставление свойств *искусственного интеллекта* и *человека (разума)*, обсуждаемое исследователями [15].

Оппозиция *интеллект — разум* является значимой, однако по частоте употреблений *интеллект* над *разумом* в 2000-х годах явно преобладает: сравнительный график распределения словоупотреблений по годам показывает резкое увеличение частотности *интеллекта*, начиная с 2012 года, и почти тридцатикратное превосходство в частоте по сравнению с *разумом* к 2020 году.

Анализ сочетаемости (в n-граммах) также позволил установить, что искусственный интеллект занимает синтаксические позиции объекта действия (его *обучают, подчиняют себе, избавляют от зла, в него вкладывают ход мыслей, на него полагаются, перекладывают нагрузку* и др.) и субъекта действия (в роли актора он, например, *функционирует, справляется с задачей, создает программы, строит модели, что-то конструирует, трансформирует, принимает решения, планирует, осваивает творческие профессии, создает новые интеллектуальные ценности, понимает язык, рассуждает, общается, приходит на помощь* и т.д.).

В первом приближении можно констатировать, что текстовые реализации отражают представление о трех ипостасях искусственного интеллекта:

- *Сильный ИИ (Strong AI или Tru AI)* — способен мыслить и осознавать себя; текстовые реализации этого образа значительно превышают по числу другие;

- *Слабый ИИ (Weak AI или Narrow AI)* — не способен на это, но позволяет решать творческие задачи;

- *Персональный ИИ* — сочетает не только ум, но и личность: чувства, память, свойственные человеку.

Удалось также с помощью контекстного анализа сравнить языковые воплощения представлений о *машинном разуме* и *искусственном разуме* и сформулировать предварительные выводы:

⁷ Старог Ф. Как создать искусственный мозг // Техника — молодежи. 1975. № 9. С. 22.

⁸ Шкловский И.С. Существуют ли внеземные цивилизации? // Земля и Вселенная. 1985. № 3. С. 76–80.

- *Машинный разум* – функция, инструмент. *Искусственный разум* – глобальное явление.
- *Искусственный разум* наделяется множеством человеческих характеристик, сравнивается с человеком, о чем говорят многочисленные случаи олицетворения. *Машинный разум* – бездушен, примеров его олицетворения нами не зафиксировано.
- Негативная окраска присуща обеим номинациям. У *машинного разума* она связывается с ограниченностью его функций, а у *искусственного разума* – с деградацией человеческого интеллекта, негативным воздействием на человека и сферы его жизни.
- С этими номинациями связаны и употребления, попадающие в периферийное микрополе «Риски и потери»: *машинный разум* может превзойти человеческий только функционально, а *искусственный разум* и интеллектуально.

Языковая единица *искусственный интеллект* концептуализируется в четырех основных сферах, которым соответствуют следующие микрополя:

1) **Социальная сфера**, где ИИ – это *цифровой друг, главный герой, источник глубокой трансформации общества, оптимальное общество, общественный мозг* и т.п.;

2) **Сфера технологий/науки**, где ИИ – это *компонент информационно-интеллектуального поля, геномная машина, он трансформирует, конструирует, дает общий контекст для любых концепций* и др.;

3) **Экономика**, где ИИ – это *двигатель прорывного индустриального роста, он принимает решения, получает контроль, навязывает современные предметы потребления, меняет модели экономического развития*;

4) **Креативные индустрии**, где ИИ – *мыслящая машина, осваивающая творческие профессии*, однако он не обладает ни *гибкостью ума, ни пониманием, не способен проявить изобретательность, не сможет сдать экзамен, зато играет роль в отуплении человека*.

Также были выделены **три временных плана**, соотносимых с понятием: *ИИ прошлого, ИИ настоящего, ИИ будущего*.

Итоги

Искусственный интеллект упоминается в СМИ в 12 раз чаще, чем в других речевых сферах.

Словосочетание имеет в контекстах значения «технология», «алгоритм интеллектуальной деятельности», «действующая система» – но при этом преобладает (о чем говорит преимущественно занимаемая им позиция субъекта) представление об акторе, соревнующемся с человеком.

Машина олицетворяется, наделяется (о чем говорят коллокации) *разумом, сознанием и подсознанием, памятью, чувствами*, превращаясь в *мировой мозг*, способный *принимать решения* и *создавать новые интеллектуальные ценности*.

Как можно заметить, микрополя тематической группы «Искусственный интеллект» пересекаются с двумя другими частотными тематическими группами современного медиадискурса: «Технологии» и «Наука и образование», и было бы интересно установить структуру микрополя «Искусственный интеллект» в их составе (чем мы и собираемся заняться в дальнейшем).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Батурина И.В.** Мифология технологий в российском правовом дискурсе: аналитика нормативного регулирования в сфере искусственного интеллекта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2023. Т. 23. № 2. С. 124–128. DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-2-124-128

2. **Rajani S.** Artificial Intelligence – Man or Machine // International Journal of Technology and Knowledge Management. 2011. No. 4. P. 173–176.

3. **Commerford B., Dennis S., Joe J., Ulla J.** Man Versus Machine: Complex Estimates and Auditor Reliance on Artificial Intelligence // *Journal of Accounting Research*. 2022. No. 60. P. 171–201. DOI: 10.2139/ssrn.3422591
4. **Клушина Н.И.** Стилистика в эпоху медиа // *Верхневолжский филологический вестник*. 2016. № 4. С. 144–150. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilistika-v-epohu-media> (дата обращения: 31.05.2024).
5. **Садовникова О.Н.** Аксиологические стратегии дискурса об инновациях и способы их аргументации // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2018. № 3. С. 210–216. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-210-216
6. **Яковлева Е.В., Исакова Н.В.** Искусственный интеллект как современная философская проблема: аналитический обзор // *Гуманитарные и социальные науки*. 2021. № 6. С. 30–35. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-30-35
7. **Мусаева А.С.** Терминообразование в сфере искусственного интеллекта // *Верхневолжский филологический вестник*. 2022. № 2 (29). С. 166–173. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173
8. **Hancock P.A.** *Mind, Machine and Morality: Toward a Philosophy of Human-Technology symbiosis*. London: CRC Press, 2009. 184 p. DOI: 10.1201/9781315248905
9. **Клементьева А.А.** Лингвистические особенности междисциплинарного диалога по вопросам искусственного интеллекта // *Филология и человек*. 2022. № 4. С. 59–72. DOI: 10.14258/filichel(2022)4-04
10. **Клементьева А.А.** Языковая реализация коммуникативных намерений противников, адептов и разработчиков искусственного интеллекта // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики*. Серия: Гуманитарные науки. 2023. № 6. С. 157–167. DOI: 10.37882/2223-2982.2023.6.10
11. **Маринова Е.В.** Оппозиция «человек – машина» в языковой картине мира XXI века // *Гуманитарный вектор*. 2022. № 2. С. 169–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170
12. **Маринова Е.В.** Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) // *Научный диалог*. 2023. № 12 (1). С. 151–169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169
13. **Плунгян В.А.** Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // *Русский язык в научном освещении*. 2008. № 2 (16). С. 7–20. URL: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2008-2/7-20> (дата обращения: 31.05.2024).
14. **Чернявская В.Е.** Методологические возможности дискурсивного анализа в корпусной лингвистике // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2017. № 50. С. 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9
15. **Волков В.В.** Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2020. Т. 11. № 4. С. 745–759. DOI: 10.223363/2313-2299-2020-11-4-745-759

REFERENCES

- [1] **Baturina I.V.**, The mythology of technologies in Russian legal discourse: Analytics of normative regulation in the field of artificial intelligence, *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 23 (2) (2023) 124–128. DOI: 10.18500/1819-7671-2023-23-2-124-128
- [2] **Rajani S.**, Artificial Intelligence – Man or Machine, *International Journal of Technology and Knowledge Management*, 4 (2011) 173–176.
- [3] **Commerford B., Dennis S., Joe J., Ulla J.**, Man Versus Machine: Complex Estimates and Auditor Reliance on Artificial Intelligence, *Journal of Accounting Research*, 60 (2022) 171–201. DOI: 10.2139/ssrn.3422591
- [4] **Klushina N.I.**, Stilistika v epokhu media [Stylistics in the media era], *Verhnevolzhski philological bulletin*, 4 (2016) 144–150. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/stilistika-v-epohu-media> (Accessed 31.05.2024).
- [5] **Sadovnikova O. N.**, The Axiological Strategies of Innovation Discourse and Ways of their Argumentation, *The Bulletin of Kemerovo State University*, 3 (2018) 210–216. DOI: 10.21603/2078-8975-2018-3-210-216

- [6] **Yakovleva Ye.V., Isakova N.V.**, Artificial intelligence as a modern philosophical problem: analytical review, *The Humanities and Social Sciences*, 89 (6) (2021) 30–35. DOI: 10.18522/2070-1403-2021-89-6-30-35
- [7] **Musayeva A.S.**, Term formation in the field of artificial intelligence. *Verhnevolzhski philological bulletin*, 2 (29) (2022) 166–173. DOI: 10.20323/2499-9679-2022-2-29-166-173
- [8] **Hancock P.A.**, *Mind, Machine and Morality: Toward a Philosophy of Human-Technology symbiosis*, CRC Press, London, 2009. DOI: 10.1201/9781315248905
- [9] **Klementyeva A.A.**, Linguistic Features of Interdisciplinary Dialogue on Artificial Intelligence, *Philology & Human*, 4 (2022) 59–72. DOI: 10.14258/filichel(2022)4-04
- [10] **Klementyeva A.A.**, Language Implementation of Communicative Intentions by Artificial Intelligence Opponents, Adherents and Developers, *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series “Humanities”*, 6 (2023) 157–167. DOI 10.37882/2223-2982.2023.6.10
- [11] **Marinova Ye.V.**, The Opposition “Man – Machine” in the Language Picture of the World of the 21 Century, *Humanitarian Vector*, 2 (2022) 169–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170
- [12] **Marinova Ye.V.**, VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (a Sociolinguistic Study based on Russian Texts), *Nauchnyi dialog*, 12 (1) (2023) 151–169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169
- [13] **Plungyan V.A.**, Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [The corpus as a tool and as an ideology: some lessons from modern corpus linguistics], *Russian Language and Linguistic Theory*, 2 (16) (2008) 7–20. Available at: <https://rjano.ruslang.ru/ru/archive/2008-2/7-20> (Accessed 31.05.2024).
- [14] **Chernyavskaya V.Ye.**, Towards Methodological Application of Discourse Analysis in Corpus-Driven Linguistics, *Tomsk State University Journal of Philology*, 50 (2017) 135–148. DOI: 10.17223/19986645/50/9
- [15] **Volkov V.V.**, Artificial “Intelligence” and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguomental Aspects), *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11 (4) (2020) 745–759. DOI: 10.223363/2313-2299-2020-11-4-745-759

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Северская Ольга Игоревна
Olga I. Severskaya
E-mail: oseverskaya@yandex.ru

Туркина Екатерина Владимировна
Ekaterina I. Turkina
E-mail: e.turkina@uniyar.ac.ru

Поступила: 03.06.2024; Одобрена: 12.07.2024; Принята: 21.08.2024.
Submitted: 03.06.2024; Approved: 12.07.2024; Accepted: 21.08.2024.

Научная статья

УДК 81-2

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15308>

КОМИЧЕСКАЯ ПРОВОКАЦИЯ И ПРОВОКАЦИЯ КОМИЗМОМ: ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОГО КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЯВЛЕНИЯ

М.Ф. Шацкая , Т.В. Черницына

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
г. Волгоград, Российская Федерация

✉ marina.schatzckaya@yandex.ru

Аннотация. Исследование комизма в коммуникативно-прагматическом аспекте, в частности соотнесенность его с одной из разновидностей речевого воздействия – провокацией, актуально, поскольку эти два явления сходны в функциональном плане (оба речевых явления строятся на ожидаемом и неожиданном), в основе их лежит непредсказуемость иллокуции, они базируются на аксиологическом параметре. Целью исследования, лежащего в основе статьи, стало изучение провокативной коммуникации, основанной на комизме или вызывающей комизм, в художественной прозе В. Шукшина и С. Довлатова, использующих провокативность в качестве одного из средств создания комизма. Нами определены эмоционально-смысловые доминанты коммуникативной провокации в текстах авторов. Путем конверсационного и лингвопрагматического анализа функционирования языковых знаков в речи провокатора и адресата (жертвы провокации), их взаимодействия в акте коммуникации выявлена сюжетобразующая функция провокации (предлагается ее назвать комическая провокация) в рассказах В. Шукшина и кульминациобразующая (этот вид назван нами провокация комизмом) микродиалогов в прозе С. Довлатова. Установлены черты сходства и различия по параметрам: 1) основных тактик, применяемых героями-провокаторами (сходными являются ирония, дискредитация и провокативный вопрос); 2) реакции их жертв (гиперреакция и гипореакция); 3) завершенности провокации (в произведениях В. Шукшина она присутствует; у С. Довлатова оценку завершенности провокации выносятся на суд читателя). Кроме того, в произведениях С. Довлатова были найдены особые виды провокации – автопровокация и непреднамеренная провокация.

Ключевые слова: комическое, провокация, речевое воздействие, тактика, идеальный и идейный провокаторы.

Для цитирования: Шацкая М.Ф., Черницына Т.В. Комическая провокация и провокация комизмом: две стороны одного коммуникативно-прагматического явления // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 81–98. DOI: 10.18721/JHSS.15308

COMIC PROVOCATION AND PROVOCATION BY COMEDIANISM: TWO SIDES OF ONE COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC PHENOMENON

M.F. Shatskaya , T.V. Chernitsyna

Volgograd State Social-Pedagogical University,
Volgograd, Russian Federation

 marina.schatzckaya@yandex.ru

Abstract. The study of comedy in a communicative and pragmatic aspect, in particular its correlation with one of the varieties of speech influence – provocation, is relevant, since these two phenomena are similar in functional terms (both speech phenomena are based on the expected and unexpected), they are based on the unpredictability of illocution, they are based on an axiological parameter. The purpose of the research underlying the article was to study provocative communication based on comedy or causing comedy in the fiction of V. Shukshin and S. Dovlatov, who use provocation as one of the means of creating comedy. We have identified the emotional and semantic dominants of communicative provocation in the authors' texts. By means of a conversational and linguopragmatic analysis of the functioning of linguistic signs in the speech of the provocateur and the addressee (victim of provocation), their interaction in the act of communication, the plot-forming function of provocation (it is proposed to call it comic provocation) in the stories of V. Shukshin and the culminating (this type is called provocation by us comic) microdialogues in S. Dovlatov's prose is revealed. There are similarities and differences in the parameters of 1) the main tactics used by the provocateurs (irony, discredit and provocative question are similar), 2) the reactions of their victims (hyperreaction and hyporeaction), 3) the completeness of the provocation (in the works of V. Shukshin it is present; in S. Dovlatov, the assessment of the completeness of the provocation is submitted to the reader). In addition, special types of provocation were found in the works of S. Dovlatov – auto-provocation and unintentional provocation.

Keywords: comic, provocation, verbal impact, tactics, ideal and ideological provocateurs.

Citation: Shatskaya M.F., Chernitsyna T.V., Comic provocation and provocation by comedianism: two sides of one communicative and pragmatic phenomenon, *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 81–98. DOI: 10.18721/JHSS.15308

Введение

Провокация – многовекторное и многоаспектное понятие. Исследование ее в коммуникации известно в рамках различных лингвистических направлений. Так, О.С. Иссерс говорит об особом виде стратегии – провокационной, подразумевая под этим «...коммуникативный сбой, сознательно организованный говорящим» [1] и характеризуя ее «...как конфликтогенную технологию речевого воздействия, поскольку она побуждает партнера к таким речевым реакциям, которые могут повлечь за собой нежелательные для него последствия» [1]. А.Е. Козлов, И.И. Саженин рассматривают это явление в рамках прагмалингвистики, выделяя провокативный акт, который с точки зрения субъектов коммуникации «...во-первых... может являть собой коммуникативное намерение говорящего: *Я говорю это, чтобы получить реакцию R*» и, во-вторых, провокация, «...может быть непреднамеренной, однако с последовавшей реакцией R...» [2]. Е.Ю. Ионкина и В.В. Тихаева, исследуя различные интервью, рассматривают провокацию как один из приемов, применяемых журналистами в ходе беседы с адресатом [3].

В.Н. Степанов, проводя анализ манипуляции в рамках теории речевого воздействия и анализируя прямое и косвенное провокативное поведение, говорит о провокативной деятельности как

об одном из характерных способов и механизмов манипуляции, которая проводится осознанно, в отличие от спонтанной провокации, которая может быть и неосознаваемой [4, 2005]. Исследователь приходит к мысли о существовании провокативного дискурса, под которым понимает «...комплексное жанровое образование в совокупности лингвистических и экстралингвистических факторов, выражающее провокативное намерение адресанта скорректировать коммуникативную активность провоцируемого и вызвать в нем демонстрируемое провоцирующее психологическое состояние, которое не соответствует актуальному состоянию реципиента провоцирования в массовой коммуникации» [4, с. 19].

Большинство лингвистов сходятся во мнении о том, что «...основной *провокативный мотив* заключается в необходимости скоординировать демонстрируемое внутреннее состояние говорящего и состояние собеседника; *провокативное намерение* выражается в стремлении передать демонстрируемое психологическое состояние; *провокативная цель* – вызвать адекватную ожидаемую реакцию на собственное поведение. Провокативная *база манипуляции* выражается в мотиве *подчинения* воли другого человека собственной воле; данный мотив опирается на его априорную (само) уверенность в собственной силе и особых полномочиях» [4, с. 16]. О.С. Иссерс предлагает рассматривать тактики провоцирования в зависимости от основной интенции провокатора – вывести нужную информацию или дестабилизировать эмоциональное состояние собеседника [1]. Поэтапный механизм провокации (с точки зрения действий провокатора) описала в своем исследовании Т.А. Середухина [5]; с позиции адресата (провоцируемого) дал полную характеристику их Ю.Б. Гиппенрейтер [6]. Провоцирующее воздействие следует относить к одному из средств манипулирования сознанием, а провокативное намерение говорящего всегда направлено на изменение коммуникативной активности провоцируемого и изменение его актуального психологического состояния [7].

В.Н. Степанов выделяет две категории провокативных жанров «...по признаку лежащих в их основе глубинных *интенциональных* состояний – провокативные жанры с интенциональным состоянием *толерантность* и провокативные жанры с интенциональным состоянием *интолерантность...*» [4, с. 21]. Кроме того, лингвист подразделяет жанры (комплексные и элементарные) и характеризует их, а также приводит специфику различных реакций на провокацию.

Постановка проблемы

Категория комического служит выражению общественно значимого противоречия («цели – средствам, формы – содержанию, действия – обстоятельствам, сущности – ее проявлению»), выступающего в художественном произведении как объект критики, осмеяния [8, с. 145]. Как известно, в основе комического всегда лежит двуплановость (асимметрия плана содержания и плана выражения), игра на оппозиции норма/антинорма. Собственно, контраст, проявляющий себя в провокации, роднит его функционально с комизмом.

В функциональном плане комическое и коммуникативные провокации строятся на противоречии ожидаемого и неожиданного (об этой и других чертах комического см. [9]; авторский взгляд на механизм комического представлен в работе [10]), безобразном и прекрасном (Аристотель), ничтожном и возвышенном (Кант), истинном и мнимом (Гегель). Непредсказуемость – еще одна черта, которая роднит названные выше коммуникативные феномены (о прагматической направленности комического см. [11]).

Аксиологический параметр – основа и комического, и провокативного, поскольку в основе коммуникации всегда лежит какая-то иерархия ценностей, порой для одной из сторон эта система представляет собой нечто относительное, лишенное связей с реальной жизнью. Это часто маркируется намеренной (со стороны писателя) деформацией реалии, ее утрированием через гиперболизацию и доведением до абсурдности, чем вызывает дискредитацию предмета речи и делает явным скрытое, подразумеваемое.

Провокации существуют как в реальной жизни при непосредственной коммуникации, так и в различных видах искусства [12]. В нашем исследовании *целью* стало изучение феномена провокации, основанной на комизме или вызывающей комизм, в произведениях В. Шукшина и С. Довлатова, известных своим талантом комического отображения действительности. Выбор их прозы обусловлен наличием в ней неповторимого юмора, иронии и честности, что позволило им стать самыми читаемыми советскими писателями второй половины XX века. Несмотря на общие историко-философские, ментальные и культурные корни, творческая мастерская кинорежиссера, киноактера, сценариста и писателя В. Шукшина существенно отличается от писательской манеры журналиста и писателя-диссидента С. Довлатова.

Провокации, присутствующие в произведениях писателей, располагаются в организуемых центрах текстов – «эмоционально-смысловых доминантах» [13, с. 372; 14, с. 59–61], одной из которых, по мнению Е.И. Тимошенко, следует считать ироническую [15]. Собственно, на эту доминанту будет обращено наше внимание.

Материал и методы исследования

В. Шукшин и С. Довлатов – авторы, которые в своих произведениях часто используют провокацию как средство создания комизма. Первый – выходец из народа, хорошо знающий психологию простого русского мужика со своей «чудинкой», со своей народной философией и правдой жизни. В. Шукшина интересуется человек в моменты наивысшего напряжения чувств, когда он может быть естественным, непосредственным, чтобы показать неподдельные проявления человека, вовсе не идеала [16, с. 12]. Второй писатель – автор-журналист, провокативная стратегия часто присутствует в профессиональной деятельности таких людей, возможно, это послужило причиной отражения подобного явления в его произведениях: герои-рассказчики, а также окружающие коллеги часто прибегают к одному из названных видов манипулирования. Причем герои С. Довлатова больше развлекают сами себя, а провокаторы В. Шукшина любят еще и эпатировать.

В ходе исследования применялись общенаучные (наблюдение, анализ, интерпретация) и лингвистические (лексико-семантический, контекстуальный, сопоставительный) методы, а также стилистический анализ [17, с. 33]. Ведущим был лингвопрагматический анализ, который помог провести исследование функционирования языковых знаков в речи с учетом адресанта (субъекта), адресата (получателя сообщения), их взаимодействия в акте коммуникации. Кроме того, мы обращались к конверсационному анализу, который применяется при исследовании ситуаций диалогического общения, когда реплики участников разделяются на стимулы и реакции. Это дает возможность наблюдать за изменением коммуникативного поведения коммуникантов в зависимости от реплик-стимулов, которые они направляют друг другу.

Результаты исследования

Комическая провокация в произведениях В. Шукшина

В рассказе «Срезал» ярко представлена коммуникативная провокация. Ее инициатором выступил Глеб Капустин. В деревне Новой его уважали за способность «срезать» знатного гостя, будь то полковник или ученый человек. Помериться «мускулами» есть с кем: из города к бабке Агафье едет сын с женой – кандидаты наук.

На стадии пре-коммуникации [5], подразумевающей поиск «болевых» точек адресата, любимых тем, изучение «языка» адресата, психологических особенностей, Глеб наводит справки о «кандидатах», интересуется, в какой те области преуспели: технические науки, общеобразовательные. Говоря о последних, проявляет имплицитную агрессию, применяя инвективы: *трепологией занимаются*, скрытую угрозу-обещание: *Посмотрим, посмотрим, лексы агрессии* – некорректные обидные сравнения в виде фразеологических оборотов с негативным оценочным компонентом:

Кандидатов сейчас как нерезанных собак. Ироничным по отношению к адресату, приехавшему на такси, является устойчивый оборот с негативным значением — восклицательная конструкция с измененным инфинитивом и указанием на форму выражения (посмеялся): *Ну марку-то надо поддержать!*.. Это так называемые *людемы* — специальные игровые приемы и единицы языковой игры, основанные на лингвокреативном потенциале языковой личности, в частности, «переделанные» фразеологизмы [18].

Следующим этапом провокации является контактная беседа (фатический фрейм). Глеб *взглядывал на кандидата — примеривался* и во время дружного разговора за столом *попер на кандидата*, т.е. примерил на себя роль лидера: *«В какой области выявляете себя?» — спросил он. — «Где работаю, что ли?» — не понял кандидат. — «Да». — «На филфаке». — «Философия?» — «Не совсем... Ну можно и так сказать». — «Необходимая вещь. — Глебу нужно было, чтоб была — философия. Он оживился. — Ну, и как насчет первичности?» — «Какой первичности?» — опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба* [19, с. 8].

Данный фрагмент диалога демонстрирует установление четких коммуникативных позиций: провокатор (Глеб Капустин) держит полный контроль беседы, вводит алогизм (вопрос о первичности), выбивая почву из-под ног у адресата, растерянного от неожиданного вопроса. Таким образом, установлены стереотипные реакции адресата, о чем говорит невербальный показатель *оживился*. Дальнейшее провоцирование происходит по сценарию: выход провокатора на первый план коммуникации (полный, то есть нескрытый контроль беседы, владение инициативой). Провокатор не высказывает своего мнения, а только задает провокативные вопросы, сохраняет все логические звенья коммуникации, ведя ее по методу сократического диалога, то есть своими вопросами стремится заставить усомниться адресата в своих знаниях: *«Первичности духа и материи»*. — *Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут. Кандидат поднял перчатку* [19, с. 8].

Безусловно, это способствует привлечению внимания к фигуре провокатора. Следует отметить гипореакцию адресата: начинает более аккуратно и даже с опаской вести беседу. О воинствующем настрое Глеба свидетельствуют паралингвистические маркеры: *бросил перчатку, стал в небрежную позу*. Ответная реакция адресата — попытка игнорировать намерения провокатора, которая заключается в желании мирно закончить диалог, напоминаящий допрос: *«Как всегда, — сказал с улыбкой. — Материя первична...»*

Не давая опомниться адресату, Глеб продолжает «допрос»: *«А дух?» — «А дух — потом. А что?» — «Это входит в минимум?» — Глеб тоже улыбался* [19, с. 8–9].

В приведенном отрывке понятно намерение «кандидата» закончить странный и неприятный для него диалог-допрос, который он старается смягчить улыбкой и переспросом *А что?* Следующий вопрос-алогизм не имеет прямого отношения к теме беседы, являясь элементом иного фрейма, выводит из равновесия адресата: *Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься — не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?* [19, с. 9]

Провокатор продолжает диалог с единственной целью «срезать», то есть поставить адресата в неловкое положение и одержать победу, применяя при этом коммуникативную тактику самоуничтожения («игра на понижение») и оправдания [1, с. 121–124]. Без интонационных пауз, чтобы оппонент не успел опомниться, доминирующий коммуникант (провокация) применяет инвентарный алогизм (элемент другого фрейма): вопрос об определении наукой невесомости. К коммуникативной неудаче можно отнести прием «вопросом на вопрос», к которому, защищаясь, обращается адресат: *«Как всегда определяла. Почему — сейчас?» — «Но явление-то открыто недавно. — Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. — Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определяет это так, стратегическая философия — совершенно иначе...»* Показателем доминирования провокатора, контроля над инициативой, даже вызова, направленного не только на адресата,

но и на косвенных участников диалога (зрителей — деревенских мужиков), является невербальный показатель *улыбнулся прямо в глаза*.

Назревает конфликт, в том числе эмоционально-психологический, о чем свидетельствует состояние адресата: *заволновался*. Именно такую реакцию хотел вызвать провокатор. На отрицание данного факта в восклицании с инверсией и типового вопроса Глеб отвечает речевым оборотом *Да, но...* (психологический прием, игра, описанные Эриком Берном [20], который применяется для успешного преодоления возражений и замечаний):

«Да, но есть диалектика природы, — спокойно, при общем внимании продолжал Глеб. — А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?»

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... Почувствовал неловкость. Позвал жену: «Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!» [19, с. 9]

Комизм ситуации налицо. Это видно и по реакции «кандидата»: *искренне засмеялся*. Однако такое чувство он испытал один: Зрители (мужики) ждали, чем он ответит. Эмоциональная дестабилизация: улыбка — *почувствовал неловкость* — позвал на помощь жену. Глеб от *диалектики природы* с помощью инвентарного алогизма перешел к теме невесомости.

Попыткой взять контроль над темой является этикетное предложение: *«Давайте установим, — серьезно заговорил кандидат, — о чем мы говорим»*. Однако тактику согласия сменяет тактика переключения внимания: *Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?* Ответная гипореакция теперь уже двух адресатов (мужа и жены) свидетельствует о комическом характере ситуации: *кандидаты засмеялись*. Резкий ответ «кандидата» о том, что нет такой проблемы, вызвал неожиданную для адресатов реакцию провокатора: *Теперь засмеялся Глеб [19, с. 10]*.

Прием «игра на повышение», который применяет провокатор, чтобы не потерять авторитет зрителей и контроль над инициативой, реализуется стилистическим средством — градацией устойчивых оборотов: *Ну, на нет и суда нет!.. Баба с возу — коню легче...* Замешательство, опасение потерять доминирующее положение в диалоге выдают невербальные и интонационные маркеры: паузы, растягивание слов, незаконченные предложения: *«Проблемы нету, а эти... — Глеб что-то показал руками замысловатое, — танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но при желании... — Глеб повторил: — При же-ла-нии — их как бы нету. Верно? Потому что, если... Хорошо! Еще один вопрос: как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?»*

Следующие вопросы о космической науке, инопланетных разумных существах приводят к перлокутивному эффекту — тактике уклонения от разговора (адресат использует данную тактику как защитную реакцию), реализуемую коммуникативным ходом «вопросом на вопрос»: *«Вы кого спрашиваете?» — «Вас, мыслителей...» — «А вы готовы?»* (к общению с инопланетными существами. — *Примеч. авт.*) — *«Мы не мыслители, у нас зарплата не та...» [19, с. 10]*. Данный фрагмент беседы демонстрирует диалоговую тактику контроля над темой, стилистическим маркером которой является антифразис: *мыслители* и тактика иронии: *мы не мыслители, у нас зарплата не та...* Тактикой привлечения внимания и косвенных участников диалога (зрителей), и прямых адресатов являются риторические вопросы: *Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?*

Кульминация провокации выделена рассказчиком: *Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой выси, ударил по кандидату. И всякий раз в разговоре со знатными людьми деревни наступал вот такой момент — когда Глеб взмывал кверху. Он, наверно, ждал такого момента, радовался ему, потому что дальше все случалось само собой.* Следующий шаг провокатора — коммуникативное давление (нападение), которое реализуется тактиками упрека: *...кандидатство — это ведь не костюм, который купил — и раз и навсегда;* иронии: *Нас тут, конечно можно удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... [19, с. 11]* Ответной реакцией на коммуникативное давление

становится раздражение, обида, гнев жертвы провокации: «*Это называется — «покатил бочку, — сказал кандидат. — Ты что, с цепи сорвался? В чем собственно... <...> Типичный демагог-кляузник...»* [19, с. 11–12] Показателями эмоционально-психологического напряжения обиженного собеседника является сниженная лексика (*покатил бочку, с цепи сорвался*), незаконченное предложение, тактика дискредитации (*демагог-кляузник*).

Развязка провокации в рассказе «Срезал» — сцена признания Глеба Капустина. Так он объясняет свою особенность: *Люблю по носу щелкнуть, не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...* [19, с. 12] И тут же дает совет на правах «победителя»: «*Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленной, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свиданья. Приятно провести отпуск... среди народа*». — Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей [19, с. 12].

Тактика завершения разговора, тактика прощания и невербальные маркеры (*Глеб усмехнулся и неторопливо вышел*) свидетельствуют о том, что контроль над коммуникативной ситуацией по-прежнему у провокатора. На грамматическом уровне речевое превосходство проявляется с помощью псевдоимперативов: *Не задирайся выше ватерлинии! Подумайте хорошенько — и поймете! Так что... будьте немного собранней*. Важно отметить значимость косвенных участников коммуникации, которые дают оценку коммуникативного поведения провокатора: *Оттянул он его!.. Дошлий собака... Причесал бедного Константина Иваныча... А? Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открыла* [19, с. 13]. Комизм вызывает сочетание просторечных лексем *дошлий* с положительной оценочностью — ‘опытный, сведущий, знающий’ [21, т. 1, с. 442] и *собака* — с отрицательной коннотацией, употребляется как бранное слово [21, т. 4, с. 168].

Важно подчеркнуть, что рассказчик (нарратор) рисует эмоциональный посткоммуникативный фон: сочувствие, жалость к жертвам провокации и одновременно похвалу «победителю» словесного поединка и признание таланта провокатора (посредством стилистических фигур: парцелляции и градации): *В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще* [19, с. 13].

Итак, от темы «первичности духа и материи», невесомости, стратегической философии, шаманизма в отдельных районах Севера, вопросов о Луне и инопланетных разумных существах до нескромности и отдаленности от народа — такой бессвязный диапазон предметов и средств коммуникации подчеркивает комический эффект провокации.

По мнению В.Н. Степанова, провокация — это «способ функционирования прагматической информации об особом намерении адресанта продемонстрировать определенное психическое состояние с целью вызвать у адресата аналогичное состояние» [4, с. 17]. То есть налицо конфликт психических состояний адресанта и адресата. Степанов подчеркивает, что мишенями провокации чаще всего становятся мысли, намерения, духовное состояние и внутренний мир человека [4, с. 25]. В рассказе В. Шукшина «Срезал» ярко прослеживается конфликт психических состояний провокатора и жертвы провокации. Мысли, внутренний мир адресата стали мишенями по главной цели коммуниканта-провокатора: выбить почву из-под ног у тех, кто выше по социальной лестнице, обнажить их несостоятельность и духовную слабость. Согласно делению типа провокатора на идеального и идейного [22, с. 15–16], демагога Глеба Капустина — главного героя рассказа «Срезал» — можно отнести к первому типу. Идеальный провокатор и есть, по сути, деконструктивист, цель которого уничтожить бинарные оппозиции, выявить скрытый смысл и вложить его в картину мира объекта провокации. Иными словами, посеять сомнение в его однозначном восприятии действительности, расшатать незыблемость, устойчивость его картины мира, сделать ее подвижной. У идеального провокатора сам процесс провокации — это не прямолинейная лобовая замена картин мира, а «рефлексивная игра», в отличие от идейного, цель провокации которого

— раздуть общественный скандал, поскольку энергия скандала идейному провокатору жизненно необходима, чтобы наращивать и утверждать значимость собственного «Я».

Важно подчеркнуть, что провокацию, по мнению Т.Н. Шеметовой, можно считать завершённой только в том случае, когда провокатор оценивает результат провокации (удачной или нет). В приведенном примере коммуникативной провокации удачное ее завершение (для провокатора) выражается не только в проецировании знакомой посткоммуникативной ситуации (Глеб Капустин, придя на работу, поинтересуется состоянием «кандидата» и победно усмехнется), но и в молчаливом отступлении адресата, то есть жертвы коммуникации, в похвале-энантисемии провокатору косвенных участников диалога и сочувствию побежденному: *дошлый собака; причесал бедного Константина Иваныча.*

Другим примером коммуникативной провокации, которая в рассказах В.М. Шукшина несет текстообразующую функцию, является рассказ «Шире шаг, маэстро!» Сюжетная линия почти фольклорная (главного героя посылают за чем-либо недостижимым/недоступным, в пути его ждут различные испытания): молодого врача Солодовникова отправили к директору совхоза за железными листами, но завскладом Морозов заявил протест, ссылаясь на то, что железо обещано колхозу «Заря». Как провокатор Солодовников использует целый набор коммуникативных тактик: упрек (*Что это такое в конце концов: я бросил больных, еду сюда, а тут стоит... некий субъект и корчит из себя черт знает что!*); угрозу (*Я вам покажу гонор. И кое-что еще! Мы найдем железо...*); шантажа (*Я сейчас не директору, а в райком буду звонить. Где телефон?*); апелляцию к социальным нормам посредством вопросов, цель которых — вызвать упрек или подозрение (*За молокососа тоже придется ответить. Вы на что намекаете? Что у нас молокососам жизни человеческие доверяют?*); иронию (*Привет тете...*) [19, с. 29–30].

Ожидаемая реакция адресата на угрозы провокатора проявляется в тактиках обиды, вызова сочувствия, жалости, злости, обвинения, призыва к ответственности (*Крутишься день-деньской на улице... Впору к вам ехать — лечиться; Морозов вынул руки из карманов, нехорошо сузил глаза на врача-молокососа...; А полегче, например, — это как, можно? Без гонора. Мм?*).

В отличие от Глеба, инициатора провокации в рассказе «Срезал», молодой врач в силу возраста, то есть неопытности, действует интуитивно, почувствовав нежелание завскладом объясняться с высшим руководством, основными тактиками выбирает угрозу и шантаж. Вероятно, его нельзя отнести ни к идеальному, ни к идейному провокатору, скорее, его положение промежуточное.

Тип идейного провокатора ярко представлен в рассказе «Гена Пройдисвет». Завязкой конфликта является желание племянника Генки вывести на чистую воду своего дядю, который вдруг стал верующим. Первая коммуникативная провокация — попытка вызвать на откровенность дядьку — успехом не увенчалась. Однако вопрос, отчего дядька уверовал в Бога, его серьезно *взволновал*. На этапе пре-коммуникации с позиции провокатора (поиска «болевых точек» адресата, его психологических особенностей) Генка узнал от отца о «братнином обращении в веру»: *Мужик, он ведь как: достиг возраста — и смяк телом. А башка ишо ясная — какие-нибудь вопросы хочет решать... <...> С чего началось-то? А у нас тут верующие-то есть, много. Старухи-то. Он стал к им похаживать от нечего делать, а те его сагитировали...* [19, с. 219–220]

После расспросов о *странностях* дяди Гриши у его дочери, Нюры Генка еще больше загорелся желанием докопаться до истины, зашел под предлогом «давай выпьем» к возмутителю его спокойствия и начал фазу прямой коммуникации с тактик признания и оправдания: *Ты не думай, дядь Гриша, я ведь не нахал... не подонок. Я религию уважаю, но... Где у вас тут стаканы-то?* [19, с. 221]

Тактику отвлекающего вопроса (*Где у вас тут стаканы-то?*) провокатор применяет для разрядки напряженной обстановки, о которой свидетельствовали шевелящиеся желваки и насмешливый взгляд дяди Гриши. Психологическое состояние, переживания героя подчеркивает рассказчик: *ему и впрямь было весело, и он правда волновался* [19, с. 220].

Как провокатор на фактической стадии коммуникации Генка начинает издали, вспоминая студенческие годы, согласиём (приём амортизации) на упрек дядьки о том, что его, взрослого мужика, не уважают, и переходит к вопросно-ответному ходу: *«Меня не уважают, да... — сказал он. — А что, обязательно, чтоб уважали? Ты из-за этого в бога поверил? — спросил. И сам ответил: — Из-за этого. Я тебя, кажется, понял. Между прочим, я бы тоже что-нибудь такое... придумал себе, но мне безразлично чужое мнение, вот моя слабость. Я в этом смысле какой-то нерусский, выродок какой-то. Но тебя я понимаю. Объясни, что с тобой происходит: ты зачуял смерть и забеспокоился — тебе неохота просто так уходить, тебе надо, чтоб о тебе потом говорили: он же верующий был. Так?»* [19, с. 223]

Провокативный вопрос о необязательности уважения окружающих позволяет перейти к главной теме разговора — вере в Бога. Коммуникативный ход «игра на понижение» (самопорицание: *какой-то нерусский, выродок*) — для смягчения дальнейшего объяснения поведения адресата страхом перед смертью и забвением. Ответная реакция адресата выражена в тактике обзывания, индикатором которой является сниженная лексика (инвективная): *дурак, волосатик*. Нежелание продолжать разговор, уход от конфликта адресат провокации подчеркивает вопросом-разоблачением: *«Ты для чего пришел сюда?» — «Понять, почему ты... Разоблачить тебя. Я не верю, что ты правда поверил в бога. Слушай, да кто же так в бога верит — повесил икону и заявил всем: я верующий! Ты что? Это же богохульство! Ты же ничего про бога не знаешь. Я больше тебя знаю...»*

Ответ Генки на вопрос дядьки — признание в истинной цели визита, то есть провокатор раскрывает карты. Отнести такую тактику к коммуникативному провалу нельзя, так как следующие тактики обвинения и упрека — переход в активную фазу провокации. После высказанного Генкой подозрения о сектантстве дядьки адресат переходит в нападение, используя тактику обзывания и угрозы: *Ишо, поганец такой, выговоришь эти слова, я тебя за стаканом прямо пристукну...* [19, с. 224]

Испуг, оскорбление и злость — ответные чувства провокатора, намеренно подчеркнутые рассказчиком, — сменяет физическая агрессия адресата, который бьет обидчика головой об пол, используя пейоративную лексику, антифразис, (*умная* головушка в значении «глупая»), лексический повтор, инвективы: *Вот так ее... — приговаривал он. — Умную-то головушку. Вот так, вот так... <...> Поганец, — тяжело дыша, сказал дядя Гриша, вытирая дрянным рукавом рубахи кровь с губы. — Будут тут... слова разные потреблять... Разинул рот-то. Шшенок* [19, с. 226].

Лучшая защита — нападение, именно эту тактику как ответную применяет провокатор, переходит на «высокие темы», используя восклицательные конструкции, тактики укора, оскорбления со сниженной лексикой (*деляга, фраер*), паузами, интонационными средствами (*закричал, как на базаре*), выразительными жестами (*постучал себя в грудь*): *«Ах, как горько! Речь идет о Руси! А этот... деляга, притворяться пошел. Фраер. Душу пошел насилловать...уважения захотел... Врать начал! <...> ...я знаю, что за мной — Русь: я не пропаду, я еще буду человеком. Мне есть к кому прийти! — Генка кричал, как на базаре, как на жадную, бессовестную торговку кричал, когда вокруг уже собрались люди и уже все равно и не стыдно кричать. — Мы же так опрокинемся!»* [19, с. 226–227] В приведенном фрагменте монолога отчетливо проявляются черты идейного (морального) провокатора, которому жизненно важно продемонстрировать правдивость своей позиции окружающим и несостоятельность таковой его адресата. Генку не останавливает почтенный возраст дяди Гриши, порицание вернувшейся домой в самый разгар драки Нюры. Ему важно освободить адресата от идейных заблуждений. После рассказа дяди Гриши об антихристе, его агентах и спасительной роли во всем этого «преподобного» Генка снова нападает на адресата, но с уже ослабленной хваткой: *«А возможно, что это не притворство у вас, — заговорил Генка из своих дум. И посмотрел на дядю Гришу. — Возможно, что тут налицо элементарная самодеятельность. — Он долго и участливо смотрел на дядю. Тот тоже глянул на него и обиженно отвернулся, поморщился даже от Генкиного словоблудия»* [19, с. 228] Развязкой коммуникативного конфликта становится желание Генки написать стихи про корову, то есть переключение внимания — прием предупреждения или свертывания словесной агрессии (так называемая «психологическая подножка»).

Интересной представляется смена коммуникативных доминант, то есть роли провокатора и адресата (его жертвы). Так, в рассказе В.М. Шукшина «Сапожки» контроль над инициативой сначала у продавщицы, которая примеряет роль провокатора, пытаясь унижить, оскорбить несостоятельного покупателя: обвинила Сергея Духанина, присмотревшего дорогие женские сапожки, в нетрезвости (*нальют глаза*), обозвала хамом, швырнула сапожок, в глазах ее обидчик увидел «белую ненависть», пытаясь парировать (*Вы что, поили меня, что так говорите?*). Смену коммуникативных ролей, которая происходит на этапе оплаты и контроля покупки, демонстрируют невербальные индикаторы:

Теперь в глазах продавщицы была и ненависть, и какое-то еще странное удовольствие.

«Я попрошу сапожки мои». — «На контроль», — негромко сказала она. — «Где это?» — тоже негромко спросил Сергей, чувствуя, что и сам начинает ненавидеть сухопарую продавщицу.

Продавщица молчала. Смотрела на него.

«Где контроль-то?» — Сергей улыбнулся прямо в глаза ей. — А? Да не гляди ты на меня, не гляди, милая, — женатый я. Я понимаю, что в меня сразу можно влюбиться, но... что я сделаю? Терпи уж, что сделаешь? Так где говоришь, контроль-то?»

У продавщицы даже ротик сам собой открылся... Такого она не ждала (Неадекватная реакция. — Примеч. авт.).

Сергей отправился искать контроль.

«О-о! — подивилась она на себя. — Откуда что взялось! Надо же так уесть бабу! А вот не будешь психовать зря. А то стоит — вся изозлилась» [19, с. 39–40].

Как видно из диалога, кульминационным моментом коммуникативной провокации и одновременно сменой ролей является прочитанное Сергеем в глазах продавщицы «странное удовольствие», что и вызвало желание обиженного перехватить инициативу конфликта, используя тактику иронии. Внутренний монолог и самопохвала (*надо же так уесть бабу!*) демонстрируют победное завершение провокации.

Большинство рассказов В.М. Шукшина, в которых представлена коммуникативная провокация, отражает психологию идейного провокатора. Если целью коммуникации идеального провокатора (деконструктивиста) является уничтожение бинарных оппозиций [22, с. 15], то идейный провокатор ограничен рамками морали, которая охраняет его от презрения к самому себе, от критической оценки самого себя, поэтому его не удовлетворяет то, что его картина мира может не совпадать с картиной мира окружающих его людей, он старается заменить картину мира объекта провокации своей [22, с. 15].

Как справедливо отмечает в своей работе «Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов» И.И. Плеханов, «решения Шукшина ищут истину, апеллируют к природному разуму, добиваются суггестии через сопереживание, требуют поступка...» [23]. Цели и мотивы провокаций, порождающие определенные коммуникативные действия, отличаются: поставить на место тех, кто *задирается выше ватерлинии* («Срезал»); найти изъян во всем и во всех («Вечно недовольный Яковлев»); ностальгировать по наивной и доброй деревенской жизни («Выбираю деревню на жительство»); поддаться внезапно зародившейся мысли («Забуксовал», «Верую!»); задуматься о призвании («Миль пардон, мадам!»); осмеять псевдоинтеллектуальное искусство («Пьедестал»); уличить в притворстве, во лжи («Гена Пройдисвет») и т.д. Герои-провокаторы у В. Шукшина — обаятельные чудики, не юродивые, их сознание глубоко рефлексивно [23].

Провокация комизмом у героев С. Довлатова

Творчество С. Довлатова вызывает интерес до сих пор как у отечественных лингвистов ([24–26] и др.), так и зарубежных ([27, 28] и др.). Однако с точки зрения реализации комичности через провокативность исследование прозы писателя до настоящего времени не проводилось. В отличие от Шукшинских рассказов, в произведениях С. Довлатова пре-коммуникация как этап

в формировании провокации отсутствует, однако есть и другая специфика презентации этого коммуникативно-прагматического явления.

В рассказе «Жизнь коротка» показана ситуация, как писатель Левицкий встречает свой юбилей: *Господи! Еще один день рождения! Какая приятная неожиданность – семьдесят лет!* Как видим, в тексте эмоциональное высказывание больше несет характер автопровокации, что передает депрессивное настроение ее продуцента. В выделенной реплике сочетаются две тактики – признания и иронии, вернее, самоиронии. Далее мы видим подобный пример (диалог с прислугой): *«Вас ожидает дама». – Быстро спросил: «Не с косой?» – «Привезла вам какую-то редкость. Я думаю – книгу. Сказала – инкунабула»* [29, т. 1, с. 245]. Алогичный провокативный вопрос *Не с косой?*, построенный на аллюзии (вынесение в изолированную позицию предложно-падежной формы *с косой*, входящей в состав иносказательного агенса *дама с косой* в значении «смерть»), также свидетельствует о самоиронии писателя, при этом наблюдается гипореакция на это прислуги.

Провокацией в рассказе «Мы и гинеколог Буданицкий» может послужить и другой абсурдный вопрос, основанный на гиперболизации (*Навеки?*), но реакцию на него собеседника можно охарактеризовать как слабую: *Бернович как-то раз зашел и говорит: «Писатель, дело есть. Хочу у тебя поселиться». – «Навеки?» – поинтересовался Григорий Борисович с юмором и легкой тревогой. – «Нет, до среды исключительно»* [29, т. 3, с. 536].

В разговоре с редактором газеты (рассказ «Компромисс»), в которой рассказчик работал репортером, герой-Довлатов прибегает несколько раз то к провокативным вопросам, то к провокативным утверждениям: *Час спустя заглянул редактор: «Жюри штрафует вас на два очка». – «Какое еще жюри?» – «Вы забыли, что продолжается конкурс. Авторы хороших материалов будут премированы. Лучший из лучших удостоится поездки на Запад, в ГДР». – «Логично. А худший из худших – на Восток?»* Отмечается использование тактики согласия (*Логично*), которая далее переходит в тактику оправдания (*Ничего. Я пошутил*): *«Что вы этим хотите сказать?» – «Ничего. Я пошутил. Разве ГДР – это Запад?» – «А что же это, по-вашему?» – «Вот Япония – это Запад!» – «Что?!» – испуганно вскричал Турунок. – «В идейном смысле», – добавил я. Тень безграничной усталости омрачило лицо редактора. – «Довлатов, – произнес он, – с вами невозможно разговаривать! Запомните, мое терпение имеет пределы...»* [29, т. 1, с. 278]

Как видим, провокация построена на столкновении разных картин мира (смещении фреймов) – политической (в СССР на первом месте по значимости были страны социалистического лагеря, в то время как капиталистические государства были практически под осуждением; на востоке СССР находились лагеря с политзаключенными), экономической (передовое техническое развитие Японии) и географической (Япония – восточная страна). Таким образом, журналист делает несколько провокативных ходов, после очередного из них используя прием «игра на понижение» для мнимой гармонизации эмоционального пространства. Тем не менее провокация по дестабилизации эмоционального состояния жертвы оказалась удачной, о чем свидетельствуют маркеры невербальных примет (*испуганно вскричал, безграничная усталость омрачила*).

Одно из заданий, которое получил герой-журналист к годовщине освобождения Таллина, – написать статью о четырехтысячном младенце, родившемся ко дню юбилея: *«Генрих Францевич, что касается снимков... Учтите, новорожденные бывают так себе...» – «Выберите лучшего. Подождите, время есть». – «Месяца четыре ждать придется. Раньше он вряд ли на человека будет похож. А кому и пятидесяти лет мало...» – «Слушайте, – рассердился Турунок, – не занимайтесь демагогией! Вам дано задание. Материал должен быть готов к среде. Вы профессиональный журналист... Зачем мы теряем время?...» И правда, думаю, зачем?* [29, т. 1, т. 282].

Провокативный прием демагогии был замечен редактором, а вот ирония, заключенная в намеке, заканчивающемся умолчанием (*А кому и пятидесяти лет мало...*) относительно того, кого можно назвать (взрослым) человеком, осталась незамеченной начальником, но не читателем.

Вторая провокация относительно потери времени (на написание статьи или ее содержательной пустоты) уже была не озвучена, а перешла в комментарий рассказчика.

Поиски новорожденного увенчались успехом, однако возник конфликт интересов: как назвать младенца: *Я спустился в автомат. Позвонил в контору. Редактор оказался на месте. <...> «С какими еще деньгами?» – «В качестве стимула. Чтобы ребенка назвали Лембитом... Отец согласен за двадцать пять рублей. Иначе, говорит, Адольфом назову...» – «Довлатов, вы пьяны!» – сказал Турунок. – «Ничего подобного» [29, т. 1, с. 299]. Как видим, градация в ответе на вопрос С какими еще деньгами? Приводит к тактике шантажа, поскольку присутствует аллюзия, связанная с прецедентным именем Адольф (апелляция к Адольфу Гитлеру). Несмотря на то, что ответом на провокацию была провокативная эмоциональная реплика *Довлатов, вы пьяны!*, коммуникативное давление в результате достигло цели – деньги были получены.*

Сосуществование стилистически разных и семантически несогласующихся лексем, изображающих одну коммуникативную ситуацию (*похвалить* от *хвалить* – «высказывать одобрение, похвалу кому-, чему-либо» [21, т. 4, с. 594], *ерунда* – «разг. Что-либо несерьезное, пустое; вздор, чепуха» [21, т. 1, с. 466]), перекодирует оценочность первой реплики, поскольку далее применяется тактика дискредитации: *На летучке материал похвалили. «Довлатов умеет живо писать о всякой ерунде». – «И заголовок эффектный...» – «Слова откуда-то берет – аксессуары...» [29, т. 1, с. 326].* Исходя из слов автора, можно понять, что провокация «похвалой» не достигла цели, предполагаемая жертва провокации (нарратор) привыкла относиться к жизни с долей комизма, таким образом, провокация имела неадекватную реакцию – самоиронию.

Сосуществование в лексеме *корова* двух значений – «крупное домашнее молочное животное, самка быка» и «о толстой, неуклюжей, а также неумной женщине» [21, т. 2, с. 106] тоже может привести к невольной провокации, лежащей в основе комизма: *«По-моему, их нужно сфотографировать рядом». – «Корова здесь не поместится, – разъярил Жбанков, – а там освещение хреновое». – «Как же быть?» Жбанков засунул аппарат в карман. – «Коров в редакции навалом», – сказал он. – «То есть?» – удивилась Белла. – «Я говорю, в архиве коров сколько угодно. Вырежу твою Линду и подклею» [29, т. 1, т. 361].* Чтобы не разгорелся конфликт (удивление собеседницы свидетельствует о нарушении эмоционального равновесия), Жбанков проясняет ситуацию, используя при этом прием «игра на понижение».

Комическая провокация может строиться на семантической редукции устойчивого выражения *подлинная жизнь* (ср.: *подлинный* – «истинный, не показной» [21, т. 3, с. 196]): известное идеологическое клише *отражать подлинную жизнь* в приведенном ниже контексте актуализирует свое значение отчасти, что можно понять, опираясь на пресуппозицию (в публицистике советского периода приветствовалось преувеличение положительных черт жизни советского общества и отображение ложного) и также на то, что буквальное понимание фразы одним из коммуникантов маркирует провокативность его реплики. Так, фраза синтаксический эмотив *вы меня без суда расстреляете!*, заключающий в себе гиперболизацию, свидетельствует о доведении до абсурда и дестабилизации собеседников (*негодующе переглянулись*): *«Мы даем вам шанс исправиться. Идите на завод. Проявите себя на тяжелой физической работе. Станьте рабкором. Отражайте в своих корреспонденциях подлинную жизнь...» – «Да за подлинную жизнь, – говорю, – вы меня без суда расстреляете!» Участники заседания негодующе переглянулись. Я был уволен «по собственному желанию» [29, т. 1, с. 382].*

Как видим, описание невербальных реакций (*негодующе переглянулись*) говорит о достижении провокатором своей цели – эмоциональной деструктивизации собеседников.

Текстовая пресуппозиция (две судимости брата) ведет к абсурдному восприятию фразы *Займись каким-нибудь полезным делом* и применению далее такого приема провокации, как моральный укор *Как тебе не стыдно?* Реакция предполагаемой жертвы провокатора – тоже провокация, выраженная при помощи синтаксической идиомы *Тожэ мне учитель нашелся!* Далее

следует другой провокативный прием «игра на понижение», применяемый братом, – умаление тяжести преступления – *всего лишь убил человека, пытался сжечь его труп*, который переходит в очередной провокативный эмоциональный вопрос *А ты?!*, построенный по модели контекстуально неполного предложения. При этом также наблюдается смешение фреймов в аспекте «польза – вред»: *Мой брат, у которого две судимости (одна – за непредумышленное убийство), часто говорит: «Займись каким-нибудь полезным делом. Как тебе не стыдно?» – «Тоже мне учитель нашелся!» – «Я всего лишь убил человека, – говорит мой брат, – и пытался сжечь его труп. А ты?!»* [29, т. 1, с. 457]

Укор, основанный на гиперболизации (1) и абсурде (2) и содержащий в себе также тактику дискредитации как провокативный прием дважды используется и следующем контексте:

Докладывал второй секретарь обкома партии Болотников. В конце он сказал: «У нас есть образцовые газеты, например, „Знамя прогресса“. Есть посредственные, типа „Адмиралтейца“. Есть плохие, вроде „Турбостроителя“. И наконец, уникальная газета «Кадр». Это нечто фантастическое по бездарности и скуке» (1).

Я слегка пригнулся. Шлиппенбах, наоборот, горделиво выпрямился. Видимо, почувствовал себя го- нимым диссидентом. Затем довольно громко крикнул: «Ленин говорил, что критика должна быть обо- снованной!» – «Твоя газета, Юра, ниже всякой критики» (2), – ответил секретарь... [29, т. 3, с. 466].

Реакцией на первую провокацию секретаря стала ответная реплика-апелляция к авторитету (*Ленин*), реакция на второе провокативное высказывание в тексте рассказа отсутствует, но можно предположить, что коммуникативная цель была достигнута – собеседник был эмоционально де- стабилизирован и возразить уже не смог.

В профессиональном клише *Что вам угодно?* (1) (ср.: *Не угодно ли* – «употребляется как фор- мула вежливого предложения» [21, т. 4, с. 458]) значение предиката редуцировано, однако в усло- виях комического контекста буквализация (2) одного из возможных значений лексемы *угодно* («нужно» [21, т. 4, с. 458]) становится базой для формирования шуточной провокации через апел- ляцию к социальным нормам: *Я сел у двери. Через минуту появился официант с громадными войлоч- ными бакенбардами. «Что вам угодно?»* (1) – *«Мне угодно* (2), – говорю, – *чтобы все были доброже- лательны, скромны и любезны».*

Поскольку цель провокатора не была достигнута – отмечается гипореакция жертвы, клиенту приходится возвращаться в исходное дискурсивное пространство, о чем свидетельствует употре- бление лексемы *угодно* в значении – «желательно» [21, т. 4, с. 458] (3): *Официант, пресыщенный раз- нообразием жизни, молчал. «Мне угодно* (3) *сто граммов водки, пиво и два бутерброда»* [29, т. 2, с. 199].

Иногда в комическом плане используется провокация, основанная на субъективной трактов- ке той или иной ценности или антиценности, основанная на прагматике без учета лексического значения слова. Подобное явление наблюдается в произведении «Зона» при уточнении чего-ли- бо, в результате два понятия *способности* и *брань*, относясь к разным денотативным простран- ствам (обращает на себя внимание и оппозиция потенциальных сем: врожденное свойство – приобретенное), на их столкновении и строится провокация. Однако, как свидетельствует реак- ция предполагаемой жертвы провокации, ее цель достигнута, Фидель в ответе применяет тактику оправдания: *«А как у тебя насчет способностей?» – «Прекрасно, – ответил Фидель, – способностей у меня навалом. – «Матом выражаться», – подсказал Балодис. – «Не только», – ответил Фидель* [29, т. 2, с. 177].

Использование ироничного обращения-перифразы *трубадуры режима* (*трубадур* – «тот, кто прославляет, возвеличивает что-л.» [21, т. 4, с. 416], *режим* – «государственный строй, образ прав- ления» [21, т. 3, с. 697]) маркирует тактику дискредитации в провокации, которая вызвала гипер- реакцию со стороны ее жертв: *Обстановка в комнате литсотрудников – мрачная... «Салют, – го- ворю, – что приуныли, трубадуры режима?!» Молчат. И только Сидоровский хмуро откликается: «Твой цинизм, Довлатов, переходит все границы»* [29, т. 3, с. 449].

Заключение

На основании проведенного исследования мы пришли к следующим выводам.

1. Эффект неожиданности роднит механизмы комизма и провокации непредсказуемостью перлокутивного эффекта, что, как мы убедились, лежит в основе некоторых произведений В. Шукшина и С. Довлатова. Однако различия, на наш взгляд, заключается в следующем: у В. Шукшина на феномене провокативности строится целый рассказ, то есть провокация выполняет сюжетообразующую функцию. Такую провокацию мы предлагаем назвать комической. У С. Довлатова наблюдается фрагментарность провокативных контекстов, на них строятся микродиалоги героев произведений, создавая эффект «матрешки» – малый комический жанр внутри более крупного эпического жанра (рассказа), при этом можно говорить о кульминационнообразующей функции провокации в микродиалоге в ходе создания комизма, то есть таким образом фиксируется ее сильная позиция внутри текста. За счет введения комического по сути высказывания (о тактиках и языковых средствах будет сказано ниже) не все герои-собеседники его понимают. В этом случае можно говорить о провокации комизмом, поскольку в основе лежит особый тип метаиллокуции, характерный для комических речевых актов [30].

2. В структурном плане в произведениях В. Шукшина наблюдаются все фазы провокации, у С. Довлатова отсутствует пре-коммуникация, поскольку герой-рассказчик осведомлен о системе взглядов потенциальной жертвы, знает ее «болевые» точки. В провокациях отсутствует также фаза, связанная с применением стандартных вопросов для анализа возможных стандартных ответов. Доминирующий коммуникант играет на понижении коммуникативного статуса социально-административного лидера.

3. Самыми частотными коммуникативными тактиками провокаторов в текстах Шукшина можно назвать тактики упрека, оскорбления, иронии/насмешки, уговоров, дискредитации, провокативного вопроса, которые реализуют инвективы, лексы агрессии, в том числе пейоративы, антифразис, не прямые предикации, прагматически окрашенные частицы, а также интонационные и невербальные маркеры (паузы, умолчания, мимика, жесты и т.д.).

4. Некоторые тактики провокатора в произведениях С. Довлатова сходны с приемами героев В. Шукшина. Это ирония, дискредитация и провокативный вопрос. Кроме того, отмечены еще провокативное утверждение, игра на понижение, намек, шантаж и признание. Одной из ведущих тактик является намек, реализуемый в аллюзиях и гиперболизации. Эти же стилистические средства наблюдаются при дискредитации и шантаже жертвы провокации. Другие лингвистические средства, отмеченные в ходе манипулирования собеседника, – умолчание, столкновение языковых единиц разной стилистической отнесенности, игра на полисемии (часто на свободном и связанном значениях) (о резком переключении хода мыслей из одного ассоциативного контекста в другой с помощью триггера – лексического сигнала см. [31]), семантическая редукция.

5. Со стороны адресатов агрессии в произведениях В. Шукшина чаще всего отмечалось использование тактик игнорирования, завершения разговора, переспроса, опровержения, возмущения, уклонения, переключения внимания, сопряженных с невербальными индикаторами (красноречивое молчание, взгляд, позы и т.д.), реализуемые такими языковыми средствами, как незаконченные предложения, умолчание, переспросы, оценочная лексика и т.д.

6. Как и у В. Шукшина, герои-жертвы С. Довлатова демонстрируют гипореакцию, используя тактику уклонения. Гиперреакция маркирует эмоциональную дестабилизацию собеседника, о чем свидетельствуют лексические и синтаксические эмотивы либо ответная провокация. Еще один вид реакции – самоирония. Нами еще обнаружены такие разновидности провокации, как автопровокация и невольная/непреднамеренная провокация (последняя по своей целевой установке противоречит самой природе провокации и, на наш взгляд, представлена автором для создания комической ситуации для читателя).

7. Говоря о завершенности провокативной коммуникации, можно отметить, что в рассказах В. Шукшина она часто присутствует, так как в большинстве коммуникативных провокаций инициатор ее оценивает результат провокации как удачный, то же наблюдается и в произведениях С. Довлатова, правда, вербального подтверждения удачно проведенной провокации нет, читатель это понимает по косвенным признакам и сам делает вывод.

Изучение провокативной коммуникации на материале художественных произведений и публичного общения в условиях массовой коммуникации позволит определить маркеры социальных и личных отношений в обществе, выявить идеологические и социальные тенденции языковой картины мира определенной эпохи, отраженной в том или ином произведении и в разных сферах жизнедеятельности человека.

Таковы результаты сопоставительного описания феномена провокации в комических контекстах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Иссерс О.С.** Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.
2. **Козлов А.Е., Саженин И.И.** Провокативный дискурс как объект лингвистического анализа // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 142–155.
3. **Ионкина Е.Ю., Тихаева В.В.** Реализация коммуникативной тактики провокации в интервью-портрете: основные сценарии речевого поведения адресата (на материале немецкой прессы) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 71. С. 91–113.
4. **Степанов В.Н.** Провокативный дискурс массовой коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2005. 38 с.
5. **Середухина Т.А.** Провокация как коммуникативная неудача // Филология и искусствоведение. 2013. № 10. С. 314–323.
6. **Гиппенрейтер Ю.Б.** Введение в общую психологию. М.: Гнозис, 2000. 261 с.
7. **Кошкарова Н.Н.** Провокативное общение как разновидность конфликтного дискурса // Семантика и прагматика слова в художественном и публицистическом дискурсах: материалы IX Всероссийского научного семинара, Томск, 25–26 апреля 2008 г. Томск: Изд-во ЦНТИ, 2008. С. 140–145. URL: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/provokativnoe_obshhenie_kak_raznovidnost_konfliktного_diskursa_n_n_koshkarova/4-1-0-149 (дата обращения: 10.12.2023).
8. **Борев Ю.** Комическое // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. С. 145–148.
9. **Veatch T.C.** A Theory of Humor // Humor: International Journal of Humor Research. 2009. Vol. 11. № 2. P. 161–216.
10. **Martin R.A., Kuiper N.A.** Daily Occurrence of Laughter: Relationship with Age, Gender, and Type A Personality // Humor: International Journal of Humor Research. 1999. Vol. 12. P. 355–384.
11. **Attardo S., Hempelmann C., Di Maio S.** Script Oppositions and Logical Mechanisms: Modeling Incongruities and Their Resolutions // Humor: International Journal of Humor Research. 2002. Vol. 15. № 1. P. 3–46.
12. **Костерина А.Б., Конин Е.А.** Смех как провокация // Аналитика культурологи. 2015. Вып. 2 (32). URL: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/2036-смех-как-провокация.html> (дата обращения: 12.02.2024).
13. **Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В.** Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2008. 496 с.
14. **Белянин В.П.** Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М.: Тривола, 2000. 248 с.
15. **Тимошенко Е.И.** О приемах создания комического эффекта в ранних рассказах А.П. Чехова // Libri Magistri. 2020. № 2 (12). С. 79–91.
16. **Черницына Т.В.** Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В.М. Шукшина: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 26 с.

17. **Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А.** Стилистика русского языка: учебник. М.: Флинта, 2016. 464 с.
18. **Стексова Т.И.** Речевая агрессия в интернет-комментариях как проявление социальной напряженности // Политическая лингвистика. 2013. № 3 (45). С. 77–81.
19. **Шукшин В.М.** Собрание сочинений: в 6 т. Т. 3. М.: Молодая гвардия, 1993. 607 с.
20. **Берн Э.** Игры, в которые играют люди. М.: Эксмо, 2014. 1219 с.
21. **МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.** 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981–1984.
22. **Шеметова Т.Н.** Искусство провокации и идеальный провокатор // Обсерватория культуры. 2014. № 1. С. 11–17. URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/3/141> (дата обращения: 02.12.2019).
23. **Плеханова И.И.** Провокация в художественном сознании В. Шукшина: мотивы и пределы испытания смыслов // Филологический класс. 2020. Т. 25. № 1. С. 18–29. DOI 10.26170/FK20-01-02
24. **Матвеева И.В.** Культурный и образный мир языка писателя: на материале произведений Сергея Довлатова: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2004. 26 с.
25. **Хлупина М.А.** Особенности языковой личности С. Довлатова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 26 с.
26. **Шацкая М.Ф.** Релятивные пропозиции со значением ‘разделительность’ в условиях языковой игры // Известия ВГПУ. Серия: Педагогические науки. Филологические науки. Исторические науки. 2019. № 10 (143). С. 189–194.
27. **Lanin B.** The image of Women in the prose of Sergei Dovlatov // Woman and Russian Culture Project and Self-Perceptions Rosalind Marsh. New York; Oxford: Berghahn Books, 1998. URL: <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/slavic/wofam799.html> (дата обращения: 08.02.2024).
28. **Sukhrob M.** The Image of a Russian Intellectual in Immigration in the Work of S. Dovlatov // European International Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies. 2022. № 11. P. 184–187.
29. **Довлатов С.** Собрание сочинений: в 4 т. СПб.: Азбука-классика, 2005.
30. **Плотникова С.Н.** Комический дискурс // Аксиологическая лингвистика: игровое и комическое в общении: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2003. С. 162–172.
31. **Kazarian S.S.** Unveiling the Humor Mind of the – Starving Armenians: Literary and Internet Humor // Humor: International Journal of Humor Research. 2013. Vol. 26. № 2. P. 371–384.

REFERENCES

- [1] **Issers O.S.**, Strategiya rechevoy provokatsii v publichnom dialoge [The strategy of speech provocation in public dialogue], Russian Language and Linguistic Theory. 2 (18) (2009) 92–104.
- [2] **Kozlov A.Ye., Sazhenin I.I.**, Provokativnyy diskurs kak obyekt lingvisticheskogo analiza [Provocative discourse as an object of linguistic analysis], Bulletin of the Novosibirsk State Pedagogical University. 5 (27) (2015) 142–155.
- [3] **Ionkina Ye.Yu., Tikhayeva V.V.**, Realizatsiya kommunikativnoy taktiki provokatsii v intervyyu-portrete: osnovnyye stsennarii rechevogo povedeniya adresata (na materiale nemetskoj pressy) [Implementation of the communicative tactics of provocation in a portrait interview: the main scenarios of the addressee's speech behavior (based on the material of the German press)], Bulletin of Tomsk State University. Philology. 71 (2021) 91–113.
- [4] **Stepanov V.N.**, Provokativnyy diskurs massovoy kommunikatsii: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk [The provocative discourse of mass communication. Doct. philol. sci. diss], St. Petersburg, 2005.
- [5] **Seredukhina T.A.**, Provokatsiya kak kommunikativnaya neudacha [Provocation as a communicative failure], Philology and Art Criticism. 10 (2013) 314–323.
- [6] **Gippenreyter Yu.B.**, Vvedeniye v obshchuyu psikhologiyu [Introduction to general psychology], Gnosis, Moscow, 2000.
- [7] **Koshkarova N.N.**, Provokativnoye obshcheniye kak raznovidnost konfliktnogo diskursa [Provocative communication as a kind of conflict discourse], Semantics and Pragmatics of the Word in Artistic and Journalistic Discourses, Materials of the 9th All-Russian Scientific Seminar, Tomsk, 2008, pp. 140–145.

Available at: http://siberia-expert.com/publ/satti/stati/provokativnoe_obshhenie_kak_raznovidnost_konfliktnogo_diskursa_n_n_koshkarova/4-1-0-149 (accessed 10.12.2023).

[8] **Borev Yu.**, *Komicheskoye [Comical]*, Dictionary of Literary Terms, editors-compilers L.I. Timofeev and S.V. Turaev, Enlightenment, Moscow, 1974, pp. 145–148.

[9] **Veatch T.C.**, A Theory of Humor, *Humor: International Journal of Humor*. 11 (2) (2009) 161–216.

[10] **Martin R.A., Kuiper N.A.**, Daily Occurrence of Laughter: Relationship with Age, Gender, and Type A Personality, *Humor: International Journal of Humor Research*. 12 (1999) 355–384.

[11] **Attardo S., Hempelmann C., Di Maio S.**, Script Oppositions and Logical Mechanisms: Modeling Incongruities and Their Resolutions, *Humor: International Journal of Humor Research*. 15 (1) (2002) 3–46.

[12] **Kosterina A.B., Konin Ye.A.**, Smekh kak provokatsiya [Laughter as a provocation], *Cultural Studies Analytics*. 2 (32) (2015). Available at: <http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/2036-смех-как-провокация.html> (accessed 02.12.2024).

[13] **Babenko L.G., Kazarin Yu.V.**, *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta. Teoriya i praktika [Linguistic analysis of a literary text. Theory and practice]*, Flint, Nauka, Moscow, 2008.

[14] **Belyanin V.P.**, *Osnovy psikholingvisticheskoy diagnostiki. (Modeli mira v literature) [Fundamentals of psycholinguistic diagnostics. (Models of the world in literature)]*, Trivola, Moscow, 2000.

[15] **Timoshenko Ye.I.**, O priyemakh sozdaniya komicheskogo effekta v rannikh rasskazakh A.P. Chekhova [On the techniques of creating a comic effect in the early stories of A.P. Chekhov], *Libri Magistri*. 2 (12) (2020) 79–91.

[16] **Chernitsyna T.V.**, *Kommunikativnyye strategii pokhvaly i poritsaniya v idiosincryze V.M. Shukshina: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Communicative strategies of praise and blame in the idiosyncrasy of V.M. Shukshin. Cand. philol. sci. diss.]*, Volgograd, 2013.

[17] **Kozhina M.N., Duskayeva L.R., Salimovskiy V.A.**, *Stilistika russkogo yazyka: uchebnyy [Stylistics of the Russian Language: textbook]*, Flinta, Moscow, 2016.

[18] **Steksova T.I.**, Rechevaya agressiya v internet-kommentariyakh kak proyavleniye sotsialnoy napryazhennosti [Speech aggression in Internet comments as a manifestation of social tension], *Political Linguistics*. 3 (45) (2013) 77–81.

[19] **Shukshin V.M.**, *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, in 6 vols., Vol. 3, Molodaya gvardiya, Moscow, 1993.

[20] **Bern E.**, *Igry, v kotoryye igrayut lyudi [Games People Play]*, Eksmo, Moscow, 2014.

[21] **MAS – Slovar russkogo yazyka [MAS – Dictionary of the Russian Language]**, in 4 vols., ed. by A.P. Evgenieva, Russian language, Moscow, 1981–1984.]

[22] **Shemetova T.N.**, *Iskusstvo provokatsii i idealnyy provokator [The art of provocation and the ideal provocateur]*, *Observatory of Culture*. 1 (2014) 11–17. Available at: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/3/141> (accessed 02.12.2019).

[23] **Plekhanova I.I.**, *Provokatsiya v khudozhestvennom soznanii V. Shukshina: motivy i predely ispytaniya smyslov [Provocation in the artistic consciousness of V. Shukshin: motives and limits of the test of meanings]*, *Philological Class*. 25 (1) (2020) 18–29. DOI 10.26170/FK20-01-02

[24] **Matveyeva I.V.**, *Kulturnyy i obraznyy mir yazyka pisatelya: na materiale proizvedeniy Sergeya Dovlatova: avtoreferat dis. ... kandidata filologicheskikh nauk [The cultural and imaginative world of the writer's language: Based on the works of Sergei Dovlatov. Cand. philol. sci. diss.]*, Orel, 2004.

[25] **Khlopina M.A.**, *Osobennosti yazykovoy lichnosti S. Dovlatova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [Features of the linguistic personality of S. Dovlatov. Cand. philol. sci. diss.]*, Moscow, 2015.

[26] **Shatskaya M.F.**, *Relyativnyye propozitsii so znacheniyem 'razdelitelnost' v usloviyakh yazykovoy igry [Relational propositions with the meaning of 'separateness' in the context of a language game]*, *News of the VSPU. Series: Pedagogical Sciences. Philological sciences. Historical sciences*. 10 (143) (2019) 189–194.

[27] **Lanin B.**, *The image of Women in the prose of Sergei Dovlatov, Woman and Russian Culture Project and Self-Perceptions Rosalind Marsh*, Berghahn Books, New York, Oxford, 1998. Available at: <http://www.lib.uchicago.edu/e/su/slavic/wofam799.html> (accessed 08.02.2024).

[28] **Sukhrob M.**, *The image of a russian intellectual in immigration in the work of s. Dovlatov*, *European International Journal of Multidisciplinary Research and Management Studies*. 11 (2022) 184–187.

[29] **Dovlatov S.**, *Sobraniye sochineniy [Collected Works]*, in 4 vols., ABC Classics, St. Petersburg, 2005.

30. **Plotnikova S.N.**, *Komicheskyy diskurs // Aksiologicheskaya lingvistika: igrovoye i komicheskoye v obshchenii: sb. nauch. tr. [Comic discourse, Axiological linguistics: gaming and comic in communication: collection of scientific works]*, Peremena, Volgograd, 2003, pp. 162–172.

31. **Kazarian S.S.**, Unveiling the Humor Mind of the – Starving Armenians: Literary and Internet Humor, *Humor: International Journal of Humor Research*. 26 (2) (2013) Pp. 371–384.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Шацкая Марина Федоровна

Marina F. Shatskaya

E-mail: marina.schatzckaya@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0002-8595-4756>

Черницына Татьяна Владимировна

Tatyana V. Chernitsyna

E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-9661-5904>

Поступила: 14.03.2024; Одобрена: 22.04.2024; Принята: 29.05.2024.

Submitted: 14.03.2024; Approved: 22.04.2024; Accepted: 29.05.2024.

Научная статья

УДК 811.111

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15309>

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ СОЗДАНИЯ ИМИДЖА ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННЫХ МЕДИА (НА ПРИМЕРЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КАЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ)

Л.И. Шрамко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

[✉ l.shramko@spbu.ru](mailto:l.shramko@spbu.ru)

Аннотация. В настоящее время средства массовой информации активно реализуют функцию пропаганды, отражая определенные политические идеи и воззрения. Объектом исследования в данной статье является политический дискурс качественной прессы, представленный в рубриках “Opinion”, “Politics” и “Editorial” англоязычных изданий за период с начала 2022 года по апрель 2024 года. В статье показывается, что благодаря сложившейся репутации надежного поставщика информационных сведений качественная пресса играет значительную роль в современном медиапространстве, активно включаясь в актуальные политические противостояния и осуществляя манипулятивное воздействие на читателей. Цель исследования заключалась в поиске и описании дискурсивных стратегий и тактик, что используют англоязычные издания качественной прессы, когда осуществляют пропагандистское воздействие ради формирования и поддержания позитивного или негативного имиджа того или иного политического деятеля. Анализ фактического материала осуществлялся методом критического дискурс-анализа, также применялась теория семантических полей. Полученные автором результаты свидетельствуют о том, что позитивный имидж политика в политическом дискурсе качественной прессы создается преимущественно с использованием стратегии «на повышение», которая реализуется в большинстве случаев тактикой презентации, направленной на подчеркивание положительных качеств и действий субъекта. В качестве же основных дискурсивных стратегий, применяемых при создании негативного медиаимиджа, можно отметить стратегию «на понижение», которая представлена тактиками обвинения и оскорбления. В статьях изданий качественной прессы также делаются негативные прогнозы в связи с действиями политических деятелей или событиями, что подталкивает читателей проецировать отрицательное впечатление о конкретных действиях того или иного политика на общее представление о нем. Использование стратегии создания фантомной угрозы позволяет изданию противопоставить политика своему электорату, тем самым лишая его поддержки избирателей. Проведенное исследование доказывает, что оказание эффективного манипулятивного воздействия на представление о политическом деятеле в глазах общественности делает качественную прессу серьезным инструментом в осуществлении политической борьбы.

Ключевые слова: качественная пресса, критический дискурс-анализ, семантическое поле, медиаимидж, манипулятивность, стратегия, политический дискурс.

Для цитирования: Шрамко Л.И. Стратегии и тактики создания имиджа политика в современных медиа (на примере англоязычной качественной прессы) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15309

STRATEGIES AND TACTICS OF CREATING A POLITICIAN'S IMAGE IN THE MODERN MEDIA (ON THE EXAMPLE OF ENGLISH-SPEAKING QUALITY PRESS)

L.I. Shramko

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation

 l.shramko@spbu.ru

Abstract. Nowadays all media sources are employed as an effective source of propaganda broadcasting certain political ideas and issues. The paper views the texts of quality press editions belonging to the political discourse which can be found in the sections “Opinion”, “Politics”, and “Editorial” published from the beginning of 2022 till April 2024. In the paper, we prove that due to a well-established reputation of a reliable information provider quality press is one of the key players in the present media market as it is actively involved in the most current political events, taking an active part in forming and maintaining politician’s media image, and manipulating the public opinion. The research aims at identifying and describing discursive strategies and tactics that are employed for forming and maintaining the positive or negative image of a politician in the English-speaking quality press. The analysis of text was carried out with the help of critical discourse analysis method, the theory of semantic fields was also used for viewing and describing the texts we analyzed. The results that the author obtained suggest that “intensify” strategy is used to present a favorable image. Presentation tactics aimed at highlighting the positive qualities and actions is often used for implementation of “intensify” strategy. “Downplay” strategy implemented by accusation and offense tactics is often used for creating a negative media image. Quality press papers tend to publish negative forecasts about the actions of political leaders or the results of their work, that can cause the negative evaluation of such events that can consequently cast a certain unfavorable influence on the general assessment of the politician’s image. The strategy of phantom threat creates a gap between politicians and other people, depriving political leaders of the support of their electorate. The research proves that the ability to cast a significant manipulative influence on the image of a politician makes quality press an effective tool in political battles.

Keywords: quality press, critical discourse analysis, semantic field, media image, manipulation, strategy, political discourse.

Citation: Shramko L.I., Strategies and tactics of creating a politician’s image in the modern media (on the example of English-speaking quality press), *Terra Linguistica*, 15 (3) (2024) 99–108. DOI: 10.18721/JHSS.15309

Введение

В настоящее время мир политики, как и многие другие сферы современной жизни, медиаориентирован и диджитализирован, что полностью соответствует глобальной тенденции «цифровизации общественно-политической жизни» [1, с. 121; 2]. Вследствие этого современный политический деятель представляет собой своеобразный медиапроект, поскольку его имидж формируется в цифровом пространстве с помощью широкого спектра доступных медиаресурсов, как известных и традиционных (теле- и радиотрансляции, пресса, рекламные вывески и раздаточные материалы), так и современных и популярных (социальные сети, каналы в известных мессенджерах, подкасты и пр.). В рамках данной статьи будут представлены результаты исследования роли качественной прессы в создании имиджа политика.

Необходимо уточнить, что термин «качественная пресса» традиционно используется для описания изданий, которые позиционируют себя в качестве «самостоятельного социального института» [3, с. 58], формирующего как общественное мнение, так и ценностные ориентиры. Подобного

рода издания нацелены на критически мыслящую и высокообразованную читательскую аудиторию, сотрудничают с уважаемыми и профессиональными журналистами и экспертами в различных областях, а также стремятся подчеркнуть собственную независимую редакционную позицию, выражающуюся в виде комплексного и всестороннего представления наиболее актуальной информации и кажущегося объективизма в ее изложении [4–10].

Исследователями также отмечается, что качественной прессе присуща манера подачи материала, при которой изданием предоставляется аргументированное изложение определенного видения некоего события, однако поддерживается иллюзия отсутствия нацеленного воздействия или настойчивого навязывания определенного мнения¹.

Следует отметить, что, хотя прессу и считают традиционным и, как отмечают некоторые, несколько устаревшим медиаресурсом, тем не менее она в настоящее время продолжает быть достаточно влиятельным средством воздействия на мнение широких масс и формирование образа политика в глазах общественности.

Издавания качественной прессы успешно освоили цифровое медиапространство путем создания своих интернет-версий, включающих в себя такие наиболее современные и популярные средства, как подкаст, видео- и аудиOVERсии публицистических материалов, что позволило значительно расширить потенциальную читательскую аудиторию. Таким образом, качественная пресса, которую иногда называют «мощным информационным оружием» [11, с. 276], продолжает быть важным средством оказания влияния на общественное мнение по актуальным проблемам современного мира, а также остается серьезным ресурсом, оповещающим о действиях, высказываниях и, собственно, жизни конкретного политика, чьи известность и авторитет в настоящее время зависят от уровня одобрения или поддержки широкими массами [12].

Целью проведенного исследования являлись исследование степени вовлеченности качественной прессы в построение медиаимиджа политических деятелей, а также анализ стратегий и тактик, преимущественно используемых при создании позитивного или негативного впечатления о том или ином политике у читательской аудитории.

Материал и методология исследования

Материалом представленного в статье исследования послужили образцы политического дискурса из ряда англоязычных изданий, которые соответствуют упомянутым ранее признакам, составляющим определение качественной прессы, – The Washington Post, The Guardian, The New York Times. Корпус текстового материала для анализа создавался методом сплошной выборки из статей вышеупомянутых изданий, входящих в рубрики “Opinion”, “Politics” и “Editorial”, поскольку именно в данных разделах заключено большинство образцов политического дискурса, представленного в качественной прессе. Среди критериев, которые применялись при отборе текстового материала, необходимо отметить тематику, направленную на отражение действий или событий в области политики, деятельности политических лидеров, и описание политической борьбы. Также учитывалось присутствие эксплицитно или имплицитно представленной оценочности, направленной на создание у читателя необходимого впечатления об описываемом, и манипулятивного характера дискурса.

Временные рамки исследования охватывают образцы политического дискурса, опубликованные в период с января 2022 года по апрель 2024 года.

Исследование материала проводилось методом критического дискурс-анализа. Также при рассмотрении и описании текстового материала применялась теория семантических полей.

Поскольку в рамках изучения и анализа текстов предусматривалось рассмотрение дискурсивных стратегий – комплекса коммуникативных действий, направленных на воплощение неких «глобальных» коммуникативных задумок и идей [13–17], и тактик – практических методов их

¹ Реснянская Л.Л. Типологическая структура общероссийских газетных изданий // Типология периодической печати: учеб. пособие / под ред. М.В. Шкондина, Л.Л. Реснянской. М.: Аспект Пресс, 2009. С. 47–60.

реализации [14, 16], исследование основывалось на классификации дискурсивных стратегий, разработанной О.Л. Михалевой [18].

Результаты исследования и обсуждение

Проведенный анализ выбранных образцов политического дискурса, представленного в рубриках “Opinion”, “Politics” и “Editorial” англоязычной качественной прессы, свидетельствует об активной вовлеченности данных изданий в пропагандистскую деятельность. Под пропагандой мы понимаем оказание «систематического и целенаправленного воздействия на общественное сознание» [19, с. 22]. Следует отметить, что в настоящее время наблюдается отход от реализации ведущей стратегии информативности, изначально характерной для изданий качественной прессы, вследствие чего очевидно смещение акцента на реализацию манипулятивной стратегии [17, 20].

Тексты изданий отражают и поддерживают политические идеи и предпочтения их владельцев и тех политических кругов, которым они симпатизируют. Пропаганда в настоящее время также является важным элементом построения медиаимиджа политика.

Анализ текстового материала показывает, что для создания позитивного имиджа политического деятеля в качественной прессе активно используется так называемая стратегия «на повышение» [18]. Данная стратегия реализуется в большинстве случаев тактикой презентации, предполагающей описание действий субъекта в позитивном ключе и нацеленной на создание положительного впечатления у аудитории о действиях неких субъектов политического процесса или об их позиции [18] или, что характерно для большого количества статей с использованием этой тактики, — на формирование эмоций сопереживания.

При описании действий либеральных демократов и их лидера сэра Эда Дейви относительно возможности реформирования системы здравоохранения в Соединенном Королевстве газета The Guardian использует тактику презентации.

Пример 1

Sir Ed made this *promise* more **believable** because of how he *dealt with bewildering childhood tragedy*. He *lost his father and mother to cancer before he was 16*. He also *has a disabled son*. *It is hard not to see his backstory in Lib Dem policies*. Casting the Lib Dems as the party of the NHS is bold but **credible** — given that a Liberal, William Beveridge, can claim to have invented it. <...> That’s not the way to fix it. By recognizing this issue — and outgoing **solution** — the Lib Dems will force their bigger rivals to deal with it².

Издание описывает Эда Дейви как человека, который сам пережил трагедию потери родителей в детстве из-за несовершенства национальной системы здравоохранения, также упоминаются проблемы со здоровьем у его сына. Как видно из примера 1, такого рода презентация является несомненной попыткой вызвать сочувствие и сопереживание у аудитории. Автором текста подчеркивается нацеленность партии и ее лидера на совершенствование системы оказания медицинской помощи, упоминаются традиции участия этой партии в создании системы здравоохранения, указывается, что именно эта партия, возглавляемая данным политическим лидером, может решить проблему. Вся выделенная в тексте приведенного примера лексика: **believable** (capable of being believed especially as within the range of known possibility or probability³), **credible** (offering reasonable grounds for being believed or trusted⁴), **solution** (an action or process of solving a problem⁵) — обладает положительно окрашенным коннотативным значением, направленным на подчеркивание таких

² The Guardian view on the Liberal Democrats: a strategy to help oust the Tories: Editorial // The Guardian. 26.09.2023. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2023/sep/26/the-guardian-view-on-the-liberal-democrats-a-strategy-to-help-oust-the-tories> (дата обращения: 15.04.2024).

³ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/believable> (дата обращения: 17.06.2024).

⁴ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/credible> (дата обращения: 17.06.2024).

⁵ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/solution> (дата обращения: 17.06.2024).

хороших качеств человека, как способность вызвать заслуженное доверие, решить проблемы, и создает позитивный имидж описываемого, оказывая несомненное влияние на читателя и производя впечатление, что если издание хвалит политика, то, значит, действительно по делу, и такому человеку можно доверять.

Как видно из примера 1, при применении тактики презентации в качественной прессе особый акцент делается на использовании позитивно окрашенной лексики. Можно увидеть повторение лексических единиц, относящихся к определенному семантическому полю, например «доверие», при презентации того или иного политического деятеля. Таким образом осуществляется манипулятивное воздействие на читателя, который по замыслу применяющих тактику презентации авторов статьи должен проникнуться доверием к описываемому политическому деятелю и вследствие возникшего позитивного отношения поддержать позицию и действия политика. Таким образом реализуется пропаганда тех или иных политических взглядов, ценностей и направлений, которые ассоциируются с определенной политической фигурой.

Так, применяя тактику презентации при описании президента США Джо Байдена, издания очень часто используют лексику, относящуюся к семантическому полю “American Values” (американские ценности): *democracy, freedom, citizens (-ship)* и др., что видно в примере 2.

Пример 2

As a candidate for president in 2020, Biden centered *democracy in his campaign pitch*, castigating Trump as a unique threat to the *American experience*. Since taking office, he has tried to use the bully pulpit to remind Americans of the ongoing threats to *democracy* in the United States and rally *citizens* to protect it.

Although Thursday’s speech was an official White House event, the president made clear *protecting democracy will also be a central theme of his reelection campaign*⁶.

При описании президентских кампаний Байдена как 2020 года, так и 2024-го во главу угла ставится его приверженность ценностям демократии, поэтому слово *democracy* (government by people; a government in which the supreme power is vested in the people and exercised by them directly or indirectly through a system of representation usually involving periodically held free elections⁷) упоминается практически в каждом предложении (с очень сильными словами действия *centered, protecting*). Такого рода повторение фактически должно убедить читателя, что именно Джо Байден и олицетворяет все демократические ценности, в противовес Дональду Трампу, который представляет для них угрозу. Даже то постоянство, с которым Джо Байден концентрирует внимание избирателей на своей поддержке демократических свобод как в первой, так и во второй избирательной кампании, по задумке авторов статьи должно быть позитивно оценено читателем.

Одной из ключевых тенденций в современной англоязычной и, в частности, американской качественной прессе является ангажированное и одностороннее представление информации о тех политиках, которые являются оппонентами поддерживаемых изданием политических кругов. Подобного рода подача материала особенно часто применяется для формирования отрицательного впечатления об этих политиках и является одним из наиболее серьезных факторов манипулятивного воздействия, оказываемого в настоящее время качественной прессой.

Среди стратегий, представленных при формировании негативного имиджа политика, необходимо подчеркнуть особую роль стратегии создания фантомной угрозы (согласно определению, эта стратегия предусматривает создание образа врага путем моделирования исходящей от субъекта политического противостояния угрозы, направленной на «своих», т.е. внутривнутриполитической угрозы) [21]. Особым маркером фокусирования значения угрозы в ткани текста является, прежде

⁶ Pager T., Sanchez Y.W. Biden delivers unusually sharp rebuke of Trump on democracy // The Washington Post. 28.09.2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/09/28/biden-mccain-library-arizona-democracy/> (дата обращения: 11.03.2024).

⁷ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/democracy> (дата обращения: 18.06.2024).

всего, максимально концентрированное использование лексических единиц со сходной семантикой угрозы: *threat, danger, revenge* [21].

Издания особенно активно применяют стратегию создания фантомной угрозы для поддержания негативного имиджа Дональда Трампа в период его второй предвыборной кампании. Рассмотрим ряд примеров из материалов газеты *The Washington Post*.

Пример 3

If he wins reelection, former president Donald Trump will probably **seek revenge** on his political **enemies**. He remains the front-runner, but it's unclear how that **message of retribution** will play with the general electorate⁸.

Пример 4

Donald Trump has promised a presidency of “**retribution**” if he wins another term in office. Many Republicans **fear** they might face the brunt of it. The former president has **threatened** to have donors to his Republican opponent Nikki Haley “permanently barred” from his orbit⁹.

В примерах 3 и 4 издание выражает опасения, что Дональд Трамп будет мстить своим политическим оппонентам, считает, что возмездие является основной целью его попыток вернуться на политический Олимп, и выражает сомнение в том, что подобного рода нацеленность на месть будет поддержана электоратом. При реализации стратегии создания фантомной угрозы используется эмоционально насыщенная лексика семантических полей «угроза» (**threatened**) (to threaten – to utter threats, to portend evil¹⁰), **enemies** (enemy – one that is antagonistic to another; one seeking to injure, overthrow, or confound an opponent; something harmful or deadly¹¹), **fear** (an unpleasant often strong emotion caused by anticipation or awareness of danger¹²), «месть» (**retribution**) (something given or exacted in recompense, especially: punishment¹³), *revenge* (a desire for vengeance or retribution¹⁴), и она направлена на внутреннего врага, поскольку политические противники Дональда Трампа также являются гражданами США. Создается однозначная негативная оценка субъекта (Дональда Трампа), что не может не сказаться на его имидже политика.

Следует отметить, что подобного рода применение стратегии создания фантомной угрозы СМИ в целях реализации пропагандистского воздействия на аудиторию способно негативно сказаться на внутривнутриполитическом климате в стране и способствовать дальнейшему «расколу» и поляризации общества.

Для создания негативного имиджа того или иного политика также используется стратегия «на понижение», нацеленная на критику и ослабление позиций оппонента [18]. В большинстве случаев данная стратегия реализуется тактиками обвинения и оскорбления [18].

Пример 5

Trump's wisdom *makes him flinch from debating Nikki Haley*. Readers who did not see her combative, soaring Tuesday night speech can do so on YouTube. They will then recognize that his **wisdom is a coward's caution**¹⁵.

⁸ Trump wants revenge in 2024 // *The Washington Post*. 09.01.2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/podcasts/post-reports/trump-wants-revenge-in-2024/> (дата обращения: 28.05.2024).

⁹ Dawsey J., Scherer M. Republicans fear they will be targets in Trump's 'retribution' campaign // *The Washington Post*. 06.02.2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2024/02/06/trump-revenge-republicans/> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁰ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/threaten> (дата обращения: 18.06.2024).

¹¹ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/enemy> (дата обращения: 18.06.2024).

¹² Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/fear> (дата обращения: 18.06.2024).

¹³ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/retribution> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁴ Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/revenge> (дата обращения: 18.06.2024).

¹⁵ Will G.F. Trump would drain the South Carolina wallets that Haley helped fill // *The Washington Post*. 24.01.2024. URL: <https://www.washingtonpost.com/opinions/2024/01/24/trump-haley-republican-primaries/> (дата обращения: 17.05.2024).

Так, в примере 5 газета The Washington Post обвиняет Дональда Трампа в уклонении от дебатов с его главным конкурентом по внутривнутрипартийной борьбе Никки Хейли перед республиканскими внутривнутрипартийными выборами и фактически позволяет себе оскорбление, называя Трампа трусом из-за нежелания в них участвовать. Подобного рода обвинения и оскорбительные ремарки также должны испортить имидж политика в глазах читателей.

Еще одной важной стратегией, которая используется при создании негативного имиджа политика, является стратегия осуществления «персуазивных прогнозов» [22–24]. При ее реализации авторы представляют ряд не подкрепленных фактами или весомой аргументацией утверждений о действиях, поведении, высказываниях того или иного политического деятеля или о результатах его действий. Данная стратегия преимущественно реализуется тактиками негативного прогнозирования [23, 24] и утверждения.

Иногда издание представляет собственное мнение, также часто представляет мнение поддерживаемых политиков, как в примере 6, где показано использование газетой The Washington Post тактики утверждения и негативного прогнозирования в материале “Biden warns ‘equality and democracy under assault,’ calls Trump by name”.

Пример 6

Biden called Trump out by name before detailing what he described as his anti-democratic behavior: relentless attacks on the press, praise for the Jan. 6 U.S. Capitol attackers, *plans to consolidate power in the executive branch and a desire to fire civil servants who are not sufficiently loyal to him*¹⁶.

Издание передает утверждение президента Джо Байдена о планах Дональда Трампа существенно усилить исполнительную власть и о возможной мести со стороны последнего нелояльным ему госслужащим в случае его прихода к власти. Также утверждается, что действия Трампа в отношении прессы, его высказывания являются антидемократическими. Подобного рода картина будущего, представленная газетой, нацелена на провоцирование отрицательных эмоций у читателя, что неизбежно приведет к проецированию этих чувств на Дональда Трампа и к негативной оценке данного политика.

Следует отметить, что приведенные примеры реализации стратегий и тактик манипулятивного воздействия в политическом дискурсе качественной прессы однозначно свидетельствуют об «общем модусе семантической поляризации» [25], присущем современному обществу, и «жестко регулируются дихотомией Мы/Они» [25]. Данное противопоставление особенно характерно при применении стратегий «на повышение» и «на понижение», нацеленных на одностороннее исключительно позитивное или сугубо негативное представление информации о политическом деятеле, а также для стратегии создания фантомной угрозы, при реализации которой происходит искусственное противопоставление политика своему электорату.

Заключение

В настоящее время все усиливающееся использование манипулятивных стратегий всеми средствами массовой информации свидетельствует об их активном участии в политической деятельности как на региональном уровне, так и в мировом масштабе. Качественная пресса благодаря своему авторитету и созданной ранее репутации кажущегося объективизма в изложении материала играет значительную роль в осуществлении современной пропаганды. Издания качественной прессы включаются в ведение политической борьбы путем формирования позитивного или негативного имиджа политического деятеля в умах своих читателей посредством публикации в рубриках “Opinion”, “Politics” и “Editorial” статей, содержащих оценочную и эмоциональную составляющие и имеющих ярко выраженный манипулятивный характер.

¹⁶ Biden warns ‘equality and democracy are under assault,’ calls out Trump by name // The Washington Post. 01.09.2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2022/09/01/biden-democracy-republican-extremists-trump/> (дата обращения: 11.03.2024).

Проведенный анализ текстового материала показывает, что в современной качественной прессе для создания позитивного образа политика обычно используется положительно окрашенная стратегия «на повышение», представленная в виде тактики презентации. Для формирования негативного имиджа авторы активно прибегают к использованию стратегии «на понижение», реализованной тактиками обвинения и оскорбления, к стратегии фантомной угрозы, а также к стратегии создания «персуазивных прогнозов», которая осуществляется путем применения тактик утверждения и негативного прогнозирования. Понимание особенностей реализации данных стратегий позволит читателю критически осмысливать тексты политического дискурса и составить собственное мнение о деятельности того или иного персонажа политического противостояния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Коньков А.Е.** Политический дискурс в условиях расширения цифрового пространства // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. 2019. Т. 1, вып. 14. С. 119–121.
2. **Алексеев А.В.** Структурные и прагматические особенности директивного гипертекста (на материале хэштегов протестного движения Occupy Wall Street) // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 1. С. 7–19. DOI: 10.18721/JHSS.15101
3. **Никонова Е.А.** Жанр «аналитическая статья» (на примере текстов аналитической качественной прессы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12, № 2. С. 43–47. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.9
4. **Никонова Е.А.** Жанр editorial в англоязычной качественной прессе // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2022. Вып. 3 (221). С. 56–66. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-3-56-66
5. **Druckman J.N., Parkin M.** The impact of media bias: How editorial slant affects voters // The Journal of Politics. 2005. Vol. 67. No. 4. P. 1030–1049.
6. **Norris P.** On message: Communicating the campaign, Thousand Oaks, CA; London, U.K.: SAGE. 1999. 224 p.
7. **Kahn K.F., Kenney P.J.** The slant of the news: How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens' views of candidates // American Political Science Review. 2002. Vol. 96 (2). P. 381–394. DOI: 10.1017/S0003055402000230
8. **Плутник А.** Служители культа безличностей // Журналистика и медиарынок. 2009. № 6. URL: http://www.jourmedia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=104:2010 (дата обращения: 13.05.2024).
9. **Прытков А.В.** Качественная и бульварная пресса в системе СМИ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 2. С. 211–215.
10. **Шишкина Н.И.** Критерии качества средств массовой информации: теоретико-методологическая база // Труды БГТУ. Серия 4: Принт- и медиатехнологии. 2021. № 1 (243). С. 27–33. DOI: 10.52065/2520-6729-2021-243-1-27-33
11. **Разоренов Д.А., Акимцева Ю.В.** Лингвистические особенности качественной и популярной прессы Великобритании // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 276–283.
12. Связи с общественностью в политике и государственном управлении / под общ. ред. В.С. Комаровского. М.: РАГС, 2001. 519 с.
13. **Шейгал Е.** Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 326 с.
14. **Иссерс О.С.** Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1999. 284 с.
15. **Шмелева Е.С.** Когнитивные механизмы и прагматический потенциал лингвокреативности (на материале The Economist) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, вып. 3. С. 78–86. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86
16. **Malyuga E.N.** Communicative Strategies and Tactics of Speech Manipulation in Intercultural Business Discourse // Training, Language and Culture. 2017. Vol. 1. Iss. 1. P. 28–45.

17. Глушко В.В., Убушаева И.В. Средства реализации стратегии диффамации в политическом дискурсе // Вестник Калмыцкого университета. 2023. № 2 (58). С. 50–57. DOI: 10.53315/1995-0713-2023-58-2-50-57
18. Михалева О.Л. Политический дискурс: специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2008. 256 с.
19. Пропагандистский дискурс в условиях цифровизации / под ред. В.А. Ачкасовой, Г.С. Мельник. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2023. 424 с.
20. Балахонская Л.В., Сергеева Е.В. Стратегия манипулирования в предвыборном дискурсе // Семиотико-семасиологическое измерение политического дискурса: Коллективная монография / под науч. ред. Н.А. Боженковой, П.А. Катышева. М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2021. С. 82–102.
21. Молодыхенко Е.Н. Текстовое моделирование образа врага в истории и политике (на материале текстов политического дискурса США) // Политическая лингвистика. 2012. № 4 (42). С. 145–156.
22. Лисиуткина И.С. О речевой тактике негативного прогнозирования используемой в рамках стратегии дискредитации // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 6. С. 200–205. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/06/Lisiutkina.pdf> (дата обращения: 12.05.2024).
23. Байкулова А.Н. Персуазивные прогнозы и сценарии в массмедийном политическом дискурсе (функции и средства выражения) // Медиалингвистика. 2017. № 1 (16). С. 31–39.
24. Данкова Н.С., Дубровская Т.В. Стратегия прогнозирования как средство репрезентации судебной власти в СМИ (на материале российских и английских газет) // Научные ведомости. Серия: Гуманитарные науки. 2016. № 21 (242). Вып. 31. С. 90–97.
25. Белошицкая Н.Н. Анализ антииммиграционного дискурса с позиции критического дискур-анализа // Филология: научные исследования. 2019. № 1. С. 66–74. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.1.28882. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28882 (дата обращения: 22.06.2024).

REFERENCES

- [1] Konkov A.Ye., Politicheskiy diskurs v usloviyakh rasshireniya tsifrovogo prostranstva [Political discourse in the context of expanding digital space], Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: trends and development prospects], 1 (14) (2019) 119–121.
- [2] Alekseyev A.V., Structural and pragmatic features of directive hypertext (on the basis of the hashtags of Occupy Wall Street protest movement), Terra Linguistica, 15 (1) (2024) 7–19. DOI: 10.18721/JHSS.15101
- [3] Nikonova Ye.A., “Analytical Article” Genre (by the Example of Texts of the English-Language Quality Press), Philology. Theory & Practice, 12 (2) (2019) 43–47 DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.9
- [4] Nikonova Ye.A., “Editorial” as a Genre of English Broadsheets, Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 3 (221) (2022) 56–66. DOI: 10.23951/1609-624X-2022-3-56-66
- [5] Druckman J.N., Parkin M., The impact of media bias: How editorial slant affects voters, The Journal of Politics, 67 (4) (2005) 1030–1049.
- [6] Norris P., On message: Communicating the campaign, SAGE, Thousand Oaks, CA, London, U.K., 1999.
- [7] Kahn K.F., Kenney P.J., The slant of the news: How editorial endorsements influence campaign coverage and citizens’ views of candidates, American Political Science Review, 96 (2) (2002) 381–394. DOI: 10.1017/S0003055402000230
- [8] Plutnik A., Sluzhiteli kulta bezlichnostei [Servants of the cult of impersonality], Zhurnalistika i mediarynok [Journalism and media market], 6 (2009). Available at: http://www.jourmedia.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=104:2010 (accessed 13.05.2024).
- [9] Prytkov A.V., Kachestvennaya i bulvarnaya pressa v sisteme SMI [Quality and tabloid press in the media system], Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Bulletin of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism], 2 (2011) 211–215.
- [10] Shishkina N.I., Quality criteria of mass media: theoretical and methodological basis, Proceedings of BSTU. Series 4: Print- and Mediatechnologies, 1 (243) (2021) 27–33. DOI: 10.52065/2520-6729-2021-243-1-27-33

- [11] **Razorenov D.A., Akimtseva Yu.V.**, Lingvisticheskiye osobennosti kachestvennoy i populyarnoy pressy Velikobritanii [Linguistic features of the quality and popular press in Great Britain], Bulletin of Tula State University. Film Humanities, 2 (2014) 276–283.
- [12] Svyazi s obshchestvennostyu v politike i gosudarstvennom upravlenii [Public relations in politics and public administration], ed. by V.S. Komarovskiy, RAGS, Moscow, 2001.
- [13] **Sheygal Ye.**, Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse], Gnozis, Moscow, 2004.
- [14] **Issers O.S.**, Kommunikativnyye strategii i taktiki russkoĭ rechi [Communication strategies and tactics of Russian speech], Omsk State University Publ., Omsk, 1999.
- [15] **Shmeleva Ye.S.**, Cognitive Mechanisms and Pragmatic Potential of Linguistic Creativity (as exemplified in The Economist), Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 18 (3) 78–86. DOI: 10.25205/1818-7935-2020-18-3-78-86
- [16] **Malyuga E.N.**, Communicative Strategies and Tactics of Speech Manipulation in Intercultural Business Discourse, Training, Language and Culture, 1 (1) (2017) 28–45.
- [17] **Glushko V.V., Ubushayeva I.V.**, Means of Implementing the Defamation Strategy in Political Discourse, Bulletin of Kalmyk University, 2 (58) (2023) 50–57. DOI: 10.53315/1995-0713-2023-58-2-50-57
- [18] **Mikhaleva O.L.**, Politicheskii diskurs: spetsifika manipulyativnogo vozdeĭstviya [Political discourse: specifics of manipulative influence], Librokom, Moscow, 2008.
- [19] Propagandistskiy diskurs v usloviyakh tsifrovizatsii [Propaganda discourse in the context of digitalization], ed. by V.A. Achkasovaya, G.S. Melnik, St. Petersburg University Publ., St. Petersburg, 2023.
- [20] **Balakhonskaya L.V., Sergeyeva Ye.V.**, Strategiya manipulirovaniya v predvybornom diskurse [Manipulation strategy in election discourse], Semiotiko-semasiologicheskoye izmereniye politicheskogo diskursa: Kollektivnaya monografiya [Semiotic-semasiological dimension of political discourse: Collective monograph], ed. by red. N.A. Bozhenkova, P.A. Katyshev, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, 2021, pp. 82–102.
- [21] **Molodychenko Ye.N.**, Tekstovoye modelirovaniye obraza vraga v istorii i politike (na materiale tekstov politicheskogo diskursa SShA) [Textual modeling of the image of the enemy in history and politics (based on texts of US political discourse)], Political Linguistics, 4 (42) (2012) 145–156.
- [22] **Lisyutkina I.S.**, On identifying the tactics of negative forecasting implemented as part of a discrediting strategy, Humanitarian Scientific Bulletin, 6 (2020) 200–205. Available at: <http://naukavestnik.ru/doc/2020/06/Lisyutkina.pdf> (accessed 12.05.2024).
- [23] **Baĭkulova A.N.**, Persuasiveness forecasts and scenarios of the mass media in the political discourse (functions and means of expression), Media Linguistics, 1 (16) (2017) 31–39.
- [24] **Dankova N.S., Dubrovskaya T.V.**, The Strategy of Forecasting as a Means of Constructing Judicial Power in the Mass Media (Based on Russian and English Newspapers), Scientific Bulletins. Humanitarian Sciences, 21 (242 (31)) (2016) 90–97.
- [25] **Beloshitskaya N.N.**, Analysis of Anti-Migration Discourse from the Point of View of the Critical Discourse-Analysis, Philology: scientific research, 1 (2019) 66–74. DOI: 10.7256/2454-0749.2019.1.28-882. Available at: URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=28882 (accessed 22.06.2024).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT AUTHOR

Шрамко Людмила Игоревна

Ludmila I. Shramko

E-mail: l.shramko@spbu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6841-2269>

Поступила: 31.05.2024; Одобрена: 28.06.2024; Принята: 03.07.2024.

Submitted: 31.05.2024; Approved: 28.06.2024; Accepted: 03.07.2024.

Research article

UDC 004.8 + 81'33

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.15310>

DATASET PREPROCESSING EFFECTS ON BI-LSTM-BASED CONCEPT TAGGING OF TEXT TOKENS

O.I. Babina , A.Yu. Zinoveva ,
E.D. Nerucheva

South Ural State University,
Chelyabinsk, Russian Federation

 babinaoi@susu.ru

Abstract. The paper considers the problem of natural language dataset preprocessing to improve the neural network model performance. The aim of the study is to find out the dataset preprocessing parameters that ensure higher performance of the model aimed at correlating textual input (a sequence of lexical units) with semantic, or conceptual, classes, i.e. concept tagging. Our methodology includes: a) modeling conceptual annotation of textual units, b) experimenting with textual dataset preprocessing options. The model that we propose takes as input tokens (in lowercase) representing words and multi-component lexical units (phrases), some of which are domain concept related. Since each token may refer to several conceptual classes, the concept tagging task is treated as a multi-label classification problem. In this research, we deal with the corpus of news reports on terrorist attacks in English. We experimented with preprocessing the corpus-based dataset by: a) lemmatizing tokens, b) removing stop words, and c) including sentence separators as individual tokens in the model vocabulary. The multi-label classification model used for the training experiments was a neural network that constructs sequences of lexical unit embeddings and feeds them into a bidirectional long short-term memory (Bi-LSTM) model. The experimental results show that the dataset preprocessed according to all the above-mentioned procedures demonstrated the highest micro-, macro- and weighted averaged F1-scores. The per-class F1-score on the test dataset reaches 88% for the class characterized by high frequency and low lexical variability in the training, validation, and test samples. The novelty of the paper lies in the proposed approach to content analysis of news reports on terrorist attacks using the proposed multi-label classification model. New results were obtained during experimenting with the differently preprocessed corpora of news reports on terrorist attacks. The proposed method may be used for content analysis of news reports specific to other subject areas.

Keywords: semantic tagging, natural language processing, Bi-LSTM, multi-label classification, data preprocessing, news corpus, terrorism.

Citation: Babina O.I., Zinoveva A.Yu., Nerucheva E.D., Dataset preprocessing effects on Bi-LSTM-based concept tagging of text tokens, Terra Linguistica, 15 (3) (2024) 109–123. DOI: 10.18721/JHSS.15310

ВЛИЯНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ОБРАБОТКИ НАБОРА ДАННЫХ НА КОНЦЕПТУАЛЬНУЮ РАЗМЕТКУ ТЕКСТОВЫХ ТОКЕНОВ НА ОСНОВЕ ДВУНАПРАВЛЕННОЙ LSTM

О.И. Бабина , А.Ю. Зиновьева ,
Е.Д. Неручева

Южно-Уральский государственный университет,
Челябинск, Российская Федерация

✉ babinaoi@susu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема предварительной обработки набора данных на естественном языке для повышения качества работы нейросетевой модели. Цель исследования — выяснить параметры предварительной обработки набора текстовых данных, обеспечивающие более высокие показатели качества модели, направленной на соотнесение текстового ввода (последовательности лексических единиц) с семантическими (концептуальными) классами, т.е. на концептуальную разметку текста. Наша методология включает в себя: а) моделирование концептуального аннотирования текстовых единиц; б) экспериментирование с вариантами предварительной обработки набора текстовых данных. Специфика модели концептуального аннотирования, которую мы предлагаем, состоит в том, что она принимает на вход токены (в нижнем регистре), представляющие собой слова и многокомпонентные лексические единицы (словосочетания), некоторые из них аннотированы концептами предметной области. Поскольку каждый токен может относиться к нескольким концептуальным классам, задача разметки концептов ставится как задача классификации по нескольким меткам. В данном исследовании мы используем в качестве материала корпус новостных сообщений о террористических актах на английском языке. Мы экспериментировали с предварительной обработкой набора данных на основе корпуса путем: а) лемматизации токенов; б) удаления стоп-слов; в) включения разделителей предложений в качестве отдельных токенов в словарь модели. Модель классификации с несколькими метками, используемая для экспериментов с обучением, представляла собой нейронную сеть, которая строит последовательности эмбедингов лексических единиц и передает их на обработку в последовательно расположенные двунаправленные слои долгой краткосрочной памяти (Bi-LSTM-слои). Результаты экспериментов показывают, что набор данных, предварительно обработанный в соответствии со всеми вышеупомянутыми процедурами, продемонстрировал самые высокие микро-, макро- и средневзвешенные значения показателя F1. Поклассовая оценка F1 достигает на тестовом наборе данных значения 88% для класса, характеризующегося большой употребительностью и низкой лексической вариативностью в обучающей, проверочной и тестовой выборках. Новизна работы заключается в предложенном подходе к контент-анализу новостных сообщений о терактах с использованием предложенной модели классификации по нескольким меткам. Новые результаты были получены в ходе экспериментов с различными предварительно обработанными корпусами новостей о терактах. Предложенная методика может быть масштабирована для проведения контент-анализа новостных сообщений, специфичных для других предметных областей.

Ключевые слова: семантическая разметка, обработка естественного языка, двунаправленная LSTM, классификация по нескольким меткам, предобработка данных, корпус новостных текстов, терроризм.

Для цитирования: Бабина О.И., Зиновьева А.Ю., Неручева Е.Д. Влияние предварительной обработки набора данных на концептуальную разметку текстовых токенов на основе двунаправленной LSTM // Terra Linguistica. 2024. Т. 15. № 3. С. 109–123. DOI: 10.18721/JHSS.15310

Introduction

Nowadays, the need to automate text analysis is increasing, since information is mainly distributed in the form of texts in the natural language. At the same time, the number of texts increases, which leads to the practical impossibility to obtain analytical data based on manual text data processing.

A popular method to analyze political, social, religious, psychological views, comprehend industrial and economic trends is content analysis (CA) of texts. The purpose of CA is to extract information about the phenomenon of interest based on quantitative and qualitative text analysis and to make replicable and valid inferences from texts (or other meaningful matter) to the contexts of their use [6]. CA today is widely applied in different fields. Thus, it is used in psycholinguistics to analyze the patterns of speech activity; in intercultural communication – to identify cultural dominants and culturally specific parameters of representatives of different cultures; in political science – to monitor the dynamics of social processes and political preferences, as well as to draw conclusions about the religious affiliations of political leaders; in social science – to conceptualize problems of a city, levels of depression among citizens; in mass media – to detect editorial biases of journals and newspapers; in advertising – to build effective strategies for attracting attention to a product, etc.

The quantitative CA procedure involves determining analysis units representing semantic categories relevant to the solution of the task at hand, then establishing the corresponding units of account, and then, by counting the latter, it is possible to estimate the importance or prevalence of certain ideas and opinions, as well as the relationship between the target concepts with subsequent interpretation of the obtained results. Consequently, to make a decision or draw a conclusion using CA, one has to annotate text units with concept-related labels, which will form a ground for calculations and semantic interpretation of the obtained data.

Generally, natural language processing (NLP) tasks, in the essence, correspond to the problem of correctly classifying textual input. In recent years, the development of artificial intelligence techniques has led to an increase in attempts to solve NLP tasks using machine learning and deep learning approaches. Thus, the problem of topic modeling for a set of documents is effectively solved using probabilistic algorithms, such as Expectation Maximization Algorithm, Probabilistic Latent Semantic Analysis, Latent Dirichlet Allocation and its modifications, see, for example, [5, 6]. Other studies also demonstrate decent results in solving the problem of text classification based on the use of Naïve Bayes, Logistic Regression, Support Vector Machine and other classifiers for assigning a label to the text.

Besides traditional machine learning techniques, the neural network approach to solving NLP tasks has been increasingly developed recently. Among the well-known architectures, the recurrent neural network architecture, as well as its bidirectional long short-term memory (Bi-LSTM) modification, have proven their productivity in the context of solving text classification and sequence labeling problems. Many solutions are now freely available online. Thus, the Hugging Face framework¹ combines a set of solutions for NLP tasks, including pretrained models for different languages and pipelines for solving translation tasks, text summarization, question answering, text classification, sequence labeling, etc.

In this paper, we consider the problem of a sequence labeling that arises when there is a need to assign a certain text segment to a class or classes. Often, sequence classification is performed at the sentence or short-text level. The problem of sequence labeling may be set as a problem of:

- binary classification. It is the simplest case, when the text (sequence) needs to be labeled as belonging or not belonging to one class. It is the case when we need to answer a question formulated as follows: ‘Is this text about ecology?’, ‘Do people rate the film positively?’, ‘Is this message spam?’ etc. The answers would be either ‘yes’ or ‘no’, which is what the classifier should predict.
- multi-class classification. It is an extension of the binary classification, when the number of classes is greater than two. For each sample, the classifier selects only one label (class) from the set, so the classes are mutually exclusive.

¹ Hugging Face. Available at: <https://huggingface.co/> (accessed 30.03.2023).

- multi-label classification. In this case, the textual input may be associated with a number of labels from a predefined set. In this case, the same sample may be labeled with more than one class at a time. Therefore, the categories in the set intersect.

- multi-task classification. It is the case of multi-class-multi-output classification, when textual inputs are classified using a set of non-binary labels. That is, the number of classes and the number of valid values per class is greater than two.

In this paper, we consider the problem of the CA task, which we treat as a multi-label classification problem at the stage of multi-word unit annotation, or tagging, with content labels. Further in this paper, in Materials and Methods section, we present the dataset structure and preprocessing options we experimented with, and also the architecture of the Bi-LSTM-based classifier used in the experiments. Then, in Results section, we present quantitative data from the experiments based on differently preprocessed datasets. Then, in Discussion section, we provide some insights into the reasons for the results obtained. Finally, in Conclusion section, we summarize the main results and give a brief view on further research directions.

Materials and Methods

The aim of this study is to find efficient ways of textual dataset preprocessing to solve the problem of labeling single- and multi-word units with concepts. The reason for this task is the need to have a per-token semantically annotated data to store CA that is very useful to support decision-making in many domains driven by human opinion. Our hypothesis is that labeling multi-word units (in addition to words), converting text to lowercase, lemmatization, removing stop words and treating end-of-sentence punctuation marks as separate tokens may improve the performance of the concept tagging model.

The basic CA procedures include deciding on concepts, or semantic categories, related to the analysis goal, selecting the units manifesting the concepts, then coding the text using concept-related labels based on finding concept manifestations in the text, and finally, interpreting the data on qualitative and quantitative concept distribution in the text. The key carriers of semantics in the text are lexical units. The meanings of lexical units and their combinations determine the informative content of the text. Based on these considerations, CA involves identifying lexical units and labeling them with the corresponding semantic category relevant for CA.

Hence, keeping in mind the CA task, our approach to labeling the text consists of mapping lexical units in the text to specific classes, representing domain concepts relevant for CA. We propose using a deep learning framework based on the Bi-LSTM classifier to solve the task. A model performance is determined by a set of parameters, including dataset preprocessing, which we will discuss in more detail.

Datasets

The material for our study is a tagged corpus of terrorism domain e-news in English, in which lexical units (words and phrases) are labeled with domain-relevant classes. The corpus was compiled using a conceptual annotation platform [12] based on the domain ontology and ontollexicon containing single- and multi-word units (tokens) automatically extracted from the corpus using the LanaKey tool [11] and mapped onto the domain ontology classes.

The choice of extracted keywords, including multi-word units, as features is due to the following reasons. First, multi-word units are domain-specific and, since the words that comprise them are presented in the microcontext of other words which function as meaning specifiers for each other, tend to be monosemantic, which leads to a solution to the problem of multiple interpretations of individual words (when they are used as features) by the model. This means that multi-word units as features would eliminate ambiguity and, thus, contribute to increasing the accuracy of the model. Second, a sufficiently large number of concepts are verbalized by set phrases constructed from two or more words (e.g., *terrorist attack*, *took place*, etc.). Moreover, it sometimes happens that the components of such multi-word units can hardly be referred to a terrorism domain concept when used independently, while as part of a phrase they form an unambiguous concept (e.g., *have blown themselves up*, *knife wielding*

man, suicide belt, etc.). Therefore, the use of multi-word units as features would contribute to a higher memorability of the model. Third, due to the applied metrics and algorithm of keyword extraction used in the LanaKey tool, the multi-word units are formed not just as mere frequent n-grams, but as syntactically well-formed word combinations, functioning in the corpus mainly as part of extracted phrases, which ensures the optimal choice of lexical units for modeling the domain through mapping to lexical dimensions. Hence, the choice of words or n-grams as features is intelligent and depends on the lexical unit functioning properties in the domain corpus. Thus, the domain-specific single- and multi-word units used as features ensure a complete and accurate semantic modeling of the domain by using monosemantic cliched phrases for constructing the vector space.

Below is an example of a sentence from the corpus that was tagged automatically using the ontolexicon-based platform and then manually verified, resulting in the ‘gold standard’ tagged corpus:

{Ten people}~A {were arrested}~P~RW~I {in Germany}~L~N {over}~O {suspicions}~I {they}~O {were}~B {planning}~K {a}~O {terrorist attack}~T, {report}~D {German}~N {news agency}~S {DPA}~S

As can be seen from the example, the tokens in the ‘gold standard’ corpus are enclosed in curly brackets and labeled with codes of semantic classes: *A* is the concept of ‘Agent (perpetrator) of an Attack’, *P* – ‘Damage as a Consequence of an Attack’, *RW* – ‘Counter Terrorism Measures’, etc. The full list of concepts, including 23 classes, and their codes are given in the Appendix (Table 5).

The ‘gold standard’ corpus consists of 1237 sentences of e-news on terrorist attacks for the period of 2019–2021. The corpus size is 22420 tokens (including single- and multi-word tokens). The complete vocabulary list of the corpus consists of 5819 different lexical single- or multi-word units. The list of the most frequent tokens related to the domain is given in Table 1.

The ‘gold standard’ corpus was preprocessed and reformatted to compile the dataset in the following order:

1. The corpus was split into tokens. Each token is explicated by a single- or a multi-word unit.
2. All tokens are lowercase to eliminate the graphical distinction between the same tokens at the beginning and in the middle of a sentence.
3. The set of labels related to the domain was binarized.

In particular, the labels of each token were transformed into a multi-dimensional label vector with zeros and ones at the corresponding positions, where “one” in a certain position means that this token is mapped onto the class coded in this position. The positions of the vector correspond to domain-relevant classes labeled with their codes. The label vector dimension for datasets is 23, which corresponds to the number of domain-relevant classes. The vector of zeros stands for the token belonging to common words that are not characteristic of the domain.

Sample data from the preprocessed corpus is shown in Fig. 1.

During this research, we experimented with different options for dataset preprocessing, which included:

1. Optional lemmatization with WordNetLemmatizer class from Natural language toolkit (NLTK) package². One option is the case where each token in the dataset is lemmatized (see column ‘lemma’ in Fig. 1). For multi-word tokens, each word in the token is lemmatized individually and then concatenated into a string of lemmas. In this case, the model vocabulary consists of lemmatized tokens. Another option is to compile the vocabulary from the text forms used in the corpus.

2. Extracting sentence separators (periods, question marks) at the end of each sentence into a separate token or ignoring sentence separators during preprocessing the dataset (see token 55 in Fig. 1).

3. Stop words removal. The datasets were prepared in two forms: first, as a raw sequence of tokens as observed in the corpus (as shown in Fig. 1); second, as a sequence of tokens, from which stop words were removed (e.g., tokens 47, 49, 51 in Fig. 1 are excluded from the datasets with the stop words removed).

These optional preprocessing allowed further experimenting with the vocabulary size and the embedding layer, constructing embeddings based on the following principles:

² NLTK. Available at: <https://www.nltk.org/> (accessed 30.03.2023).

	token	lemma	A	BW	C	CR	D	DA	E	EW	...	N	OW	P	RM	S	T	UW	X	Y	Z
45	At least	at least	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
46	two	two	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
47	other	other	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
48	persons	person	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
49	are	be	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
50	missing	missing	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	1	0	0	0	0	0	0	0
51	a	a	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
52	security source	security source	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
53	told	told	0	0	0	0	1	0	0	0	...	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0
54	AFP	afp	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	0	0	1	0	0	0	0	0
55	.	[SEP]	0	0	0	0	0	0	0	0	...	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0

Fig. 1. Sample data from the preprocessed dataset

Table 1. List of the most frequent token-label pairs in the corpus

Token	Label	Frequency
<i>said</i>	D	277
<i>people</i>	P	100
<i>attack</i>	T	88
<i>died</i>	P	58
<i>explosion</i>	T	45
<i>told</i>	D	39
<i>terrorist attack</i>	T	36
<i>statement</i>	S	34
<i>injured</i>	P	34
<i>took place</i>	R	33
<i>city</i>	L	31
<i>wounded</i>	P	31
<i>suspect</i>	A, I	27
<i>incident</i>	T	27

1) considering word distribution either within a sentence or across sentences. In the first case, the batches of tokens fed into the model's embedding layer are formed from the tokens of a single sentence only; in the latter case, the batches are created as n-grams, which include neighboring words both within the current sentence and from the adjacent sentence, that is, a batch might consist of the last k tokens from the previous sentence combined with the first n-k tokens from the following sentence in the text (in this approach, separation tokens are ignored);

2) taking or not taking into account the function words in the context of notional lexical units in the embeddings;

3) experimenting with various label vector representations.

Thus, the materials of the research consists of eight datasets, each of which was preprocessed according to the first three above-mentioned steps. Various features of the datasets are shown in Table 2.

The distribution of tokens labeled by 23 domain-relevant classes in the datasets is shown in Fig. 2. This distribution is the same for all eight datasets as separators and stop words, consisting mostly of function words, are semantically irrelevant to the domain, and consequently, are labeled as belonging to the class *O (Other)*. Therefore, the dataset modifications involving changes in stop words, separators and lemmatization parameters do not affect the distribution.

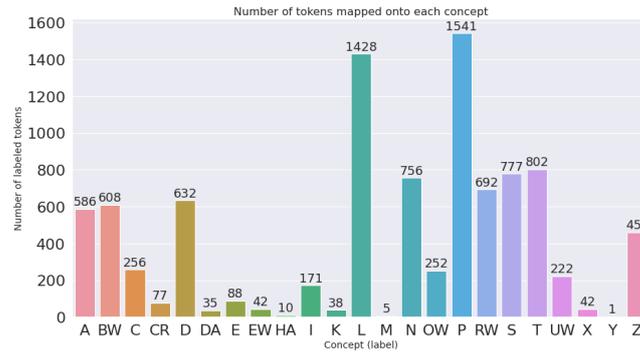

Fig. 2. Label distribution in the corpus

Table 2. Dataset features used in the experiments

Dataset No.	Tokens are lemmatized	Separators are taken into account	Stop words are eliminated
Dataset 1	Yes	No	Yes
Dataset 2	No	No	Yes
Dataset 3	Yes	Yes	Yes
Dataset 4	No	Yes	Yes
Dataset 5	Yes	No	No
Dataset 6	No	No	No
Dataset 7	Yes	Yes	No
Dataset 8	No	Yes	No

As can be seen from the example above, some tokens in the ‘gold standard’ corpus are tagged with multiple ontology classes, which is due to conceptual syncretism (see [15] for more details on conceptual syncretism). For example, the token ‘*in Germany*’ is labeled as activating the concepts *Location* (*L*) and *Nation* (*N*). Though the vast majority of tokens in the ‘gold standard’ corpus are unambiguous and labeled with one tag, some tokens are mapped to multitags, consisting of two or, in rare cases, three or four tags (see Fig. 3).

The number of tokens in Datasets 1 through 4 (cases with stop words removed) that are labeled in the ‘gold standard’ corpus with one and more tags is shown in Fig. 3. The other four datasets differ only in the height of the first bar of the histogram. This bar shows the number of tokens that cannot be assigned to domain-relevant ontology classes, e.g., function words or common vocabulary. Such tokens are labeled with the vector of zeros in the datasets.

If we discard the irrelevant tokens reflected by the first bar, tokens in the datasets are labeled predominantly with one domain-relevant tag. However, as the histogram in Fig. 3 shows, there are cases of double and triple class associations. Thus, the problem of concept tagging turns into a problem of multi-label classification: each token has to be labeled with a vector of zeros and ones in the corresponding positions.

Deep learning model for concept tagging

Our approach consists of constructing a classification model that takes as input a sequence of embeddings for consecutive tokens (lexical units), each embedding being computed by token distribution in the ‘gold standard’ corpus. We trained the models with a window of five consecutive tokens. The embedding sequences were fed to a series of Bi-LSTM layers, then to a hidden dense layer and finally to a dense classifier, assigning one or more classes to the middle token. Each layer is followed by dropouts to prevent overfitting and batch normalization, which helps improve efficiency of the model. The seed model architecture is given in Fig. 4. The number of trainable parameters in the model is 17349655.

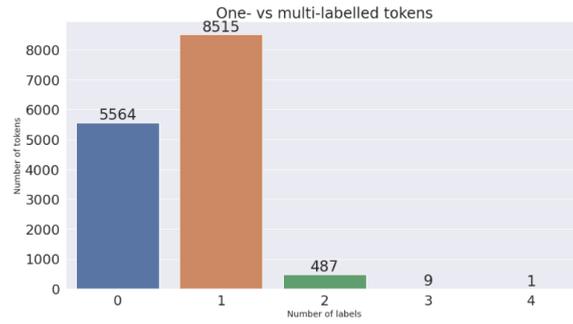

Fig. 3. Distribution of tokens with one and more labels (Datasets 1 through 4)

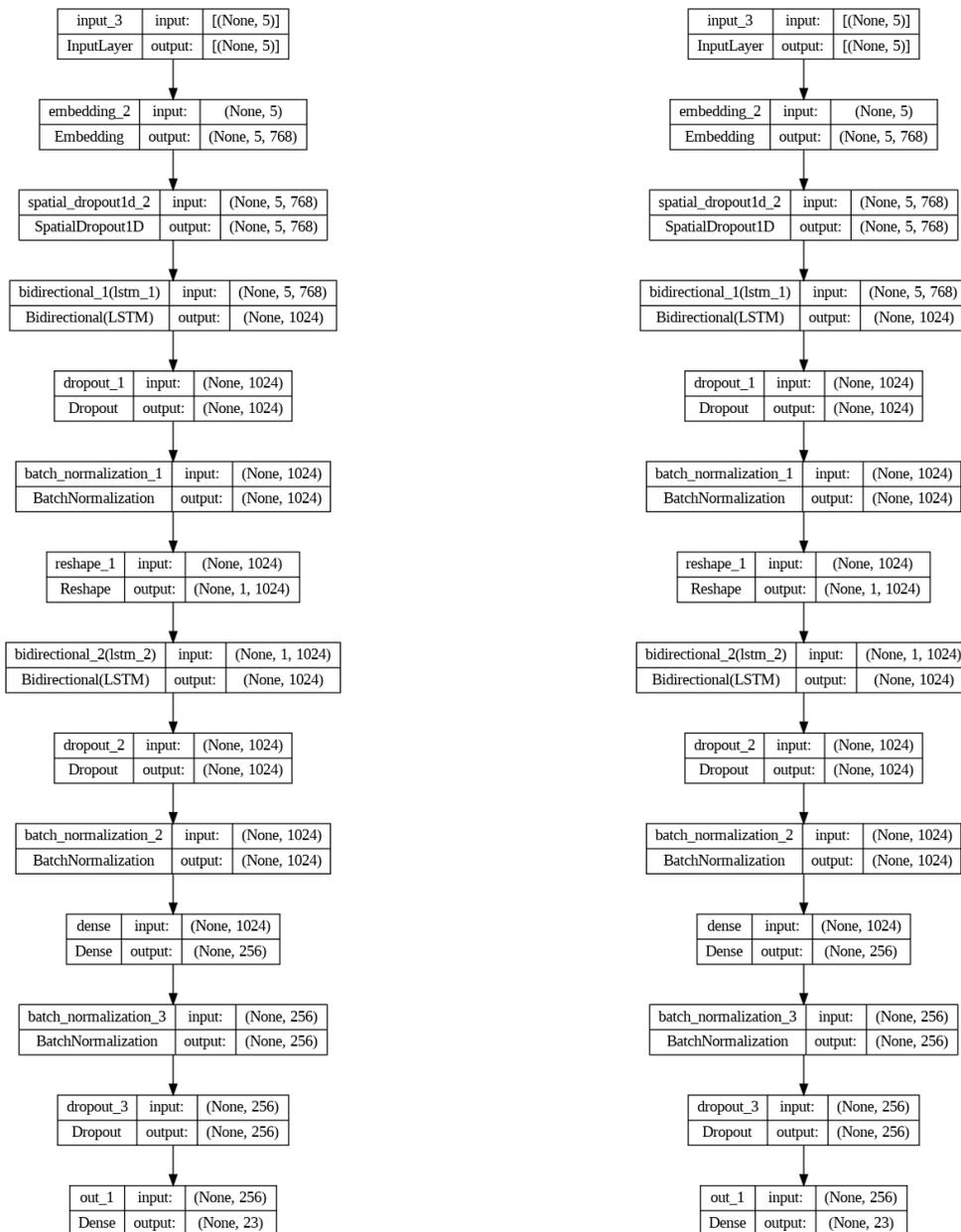

Fig. 4. Neural network architecture for the concept tagging task

The output of this model is a 23-dimensional array, its dimensions representing probabilities for each of the labels marking domain-relevant classes in the middle token.

The datasets were split into training, validation and test data subsets, with the validation portion being 0.2 and the test portion being also 0.2. The models for each dataset were trained for 25 epochs and then evaluated on the test datasets using the metrics described below to determine the best dataset preprocessing option. The best dataset was then evaluated for the quality of each class prediction. The results are presented in the following section.

Results

As we have shown, the problem of concept tagging is a multi-label classification problem. Keeping that in mind, we found it useful to evaluate the model performance on the test datasets based on aggregated metrics, including micro-, macro- and weighted average F1-score for each dataset and then F1-score for each class individually. The F1-score calculation is based on the precision and recall, which in turn are calculated based on the number of true positive, true negative, false positive and false negative predictions of the model. We calculated the F1-score using equations (1)–(3):

$$F1\text{-score} = 2 \cdot \textit{precision} \cdot \textit{recall} / (\textit{precision} + \textit{recall}), \quad (1)$$

$$\textit{precision} = TP / (TP + FP), \quad (2)$$

$$\textit{recall} = TP / (TP + FN), \quad (3)$$

where *F1-score* is the model-performance metric calculated as the harmonic mean of precision and recall; *precision* is a metric that measures the model quality in terms of its accuracy in predicting positives; *recall* is a metric that measures the model quality in terms of its sensitivity to positives in the dataset; *TP* is the number of true positive predictions; *FP* is the number of false positive predictions; *FN* is the number of false negative predictions of the model.

The micro averaged F1-score is calculated based on the sum of true positive, false positive and false negative predictions across all the classes, and then the global precision, recall and F1-score are calculated based on these values. The macro averaged F1-score is calculated as the arithmetic mean of all F1-scores for each class. The weighted average is calculated as the mean of all F1-scores for each class weighted by the class support, i.e. the proportion of actual occurrences of the class in all domain-relevant tokens in the test dataset. The metrics calculation results are given in Table 3.

Dataset 3, which includes texts with lemmatized tokens and removed stop words, as well as with sentence borders taken into account, turned out to be the best based on F1-score metrics. For this dataset, we also calculated confusion matrices and areas under the precision-recall curve for each class to determine the thresholds. The threshold for each class was calculated based on the threshold that produces maximum F1-score for each class. The precision-recall curves for each class are shown in Fig. 5.

The selected thresholds for each class are marked with large dots on the curves, which correspond to the per-class precision-recall tradeoffs maximizing F1-score metrics. The legends show areas under the curve and the thresholds calculated for each class based on F1-score maximization.

The model-produced predictions for test dataset evaluated by per-class precision, recall and F1-score metrics are shown in Table 4. Classes labeled as *M* and *Y* are omitted as they were found to be unsupported in the test dataset. Classes are sorted by F1-score value in descending order.

The data demonstrate low recall against the background of often rather high precision for classes that are hardly present in the training dataset (e.g., *Direction of Attack* (DA), *Adversary's Plans* (K), *Goal of Attack* (T) etc.). Classes representatively supported in the training dataset differ in the values of their scores. This may be due to monosemy or, conversely, ambiguity of tokens: classes represented in the corpus by

tokens that are ambiguously related to different classes in different contexts (*Counter-Terrorism* (RW), *Consequences-Damage* (P), etc.) have lower precision and recall values, which indicates insufficient sensitivity of the model due to the ‘noise’ produced by multiple references the token to concepts in the training data.

Table 3. Aggregate metrics of learning for test datasets based on different dataset preprocessing (The largest F1-scores in the column are shown in bold)

Dataset No.	Micro averaged			Macro averaged			Weighted averaged		
	precision	recall	F1	precision	recall	F1	precision	recall	F1
Dataset 1	.42	.47	.44	.51	.30	.37	.71	.47	.56
Dataset 2	.40	.46	.43	.44	-.27	.33	.72	.46	.56
Dataset 3	.71	.59	.64	.73	.47	.56	.85	.60	.70
Dataset 4	.28	.42	.34	.47	.28	.34	.73	.42	.53
Dataset 5	.24	.44	.31	.42	.26	.31	.69	.44	.53
Dataset 6	.23	.44	.30	.40	.24	.30	.70	.44	.53
Dataset 7	.57	.59	.58	.64	.42	.50	.85	.59	.69
Dataset 8	.19	.43	.26	.42	.24	.30	.67	.43	.52

Errors in classification are likely due to ambiguous tokens, such as the token ‘*Arab people*’ that could be referred to an *Agent* (A) in some contexts and to an *Object of Attack* (Z) in others. Another cause of errors may be due to unknown tokens that appear in the test dataset and are absent from the training set.

Discussion

The results obtained concern the solution of the problem of token tagging on a semantic basis. This task quite often arises in state-of-the-art research related to textual input classification based on topic modeling, identification of web-user’s interest, authors’ demographic parameters including age, gender, education, etc., see, for example, [4, 7–9, 14]. At the same time, the machine learning approach plays an essential role in solving problems related to terrorist activity (also considered in this paper as a practical application of CA), including event classification in terrorism domain [4], topic modeling to predict terrorist motives [2], data analysis to predict factors contributing to the growth of terrorism [1], prediction of possible terrorist attacks [3], prediction of a terrorist attack related parameters (such as weapon type, attack type, etc.) based on studying features from the Global Terrorism Database [10] and other techniques aimed at preventing violence and security threats. The presented solutions based on learning from natural language texts provide F1-score for different models up to 78%.

This paper considers the problem of finer-grained semantic classification applied to domain-related words and phrases, which would allow CA of terrorism domain e-news by tracking the combinations and frequencies of labels in a text sequence. This task is more challenging than that of entire text categorization, since several labels need to be recognized in the same context and, in addition, they need to be arranged in a sequence, i.e., associated with a specific token.

The approach proposed here is to compile the vocabulary of domain-relevant *multi-word* units coded in the input sequences as a single token. These tokens function as a unit for constructing embeddings in the Bi-LSTM-based classification model, which is a key distinction of our model. This approach allows us to refine the semantics of the units used to model the domain, and thus contributes to improving the accuracy of the model.

The research results show that the hypothesis about the possibility of improving the metrics through preprocessing the corpus did add to weighted averaged F1-score metrics, which varied from 53% for

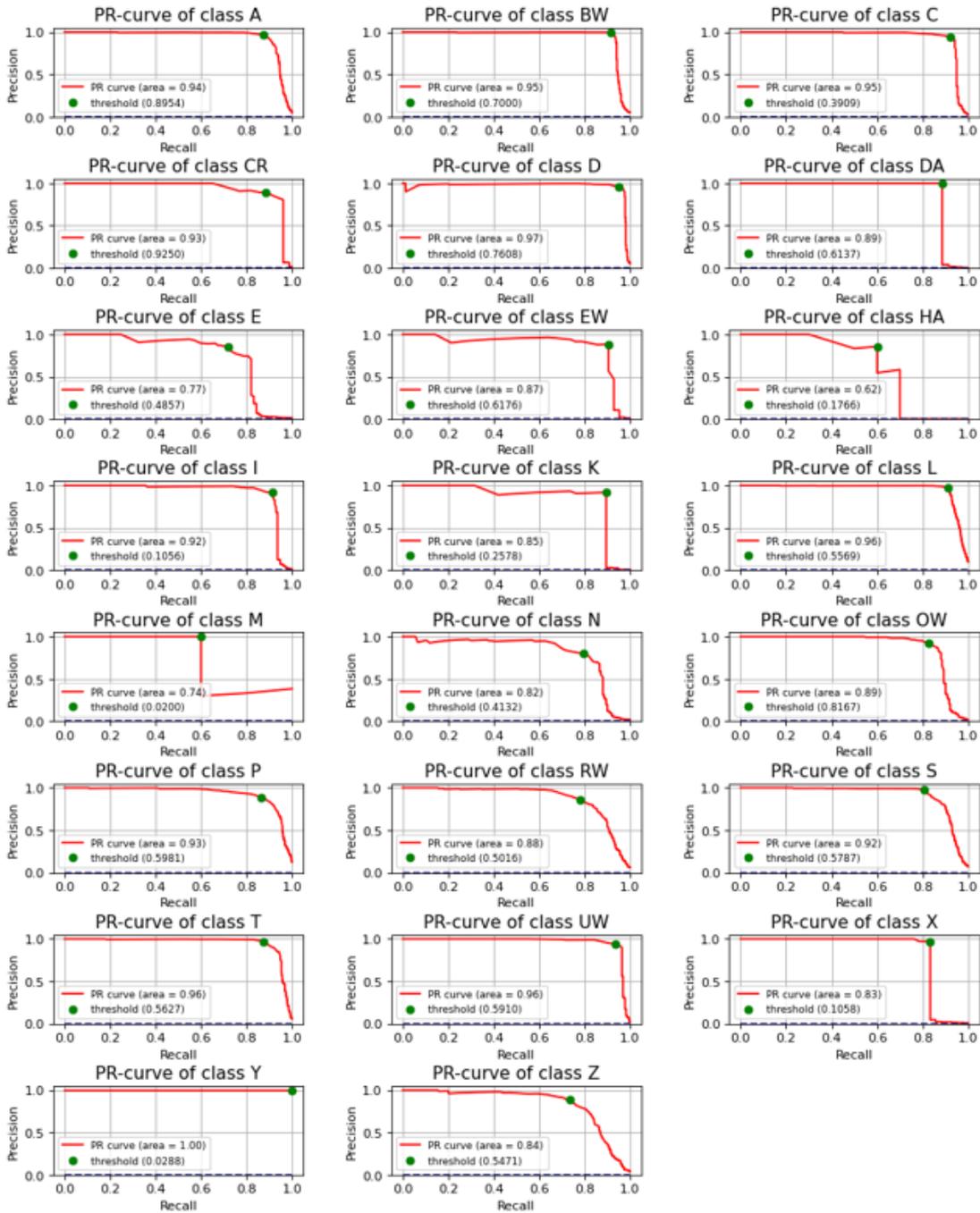

Fig. 5. Precision-recall curves and threshold values for Dataset 3

the minimally preprocessed data (Dataset 6) to 70% for *data preprocessed by stop words removal, lemmatization and taking into account separators* (Dataset 3). In case of per-class predictions, the highest predictive ability was achieved for the class *Declaration* (F1-score of 88%), which could be explained by the following factors:

- 1) the training set of class examples was supported by a sufficiently large set of samples (510 units) in the corpus;
- 2) the vocabulary size of the class is comparatively lower than that of other classes and includes the most frequent lexical units in the corpus;

Table 4. Per-class model prediction evaluation

Concept	Code	Test Dataset				Support in training dataset
		Precision	Recall	F1-score	Support	
Declaration	D	0.93	0.84	0.88	123	510
Terrorist Organization	UW	0.97	0.78	0.86	40	182
Time	BW	0.99	0.69	0.81	127	481
Means of Attack	C	0.92	0.69	0.79	49	207
Type of Attack	T	0.89	0.69	0.78	149	653
Consequences-Damages	P	0.86	0.69	0.77	310	1231
Agent	A	0.96	0.61	0.74	109	477
Cause	EW	0.88	0.64	0.74	11	31
Location	L	0.97	0.60	0.74	284	1144
Claim Responsibility	CR	0.79	0.69	0.73	16	61
Assumption	I	0.88	0.54	0.67	28	143
Direction of Attack	DA	1.00	0.44	0.62	9	26
Adversary's Plans	K	1.00	0.38	0.55	8	30
Counter-Terrorism	RW	0.69	0.46	0.55	134	558
Source	S	0.70	0.45	0.55	139	638
Goal of Attack	X	1.00	0.33	0.50	12	30
Nation	N	0.59	0.37	0.46	51	158
Object of Attack (Target)	Z	0.54	0.40	0.46	94	365
Other Terrorist Activities	OW	0.77	0.26	0.38	39	213
Threats	E	0.44	0.20	0.28	20	69
Have Means of Attack	HA	0.00	0.00	0.00	3	7

3) units belonging to the class tend to be unambiguous in the corpus, i.e. units are labeled predominantly with one tag only.

The lowest prediction results were observed, as expected, for the classes that are of low frequency in the corpus, as well as for the classes, whose units vary their association to a conceptual class in different context.

Generally, the experimental results show quality comparable to the results obtained for the task of the whole text classification and, as a consequence, provide the possibility to finer-grained per-unit classification, which should provide data for quantitative CA and as well as room for further research.

Conclusion

This paper presents the results on experimenting with textual dataset preprocessing to study a model for concept tagging of text tokens. The proposed approach treats the dataset as a set of single- and multi-word tokens that may be labeled with one or more domain-relevant conceptual classes. Experiments dealt with varying the options of token preprocessing, including optional lemmatization, stop words removal and taking into account sentence separators in the textual input.

Experimental results show that a dataset with lemmatized words, removed stop words and consideration of sentence separators provides the best F1-score values, when assessed on a micro-, macro- and weighted average basis.

The practical value of this research lies in the possibility of applying proposed approach to the preparation of datasets, when tagging large corpora in natural languages. Tagged corpora may further serve as a basis for CA of discourses, which is in demand in various domains, including counter-terrorism security, politics, business, economics, mass media, etc.

Table 5. List of conceptual classes used in corpus annotation (adapted from [13])

Concept	Code	Definition	Lexical examples
ADVERSARY'S PLANS	K	Intended activities of a terrorist or a terrorist group.	alleged terrorist attack plot, planning a terrorist attack, preparing, plotting
AGENT	A	The perpetrator of the attack.	violent extremist, terrorist group, fighter, terrorism suspect
ASSUMPTION	I	Assumptions of "good guys" about a probable terrorist group behind the attack or a suspect.	suspect, being suspected, reportedly, apparently
CAUSE	EW	To make smth happen	resulting in, causing, as a result of, as a result of two explosions
CHARACTER OF ATTACK	M	The concept indicates whether the victims of the attack were numerous or one person was the only target.	deadliest, large-scale, macabre, powerful
CLAIM RESPONSIBILITY	CR	To claim responsibility for an attack.	claiming responsibility for the attack, claiming, pleading guilty, responsible
CONSEQUENCES DAMAGE	P	All negative outcomes of the terrorist attack, such as human victims, destroyed objects, terrorists' destiny, and the condition of those.	victim, being killed, being injured, resulting in no injuries
CONSEQUENCES RECOVERY	Y	Actions aimed at repairing a physical and moral damage of the attack, e.g., condolences, etc.	quick recovery
COUNTER-TERRORISM	RW	Actions aimed at preventing terror attacks or deliver justice to terrorists	heightened security cordon, detective, detaining, investigation
DECLARATION	D	To say, to declare, to announce (the concept is normally linked to verbs and adverbial phrases that mean the transfer of information).	saying, adding, telling, reporting
DIRECTION OF ATTACK	DA	To target smth or smb	against, targeting, directly targeting
GOAL OF ATTACK	X	The goal terrorists are trying to achieve by committing the attack. It can also be used to indicate the rea-son for the attack as sometimes it is hard to distinguish between them.	sowing seeds of discord, weakening the offensive, stoking sectarian tensions, diverting attention from Mosul
HAVE MEANS OF ATTACK	HA	To have a weapon or a weapon-like object (the concept is normally linked to verbal phrases that mean the process of application of MEANS OF ATTACK).	being laden, being armed with, wielding, being filled with
LOCATION	L	The country, region, city, district, or geographical entity where the attack took place.	Turkey, city of Kobani, Iraqi capital of Baghdad, around mosques
MEANS OF ATTACK	C	The weapons or weapon-like objects (e. g., a truck) used to commit the attack, also functional weapon parts, such as explosives, bullets, etc.	land mine, knife, suicide car bomb, assault rifle
THREATS	E	Terrorist's actions related to threatening, causing fear in victims, and their aftereffects	threat, start of the offensive, mind control, fresh spate of violence
NATION	N	The origin of terrorist and victims; it should not be confused with LOCATION, which only covers the places where particular attacks were committed.	Franco-Moroccan, Australian, Palestinian, Algerian
OBJECT OF ATTACK (TARGET)	Z	The animate or inanimate object the attack is directed to, which is hurt or damaged in the attack.	church, shopper, crowded street, government official

End of Table 5

Concept	Code	Definition	Lexical examples
OTHER TERRORIST ACTIVITIES	OW	Types of terrorist activities that are not literary terror attacks, e.g., terrorism financing, recruiting, involvement in war conflicts, etc., but appear sporadically in terrorism domain e-news and are therefore considered relevant.	suspicious activity, material support, Islamic State sympathizers, screaming Allahu Akbar
SOURCE	S	The sources of the message about the attack, such as newspapers, TV channels, news agencies, or authorities.	Daily Mail, Amaq news agency, witness, regional governor spokesman
TERRORIST ORGANIZATION	UW	The organization responsible for the attack or any organization mentioned in the text.	Islamic State terror group, Daesh, Taliban, al-Qaida
TIME	BW	The time and date of the attack.	this year, Monday, during the New Year holidays, for at least four hours
TYPE OF ATTACK	T	The type of attack, such as an explosion, kidnapping, arson, etc.	terrorist attack, explosion, suicide bomber

Given the obtained results, further research can be related to the assessment of the model's performance depending on further dataset preprocessing options, such as varying vocabulary size of the input by reducing its frequency or by combining semantically close tokens based on a thesaurus. Another prospect concerns experimenting with neural network architectures to improve the quality indicators of the model. We also consider the possibility of turning to pre-trained natural language processing models to assess their potential for the task at hand.

REFERENCES

- [1] **Agarwal P., Sharma M., Chandra S.**, Comparison of Machine Learning Approaches in the Prediction of Terrorist Attacks, 2019 Twelfth International Conference on Contemporary Computing (IC3), (2019) pp. 1–7. DOI: 10.1109/IC3.2019.8844904
- [2] **Bridgelall R.**, An Application of Natural Language Processing to Classify What Terrorists Say They Want, *Social Sciences*, 11 (1) (2022) 1–15. DOI: 10.3390/socsci11010023
- [3] **Huamani E.L., Alva-Mantari A., Roman-Gonzalez A.**, Machine Learning Techniques to Visualize and Predict Terrorist Attacks Worldwide using the Global Terrorism Database, *International Journal of Advanced Computer Science and Applications*, 11 (4) (2020) 562–570. DOI: 10.14569/ijacsa.2020.0110474
- [4] **Inyaem U., Meesad P., Haruechaiyasak C., Tran D.**, Terrorism Event Classification using Fuzzy Inference System, *International Journal of Computer Science and Information Security*, 7 (3) (2010) 247–256. DOI: 10.48550/arXiv.1004.1772
- [5] **Karpovich S.N.**, Multi-Label Classification of Text Documents using Probabilistic Topic Model ml-PLSI, *SPIIRAS Proceedings*, 4 (47) (2016) 92–104. DOI: 10.15622/sp.47.5
- [6] **Krippendorff K.**, (1980) *Content Analysis: An introduction to its methodology*. London: SAGE Publications, Inc. DOI: 10.4135/9781071878781
- [7] **Mitrofanova O., Sampetova V., Mamaev I., Moskvina A., Sukharev K.**, Topic Modelling of the Russian Corpus of Pikabu Posts: Author-Topic Distribution and Topic Labelling, *Intelligent Memory Systems*, (2020) pp. 115–130.
- [8] **Mustafa G., Usman M., Yu L., Tanvir Afzal M., Sulaiman M., Shahid A.**, Multi-label classification of research articles using Word2Vec and identification of similarity threshold, *Scientific Reports*, 11 (2021) 21900. DOI: 10.1038/s41598-021-01460-7
- [9] **Oliseenko V., Tulupyeva T.**, Neural Network Approach in the Task of Multi-label Classification of User Posts in Online Social Networks, 2021 XXIV International Conference on Soft Computing and Measurements (SCM), (2021) pp. 46–48. DOI: 10.1109/SCM52931.2021.9507148
- [10] **Saidi F., Trabelsi Z.**, A hybrid deep-learning based framework for future terrorist activities modeling and prediction, *Egyptian Informatics Journal*, 23 (3) (2022) 437–446. DOI: 10.1016/j.eij.2022.04.001

[11] **Sheremetyeva S.**, On Extracting Multi-word NP Terminology for MT, Proceedings of the 13th Annual Conference of the European Association for Machine Translation, (2009) pp. 205–212.

[12] **Sheremetyeva S., Babina O.**, A Platform for Knowledge Assisted Conceptual Annotation of Multilingual Texts, Bulletin of the South Ural State University. Series Linguistics, 17 (4) (2020) 53–60. (In Russ.). DOI: 10.14529/ling200409

[13] **Sheremetyeva S., Zinoveva A.**, Ontological Analysis of E-News: A Case for Terrorism Domain, Proceedings of the 14th International Conference on Interactive Systems, (2019) pp. 130–141.

[14] **Утеуов А.**, Topic model for online communities' interests prediction, Procedia Computer Science, 156 (2019) 204–213. DOI: 10.1016/j.procs.2019.08.196

[15] **Zinoveva A.**, On Resolving Conceptual Ambiguity in an English Terrorism E-news Corpus, Proceedings of the International Conference “Internet and Modern Society” (IMS-2020), (2021) pp. 205–215.

INFORMATION ABOUT AUTHORS / СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Olga I. Babina

Бабина Ольга Ивановна

E-mail: babinaoi@susu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1733-6075>

Anastasia Yu. Zinoveva

Зиновьева Анастасия Юрьевна

E-mail: zinovevaai@susu.ru

<https://orcid.org/0000-0002-7658-7376>

Ekaterina D. Nerucheva

Неручева Екатерина Дмитриевна

E-mail: neruchevaed@susu.ru

Поступила: 19.04.2024; Одобрена: 30.09.2024; Принята: 02.10.2024.

Submitted: 19.04.2024; Approved: 30.09.2024; Accepted: 02.10.2024.